

БЛЕЗ ПАСКАЛЬ

МЫСЛИ

Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Мысли
Блез Паскаль

Аннотация
Блез Паскаль. Мысли
Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне
Заметки о жизни господина Паскаля, написанные мадемуазель Маргаритой Перье, его племянницей
Мысли
- От переводчика
- Раздел I. Систематизированные бумаги
  - I. Порядок
  - II. Суета
  - III. Ничтожество
  - IV. Скука
  - V. Причины вещей
  - VI. Величие
  - VII. Противоположности
  - VIII. Развлечение
  - IX. Философы
  - X. Высшее благо
  - XI. Д. П.-Р.

XII. Начало
XIII. Покорность и сила разума
XIV. Преимущество
XV. Переход
XVI. Ложность других религий
XVII. Сделать религию привлекательной
XVIII. Основания
XIX. Иносказательный закон
XX. Раввины
XXI. Беспрерывность
XXII. Доказательства Моисея
XXIII. Доказательства Иисуса Христа
XXIV. Пророчества
XXV. Особые иносказания
XXVI. Христианская мораль
XXVII. Заключение

Аннотация

Что есть человек? Какова его природа? В чем смысл жизни? Этим основополагающим вопросам человеческого бытия посвящены «Мысли» – оставшийся незавершенным труд Паскаля, который содержит глубокие размышления о Боге и месте человека во Вселенной.

Афористичность изложения, краткость определений и лаконичный стиль выделяют этот шедевр из множества философских текстов XVII века. «Мысли», написанные в переломную эпоху, когда на излете гуманизма Возрождения зарождался рационализм Просвещения, чрезвычайно актуальны и сегодня, во времена не менее сложные и противоречивые.

В формате pdf.a4 сохранен издательский макет.

Блез Паскаль
Мысли

© Перевод. Ю. Гинзбург, наследники, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Жизнь господина Паскаля, написанная госпожой Перье, его сестрой, супругой господина Перье, советника палаты сборов в Клермоне

Мой брат родился в Клермоне 19 июня тысяча шестьсот двадцать третьего года. Отца моего звали Этьен Паскаль, он был председателем Палаты сборов. Моя мать звалась Антуанетта Бегон. Как только брат мой достиг того возраста, когда с ним можно было говорить, он стал выказывать ум необыкновенный — краткими ответами, весьма точными, а еще более — вопросами о природе вещей, которые удивляли всех вокруг. Такое начало, подававшее блестящие надежды, никогда нас не обманывало, ибо по мере того как он становился взрослее, возрастала и сила его рассуждений, далеко превосходившая его телесные силы.

Моя мать умерла в 1626 году, когда брату было всего три года, и отец, оставшись один, удвоил заботы о своем семействе; поскольку других сыновей у него не было, положение единственного

сына и другие качества, которые он угадывал в этом ребенке, заставляли его питать к нему такую привязанность, что он не мог решиться доверить его воспитание кому-нибудь другому и положил обучать его сам, что он и сделал; мой брат никогда не посещал коллежа и не знал другого учителя, кроме отца.

В 1632 году отец переехал в Париж, перевез нас всех туда и там обосновался. Моему брату, которому было тогда только восемь лет, переезд этот был очень полезен, исходя из отцовских замыслов о его воспитании; отец, без сомнения, не мог бы уделять ему столько забот в провинции, где его должность и многочисленное общество, постоянно у него собиравшееся, отнимали у него много времени. А в Париже он был совершенно свободен; он посвятил себя этому целиком и добился такого успеха, какой только могут принести заботы отца столь разумного и любящего.

Главным правилом его воспитания было, чтобы ребенок всегда оставался выше того, что изучал; поэтому отец не хотел преподавать ему латынь, пока ему не исполнилось двенадцати лет, чтобы она ему легче давалась. За это время он не позволял ему праздности, а занимал его всевозможными вещами, на которые считал

его способным. Он объяснил ему в общем, что такое языки; он показал, что языки подчиняются определенным правилам грамматики, что из этих правил бывают исключения, которые люди позаботились отметить, и что так было найдено средство сделать все языки доступными пониманию от страны к стране. Эта общая мысль прояснила его понятия и дала ему увидеть, для чего существуют правила грамматики, так что когда он стал их изучать, то уже знал, зачем он это делает, и занимался как раз теми вещами, где более всего требовалось прилежания.

После всех этих познаний отец преподал ему и другие. Он часто говорил с ним о необыкновенных явлениях в природе, например о порохе и других вещах, поражающих разум, когда о них задумываешься. Мой брат находил большое удовольствие в этих беседах, но хотел знать объяснения всех вещей; а поскольку они не все известны, то, когда отец ему их не давал или давал лишь те, что приводят обычно и суть не что иное, как отговорки, — это его не удовлетворяло. Ибо он всегда обладал удивительной точностью ума в определении ложного; можно сказать, что всегда и во всем единственным предметом, к которому стремился его ум, была истина, так как

никогда и ни в чем он не умел и не мог находить удовлетворения, кроме своих познаний. Поэтому он с детства мог соглашаться только с тем, что казалось ему несомненно правильным, так что, когда ему не давали точных объяснений, он искал их сам и, задумавшись о какой-то вещи, не оставлял ее до тех пор, пока не находил для нее удовлетворяющего его объяснения.

Однажды за столом кто-то случайно ударил ножом по фаянсовой тарелке; он заметил, что при этом раздается громкий звук, который стихает, если прикрыть тарелку рукой. Он хотел непременно узнать тому причину, и этот опыт привел его ко множеству других со звуком. Он обнаружил при этом так много, что в возрасте одиннадцати лет написал о том трактат, который был найден весьма убедительным.

Его гений в геометрии стал проявляться, когда ему было всего двенадцать лет, и при обстоятельствах столь необыкновенных, что о них стоит рассказать подробно. Мой отец обладал обширными познаниями в математике и имел обыкновение беседовать о ней со всеми сведущими в этой науке людьми, которые бывали у него. Но поскольку он намеревался обучить моего брата языкам и знал, что математика имеет

свойство заполонять и довольствовать собою ум, то не хотел, чтобы мой брат с нею знакомился, опасаясь, как бы это не заставило его пренебрегать латынью и другими языками, в которых он желал его совершенствовать. Поэтому он спрятал все математические книги. Он воздерживался разговаривать со своими друзьями о математике в его присутствии; но несмотря на такие предосторожности, любопытство ребенка было возбуждено, и он часто просил отца обучать его математике. Но отец отказывался, предлагая ему это в качестве награды. Он обещал, что, как только тот преуспеет в латыни и греческом, он начнет учить его математике.

Мой брат, видя подобное сопротивление, спросил его однажды, что такое эта наука и чем она занимается. Отец ответил ему в общем, что это умение строить правильные фигуры и находить пропорции между ними; вместе с тем он запретил говорить о ней дальше и думать когда бы то ни было. Но его ум, не умевший оставаться в предуказанных границах, как только узнал это простое вступление — что геометрия есть средство строить безупречно правильные фигуры, — стал размышлять о ней в свои свободные часы; придя в комнату, где он обычно играл, он взял уголек и

принялся чертить фигуры на полу, ища способа построить совершенную окружность, треугольник с равными сторонами и углами и другие подобные вещи.

Он нашел это все без труда; затем он стал искать пропорции фигур между собой. Но поскольку отец столь тщательно скрывал от него такие вещи, что он не знал даже названий фигур, пришлось ему самому их придумывать. Он называл окружность колечком, прямую — палочкой; так же и с прочим. После названий он придумал аксиомы и наконец совершенные доказательства, и, переходя от одного к другому, он так далеко продвинулся в своих изысканиях, что дошел до тридцать второй теоремы первой книги Евклида. Когда он ею занимался, отец случайно вошел к нему в комнату, так что брат этого не услышал. Он был на глазах отца так поглощен своими занятиями, что долго не замечал его прихода. Трудно сказать, кто был больше поражен, — сын, увидев отца, строго запретившего ему такие занятия, или отец, увидев сына, погруженного в такие вещи. Но отцовское удивление еще возросло, когда, спросив сына, чем он занимается, услышал в ответ, — что он искал такие-то и такие-то вещи — что и было тридцать второй теоремой Евклида.

Отец спросил, что навело его на такую мысль, он ответил, что обнаружил то-то и то-то; в ответ на следующий вопрос он рассказал еще несколько доказательств, и так, возвращаясь назад и пользуясь как названиями «колечками» и «палочками», он дошел до своих определений и аксиом.

Мой отец был так потрясен величием и мощью его дарования, что, не сказав ему ни слова, вышел и отправился к господину Ле Пайёру, своему близкому другу и очень ученому человеку. Придя к нему, он долго оставался неподвижен и словно вне себя. Господин Ле Пайёр, видя все это и вдобавок катившиеся из его глаз слезы, был не на шутку встревожен и просил его не скрывать более причину своих огорчений. Отец ему сказал: «Я плачу не от горя, а от радости. Вы знаете, как я старался не допустить для моего сына знакомства с геометрией из страха отвлечь его от других занятий. Но посмотрите, что он сделал».

Господин Ле Пайёр был удивлен не меньше, чем мой отец, и сказал, что считает несправедливым и далее сковывать такой ум и скрывать от него эти познания, что следует показать ему книги и больше его не удерживать.

Отец с этим согласился и дал ему «Начала»

Евклида для чтения в часы досуга. Он прочел и разобрался в них сам, и объяснения ему не потребовалось ни разу. Пока он их читал, он придумывал и свое и продвинулся так далеко, что смог постоянно бывать на еженедельных собраниях, куда сходились самые ученые люди в Париже, чтобы принести свои работы и обсудить чужие.

Брат мой стал очень заметен и в обсуждениях, и в собственных трудах, будучи одним из тех, кто наиболее часто приносил туда новые работы. В этих собраниях нередко также разбирались задачи, присланные из Германии и других стран, и его мнение обо всем этом выслушивалось внимательнее, чем чье-либо другое: у него был ум столь живой, что, случалось, он обнаруживал ошибки там, где прочие их не замечали. А между тем он уделял этим занятиям лишь часы досуга, так как изучал тогда латынь, согласно правилам, установленным для него отцом. Но поскольку он находил в этой науке истину, которую всегда так пылко искал, то был так этим счастлив, что вкладывал в нее всю душу; и как бы мало он ею ни занимался, он продвигался так быстро, что в возрасте шестнадцати лет написал «Трактат о конических сечениях», который слыл таким

достижением ума, что говорили, будто со времен Архимеда не бывало ничего подобного.

Все ученые полагали, что надо сразу же его напечатать, потому что, говорили они, хотя такой труд всегда будет вызывать восхищение, а все же, если его напечатать в тот год, когда автору всего шестнадцать лет, это обстоятельство немало прибавило бы к его достоинствам. Но поскольку мой брат никогда не имел жажды славы, он не придал этому значения и труд этот так и не был напечатан.

Все это время он продолжал изучать латынь и греческий, а кроме того, за едой и после нее отец беседовал с ним то о логике, то о физике и других разделах философии, и он все об этом узнал, не бывав никогда в коллеже и не имев других учителей ни в этом, ни во всем прочем.

Можно только вообразить, как радовался отец успехам моего брата во всех науках; но он не подумал, что такое усиленное и постоянное напряжение ума в столь нежном возрасте может дурно сказаться на его здоровье; и действительно, оно стало ухудшаться, как только он достиг восемнадцати лет. Но недомогания, которые он тогда испытывал, были невелики и не мешали ему продолжать все его привычные занятия, так

что как раз в то время, в возрасте девятнадцати лет, он изобрел арифметическую машину, с помощью которой можно производить всевозможные действия не только без пера или жетонов[1], но и без знания правил арифметики, и притом с безошибочной точностью. Это изобретение считалось вещью совершенно небывалой, поскольку укладывало в машину науку, обитающую в уме человеческом, и указывало средства производить с ней все действия безупречно правильно, не прибегая при этом к размышлению. Эта работа очень его утомила не самим замыслом или механизмом, которые он придумал без труда, но необходимостью объяснять все это рабочим, так что он потратил два года на то, чтобы довести ее до нынешнего совершенства.

Но эта усталость и хрупкость его здоровья, сказывавшаяся уже несколько лет, вызвали у него недомогания, от которых он так и не избавился с тех пор; и он говаривал нам, что с восемнадцати лет у него не было ни дня без страданий. Недомогания эти бывали разной тяжести, и как только они давали ему передышку, его ум сразу же устремлялся на поиски чего-то нового.

---

[1] Сноски: 1

Жетоны — разноцветные кружочки различного достоинства (20, 50 единиц и т. д.), с помощью которых вели счет в XVII веке.

В один из таких промежутков, в возрасте двадцати трех лет, увидев опыт Торричелли, он затем придумал и осуществил свой, называемый «опыт с пустотой», ясно доказывающий, что все явления, приписывавшиеся до того пустоте, причиной своей имеют тяжесть воздуха. Это была последняя работа в земных науках, которой он занял свой ум, и хотя впоследствии он изобрел циклоиду, в моих словах нет противоречия, потому что он нашел ее, не думая о ней и при обстоятельствах, заставляющих полагать, что он не прикладывал к тому усилий, как я бы сказала на его месте. Сразу же после того, когда ему не было еще и двадцати четырех лет, Промысел Божий представил случай, побудивший его читать благочестивые книги, и Бог так просветил его через это святое чтение, что он совершенно понял, что христианская религия требует от нас жить только для Бога и не иметь иной цели, кроме Него. Эта истина показалась ему столь очевидной, и столь обязательной, и столь благотворной, что он оставил все свои изыскания. И с тех пор он отринул все прочие познания, чтобы предаваться тому, о чем Иисус Христос сказал, что оно одно только нужно (Лк. 10, 42).

Он был до той поры особым покровительством

Провидения обережен ото всех пороков молодости, и, что еще более удивительно, при его складе и направлении ума, он никогда не был склонен к вольнодумству в том, что касается религии, всегда ограничивая свою любознательность явлениями природными; и он мне не раз говорил, что это правило присоединялось у него ко всем остальным, завещанным ему отцом, который сам питал благоговение к религии, внушил его и сыну с детства и наказал ему, что все, что составляет предмет веры, не может быть предметом рассуждений.

Эти правила, часто повторявшиеся ему отцом, к которому он питал глубочайшее почтение и в котором обширные познания соединялись с умом сильным и точным, так врезались ему в душу, что какие бы речи он ни слышал от вольнодумцев, они его никак не задевали, и хотя он был еще очень молод, но считал их людьми, исповедовавшими ложную мысль о том, что разум человеческий превыше всего, и не понимавшими самой природы веры.

Так этот великий ум, столь широкий и столь исполненный любознательности, столь неустанно искавший причины и объяснения всему на свете, был в то же время покорен всем заповедям

религии как ребенок. И такая простота царила в его душе всю жизнь, так что с тех самых пор, когда он решился не изучать более ничего, кроме религии, он никогда не занимался сложными теологическими вопросами и употреблял все силы своего ума на то, чтобы познавать правила христианской морали и совершенствоваться в ней, чему он посвятил все дарования, данные ему Богом, и весь остаток своей жизни не делал ничего иного, кроме как размышлял денно и нощно о законе Божием. Но, хотя он особо и не изучал схоластику, ему были известны постановления Церкви против ересей, измышленных хитростями и заблуждениями ума человеческого; такого рода изыскания более всего его возмущали, и в это время Бог послал ему случай явить свое рвение к религии.

Он жил тогда в Руане, где наш отец был занят на королевской службе; в то время там объявился некий человек, который обучал новой философии, привлекавшей всех любопытных. Двое молодых людей, из числа друзей моего брата, зазывали его к этому человеку; он с ними пошел. Но в беседе с философом они были немало удивлены, убедившись, что, излагая им основы своей философии, он извлекал из них выводы

о вопросах веры, противоречащие решениям Церкви. Он доказывал с помощью рассуждений, что тело Иисуса Христа не образовалось из крови Пресвятой Девы, и многое другое в том же духе. Они пытались возражать ему, но он стоял на своем. Обсудив между собой, как было бы опасно позволить беспрепятственно наставлять юношество человеку с такими ложными воззрениями, они решили сначала его предупредить, а если он будет упорствовать, то донести на него. Так и случилось, потому что он пренебрег их советами; тогда они сочли, что их долг — донести на него монсеньеру Дю Белле, исполнявшему тогда обязанности руанского епископа по поручению монсеньера Архиепископа. Монсеньер Дю Белле послал за этим человеком, допросил его, но был обманут двусмысленным признанием, которое тот написал собственноручно и скрепил своей подписью; впрочем, он не придал большой важности предупреждению, исходившему от троих молодых людей. Но как только они прочли это исповедание веры, то сразу поняли все его недомолвки, и это заставило их поехать к монсеньеру Архиепископу Руанскому в Гайон. Вникнув во все, он нашел это столь важным, что дал полномочия своему совету, а монсеньеру Дю Белле послал

особое распоряжение заставить этого человека объясниться по всем статьям обвинения и ничего не принимать от него иначе, как через посредство тех, кто на него донес. Это было исполнено, и он предстал перед архиепископским советом и отрекся от всех своих воззрений; можно сказать, что он сделал это искренне, потому что никогда не выказывал обиды на тех, кому был обязан этой историей, что позволяет думать, что он сам был обманут ложными заключениями, которые выводил из своих ложных посылок. Верно также, что в этом не было злого умысла против него и никакого другого намерения, кроме как открыть глаза ему самому и помешать ему соблазнять молодых людей, которые оказались бы не способны отличать истинное от ложного в таких тонких вещах. Так эта история разрешилась благополучно. И поскольку мой брат все более погружался в поиски способов угождать Господу, эта любовь к совершенству так пылала в нем с двадцати четырех лет, что охватила весь дом. Отец, не стыдясь учиться у своего сына, стал с тех пор вести жизнь более строгую благодаря постоянным упражнениям в добродетели вплоть до самой смерти, и кончина его была совершенно христианская.

Моя сестра, наделенная дарованиями необык-

новенными, снискавшими ей с детства такое громкое имя, какого нечасто добиваются и девицы много старше ее, была так тронута речами брата, что решилась отказаться от всякого успеха, который до тех пор так любила, и целиком посвятить себя Богу. Поскольку она была очень умна, то, как только Бог посетил ее сердце, она поняла вместе с братом все, что он говорил о святости христианской религии, и не могла более сносить своего несовершенства, в котором, ей казалось, она пребывала в миру; она стала монахиней в обители с очень суровым уставом, в Пор-Рояле-в-Полях, и умерла там в возрасте тридцати шести лет, пройдя самые трудные послушания и утвердившись за краткий срок в таких достоинствах, каких другие достигают лишь за долгие годы.

Моему брату было тогда двадцать четыре года; его недомогания все усиливались, и дошло до того, что он не мог глотать никакой жидкости, если она не была подогрета, и то лишь по капельке. Но так как, кроме того, он страдал невыносимыми головными болями, воспалением внутренностей и многими другими недугами, то врачи велели ему очищаться через день в течение трех месяцев; ему приходилось глотать все снадобья так, как он мог, то есть подогретыми и каплю за каплей.

Это была настоящая пытка, и окружавшим его было трудно даже смотреть на это; но мой брат никогда не жаловался. Он все это считал благом для себя. Ведь он не знал более иной науки, кроме науки добродетели, и, понимая, что она совершенствуется в недугах, он с радостью шел на все мучительные жертвы своего покаяния, видя во всем преимущества христианства. Он часто говорил, что прежде болезни мешали его занятиям и он страдал от этого, но что христианин должен принимать все, а особенно страдания, потому что в них познается Иисус Христос распятый, Который должен быть для христианина всей наукой и единственной славой в жизни.

Продолжительное употребление этих снадобий вместе с другими, ему предписанными, принесли некоторое облегчение, но не полное выздоровление. Врачи решили, что для полного восстановления сил он должен отказаться от всякой длительной умственной работы и, насколько возможно, искать случаев направлять свой ум на то, что его занимало бы и было бы ему приятно, то есть, одним словом, на обычные светские беседы; ведь других развлечений, подходящих для моего брата, не было. Но как заставить решиться на это такого человека, как он, которого Бог уже

посетил? И вправду сначала это оказалось очень трудно. Но на него так наседали со всех сторон, что он в конце концов уступил доводам о необходимости укрепить свое здоровье: его убедили, что это сокровищница, которую Бог велел нам беречь.

И вот он оказался в свете; он не раз бывал при дворе, и опытные царедворцы замечали, что он усвоил вид и манеры придворного с такой легкостью, будто воспитывался там от рождения. В самом деле, когда он говорил о свете, то так проницательно вскрывал все его пружины, что нетрудно было себе представить, как он умел бы на них нажимать и вникать во все, что требуется, чтобы приспособиться к такой жизни, насколько он бы счел это разумным.

То было время его жизни, употребленное наихудшим образом: хотя милосердие Божие оберегло его от пороков, а все же то был мирской дух, весьма отличный от евангельского. Богу, ожидавшему от него большего совершенства, не угодно было оставлять его в таком состоянии надолго, и Он воспользовался моей сестрой, чтобы его извлечь, как некогда Он воспользовался моим братом, чтобы извлечь ее из ее мирских занятий.

С тех пор как она стала монахиней, ее пыл

всякий день усиливался и все ее мысли дышали одной бесконечной святостью. Вот почему она не могла снести, что тот, кому она после Бога более всех была обязана снизошедшей на нее благодатью, не имел такой же благодати; и так как мой брат виделся с нею часто, она часто говорила об этом, и наконец слова ее обрели такую силу, что она убедила его — как он убедил ее первый — покинуть мир и все мирские разговоры, самые невинные из которых — всего лишь повторение пустяков, совершенно недостойное святости христианства, к которой мы все призваны и образец которой нам дал Иисус Христос.

Соображения здоровья, которые раньше поколебали его, показались ему теперь столь жалкими, что он сам их стыдился. Свет истинной мудрости открыл ему, что спасение души следует предпочесть всему остальному и что удовлетворяться преходящими благами для тела, когда речь идет о вечном благе для души, — это значит рассуждать ложно.

Ему было тридцать лет, когда он решился оставить свои новые мирские обязанности; начал он с того, что переменил квартал, а чтобы бесповоротно порвать со своими привычками, отправился в деревню; вернувшись оттуда после продолжи-

тельного отсутствия, он так ясно показал свое желание покинуть свет, что и свет покинул его.

Как и во всем, он и в этом хотел добраться до самого основания: его ум и сердце были так устроены, что он не мог иначе. Правила, которые он положил себе в своем уединении, были твердые правила истинного благочестия: одно — отказаться от всех удовольствий, а другое — отказаться от всякого рода излишеств.

Для исполнения первого правила он прежде всего стал, насколько возможно, обходиться без слуг и с тех пор поступал так всегда: сам стелил себе постель, обедал в кухне, относил посуду, одним словом, позволял слугам делать только то, чего никак не мог делать сам.

Обходиться вовсе без чувственных ощущений было невозможно; но когда ему приходилось по необходимости доставлять чувствам какое-то удовольствие, он удивительно искусно отвращал от него душу, чтобы она не имела тут своей доли. Мы никогда не слышали, чтобы он похвалил какое-то блюдо, которое ему подавали; а когда ему старались иногда приготовить что-нибудь повкуснее, то на вопрос, понравилось ли ему кушанье, он отвечал просто: «Надо было предупредить меня заранее, а сейчас я уже об этом не

помню и, признаюсь, не обратил внимания». А когда кто-нибудь, следуя принятому в свете обычаю, восхищался вкусным кушаньем, он не мог этого выносить и называл это чувственностью, хотя это и была самая обыкновенная вещь, — «потому, — говорил он, — что это значит, что вы едите, чтобы ублажить свой вкус, что всегда дурно, либо по меньшей мере, что вы говорите тем же языком, что и люди чувственные, а это не пристало христианину, который ничего не должен говорить такого, что не дышало бы святостью». Он не позволял, чтобы ему подавали какие-нибудь соусы или рагу, ни даже апельсины или кислый виноградный сок, ничего возбуждающего аппетит, хотя от природы он все это любил.

С самого начала своего затворничества он определил количество пищи, необходимое для потребностей его желудка; и с тех пор, какой бы ни был у него аппетит, он никогда не переступал эту меру, и как бы ему ни было противно, съедал все, что себе определил. Когда его спрашивали, зачем он это делал, он отвечал, что надо удовлетворять потребности желудка, а не аппетита.

Но умерщвление чувств не ограничивалось у него только отказом от всего, что могло быть ему приятно, как в еде, так и в лечении: он четыре

года подряд принимал разные снадобья, не выказывая ни малейшего отвращения. Как только ему предписывали какое-нибудь лекарство, он начинал его принимать без усилий, и когда я удивлялась, как это ему не противно принимать такие ужасные снадобья, он смеялся надо мной и говорил, что не понимает, как это может быть противно то, что принимаешь по доброй воле и будучи предупрежден о его дурных свойствах, что такое действие должны производить только насилие и неожиданность. В дальнейшем нетрудно будет увидеть, как он применял это правило, отказываясь от всякого рода удовольствий духа, к которым могло быть причастно самолюбие.

Не менее заботился он и об исполнении другого поставленного им себе правила, вытекающего из первого, — отказываться от всякого рода излишеств. Постепенно он убрал все занавеси, покрывала и обивку из своей комнаты, потому что не считал их необходимыми; к тому же и приличия его к тому не обязывали, ибо его посещали отныне только те люди, которых он неустанно призывал к воздержанию и которые, следовательно, не удивлялись, увидев, что он живет так, как советует жить другим.

Вот как он провел пять лет своей жизни, от

тридцати лет до тридцати пяти, в неустанных трудах для Бога или для ближнего, или для себя самого, стремясь ко все большему самосовершенствованию; в каком-то смысле можно сказать, что это и был весь срок его жизни, потому что четыре года, которые Бог дал ему прожить после того, были одной сплошной мукой. С ним случилась не какая-то новая болезнь, но удвоились недомогания, которыми он страдал с юности. Но тогда они набросились на него так яростно, что в конце концов его погубили; и во все это время он совсем не мог ни минуты поработать над великим трудом, который он затеял в защиту религии, не мог поддерживать людей, которые спрашивали его совета, ни устно, ни письменно: недуги его были так тяжелы, что он не мог им помочь, хотя очень этого желал.

Мы уже говорили, что он отказался от лишних визитов и вообще никого не хотел видеть.

Но поскольку люди ищут сокровища повсюду, где они есть, и Богу неугодно, чтобы свечу зажженную покрывали сосудом[2], то кое-кто из умных людей, знакомых ему прежде, искал его и

[2] Сноски: 2

Имеются в виду евангельские слова: «Никто, зажегши свечу, не покрывает ее сосудом, или не ставит под кровать, а ставит на подсвечник, чтобы входящие видели свет» (Лк. 8,16).

в его уединении и спрашивал совета. Иные, которые имели сомнения в вопросах веры и знали, как он в них сведущ, также обращались к нему; и те, и другие — а многие из них живы — всегда возвращались удовлетворенными и свидетельствуют по сей день, при каждом случае, что это его разъяснениям и советам они обязаны тем добром, которое знают и делают.

Хотя он вступал в такие беседы только из милосердия и бдительно следил за собой, чтобы не растерять того, чего пытался достичь в своем затворничестве, они были ему все-таки тяжелы, и он опасался, как бы тщеславие не заставило его находить удовольствие в этих беседах; а его правилом было — не допускать таких удовольствий, в которых тщеславие было бы хоть как-то замешано. С другой стороны, он не полагал себя вправе отказывать этим людям в помощи, в которой они нуждались. Отсюда в нем проистекала борьба. Но дух самоумаления, который и есть дух любви, все примиряющий, пришел ему на помощь и внушил завести железный пояс, весь утыканный шипами, и надевать его прямо на голое тело всякий раз, когда ему докладывали, что какие-то господа его спрашивают. Он так и сделал, и когда в нем просыпался дух тщеславия

или когда он испытывал какое-то удовольствие от беседы, то прижимал его к себе локтем, чтобы усилить боль от уколов и так напомнить себе о своем долге. Такой обычай показался ему столь полезным, что он прибегал к нему и для того, чтобы предохранять себя от праздности, к которой был принужден в последние годы своей жизни. Поскольку он не мог ни читать, ни писать, то ему приходилось предаваться безделью и отправляться на прогулку, не имея возможности думать о чем-либо связно. Он справедливо опасался, как бы такое отсутствие занятий, которое есть корень всякого зла, не отвратило его от его воззрений. И чтобы всегда быть начеку, он словно вживил в свое тело этого добровольно приглашенного врага, который, вгрызаясь в его плоть, беспрестанно побуждал его дух к бодрости и тем давал ему возможность верной победы. Но все это держалось в такой тайне, что мы ничего не знали, а стало нам это известно только после его смерти от одного весьма добродетельного человека, которого он любил и которому обязан был об этом сказать по причинам, касавшимся самого этого человека.

Все то время, которое не отнимали у него дела милосердия, подобные тем, о каких мы рассказали, он отдавал молитвам и чтению Священного

Писания. Это было словно средоточие его сердца, где он находил всю радость и весь покой своего уединения. У него и вправду был особенный дар вкушать благо таких двух драгоценных и святых занятий. Можно даже сказать, что для него они не различались: молясь, он размышлял о Священном Писании. Он часто говорил, что Священное Писание — наука не для ума, а для сердца, что она понятна только тем, у кого сердце чистое, а все остальные видят в нем только тьму, что покров, скрывающий Писание от иудеев, скрывает его и от дурных христиан, и что любовь — не только предмет Писания, но и врата в него. Он заходил еще дальше и говорил, что способность постигать Священное Писание приходит к тем, кто ненавидит самих себя и любит умерщвленную жизнь Иисуса Христа. В таком расположении духа он читал Священное Писание и делал это столь прилежно, что знал его почти все наизусть, так что ему нельзя было привести неверную цитату, и он мог с уверенностью сказать: «Этого нет в Писании» или «Это там есть», — и точно называл место и знал по сути все, что могло быть ему полезно для совершенного понимания всех истин как веры, так и морали.

У него был такой замечательный склад ума,

который украшал все, что он говорил; и хотя он многие вещи узнал из книг, но переваривал их по-своему, и они казались совершенно иными, потому что он всегда умел изъясняться так, как следовало, чтобы они проникли в ум другого человека.

У него был необыкновенный склад ума от природы; но он создал для себя совершенно особые правила красноречия, которые еще усиливали его дарование. Это вовсе не было то, что называют блестящими мыслями и что на самом деле есть фальшивый бриллиант и ничего не означает: никаких громких слов и очень мало метафорических выражений, ничего ни темного, ни грубого, ни кричащего, ни пропущенного, ни лишнего. Но он понимал красноречие как способ выражать мысли так, чтобы те, к кому обращаются, могли их схватывать легко и с удовольствием; и он полагал, что это искусство состояло в некоем соотношении между умом и сердцем тех, к кому обращаются, и мыслями и выражениями, которыми пользуются, но эти соотношения связываются воедино должным образом, только если им придать подобающий поворот. Вот почему он внимательно изучал сердце и ум человека: он прекрасно знал все их пружины. Когда он

размышлял о чем-нибудь, то ставил себя на место тех, кто будет его слушать, и, проверив, все ли соотношения тут налицо, он искал затем, какой поворот надо им придать, и удовлетворялся лишь тогда, когда видел несомненно, что одно так соответствовало другому, то есть что он думает как бы умом своего будущего собеседника, что когда наступало время всему этому соединиться в разговоре, то уму человеческому невозможно было не принять его доводы с удовольствием. Из малого он не делал великого, а из великого — малого. Ему недостаточно было, что фраза казалась красивой; она должна была еще и соответствовать своему предмету, чтобы в ней не было ничего лишнего, но также и ничего недостающего. Одним словом, он настолько владел своим стилем, что мог выразить все, что хотел, и его речь всегда производила то впечатление, которое он и задумал. И эта манера письма, одновременно простая, точная, приятная и естественная, была так ему свойственна и так не похожа на других, что едва появились «Письма к провинциалу», как все угадали, что они написаны им, как он ни старался это скрыть даже от своих близких.

В то время Богу было угодно исцелить мою дочь от слезной фистулы, которой она страдала

три с половиной года. Фистула эта была такого дурного свойства, что искуснейшие хирурги в Париже сочли ее неизлечимой; и наконец Бог взял на Себя ее исцеление через прикосновение к Святому Тернию, хранящемуся в Пор-Рояле, и это чудо было засвидетельствовано многими хирургами и врачами и подтверждено торжественным решением Церкви.

Дочь моя была крестницей моего брата; но более всего он был потрясен этим чудом потому, что Бог в нем прославился, и потому, что оно случилось в такое время, когда вера у большинства людей ослабела. Радость его была так велика, что он был весь ею пронизан; а поскольку он всегда глубоко размышлял обо всем, чем бы ни был занят его ум, то в связи с этим отдельным чудом ему пришли в голову многие весьма важные мысли о чудесах вообще, как в Ветхом, так и в Новом Завете. Если существуют чудеса, значит, есть нечто выше того, что мы зовем природой. Отсюда по здравому смыслу следует: надо только убедиться в достоверности и подлинности чудес. А для этого есть правила, вытекающие опять-таки из здравого смысла, и эти правила оказываются верны для чудес Ветхого Завета. Следовательно, эти чудеса истинны; следовательно, есть нечто

выше природы.

Но эти чудеса сопровождаются еще и знамениями того, что они исходят от Бога; особенно чудеса Нового Завета свидетельствуют, что Тот, Кто их совершил, — Мессия, Которого люди должны были ожидать. Итак, чудеса и Ветхого, и Нового Завета доказывают, что Бог есть, а чудеса Нового Завета особо доказывают, что Иисус был истинный Мессия.

Он излагал все это необыкновенно разумно, и когда мы слушали, как он рассказывает обо всех обстоятельствах, при которых были засвидетельствованы эти чудеса в Ветхом и Новом Завете, они нам казались ясны. Нельзя было отрицать истинности этих чудес, а также выводов, которые он из них извлекал для доказательства Бога и Мессии, не нарушая самых общих правил, по которым судят о достоверности всех вещей, почитаемых несомненными. Кое-что из его мыслей об этом было собрано; но это совсем немного, и я полагала бы себя обязанной рассказать об этом поподробней и пролить на то больше света согласно всему, что мы от него слышали, если бы один из его друзей не показал нам трактата о книгах Моисеевых, где все это было изложено замечательно и таким слогом, который не был

бы недостоин моего брата. Я вас отсылаю к этому труду; добавлю только — и это важно здесь заметить, — что разнообразные мысли моего брата о чудесах ему многое открыли о религии. Поскольку все эти истины следуют одна из другой, ему достаточно бывало задуматься об одной, а другие словно приходили к нему толпой и являлись его уму так, что возвышали его самого, как он нам часто говорил; при подобных обстоятельствах он и возгорелся против атеистов настолько, что, увидев при свете мудрости, ниспосланной ему Богом, как их убедить и разбить бесповоротно, он и затеял этот труд, сохранившиеся части которого дают нам такие основания сожалеть, что он не собрал их сам и не составил из них, вместе с тем, что он мог бы еще добавить, сочинения законченной красоты. Без сомнения, он был на это способен, но Бог, одаривший его разумом, необходимым для столь великого замысла, не дал ему достаточно здоровья, чтобы довести этот замысел до совершенства.

Он намеревался доказать, что у христианской религии столько же свидетельств истинности, сколько и у любой вещи, считающейся в мире самой достоверной. Он не прибегал для этого к метафизическим аргументам; это не значит, что

он ими пренебрегал, когда они были уместны. Но он говорил, что они очень далеки от обычного человеческого разумения, что не все к ним способны и что тем, кто способен, они годятся лишь на краткий миг, а час спустя они уже не знают, что об этом сказать, и боятся быть обмануты. Он говорил также, что такого рода доказательства могут привести нас лишь к рассудочному знанию Бога, а знать Его таким образом означает не знать Его вовсе. Он старался не прибегать и к обыденным доводам, взятым из тварной природы; он их ценил, потому что они освящены Писанием и согласуются с разумом, но полагал, что они несообразны расположению ума и сердца тех, кого он замыслил убедить. Он знал по опыту, что таким способом не только их не осилить, но и нет ничего лучше, напротив, чтобы их отвратить и лишить надежды найти истину, чем пытаться их убедить только такого рода рассуждениями, против которых они зачастую так ожесточаются, что огрубление сердец делает их глухими к подобному голосу природы и что они пребывают в ослеплении, от которого могут избавиться только через Иисуса Христа, а вне Его никакого общения с Богом нам не дано, ибо написано, что Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын

хочет открыть.

Христианское Божество не сводится просто к Богу — зиждителю математических истин и миропорядка: это участь язычников. Оно не сводится к Богу, простирающему промысел Свой на жизнь и имение человеческие, чтобы посылать череду счастливых лет: это удел иудеев. Но Бог Авраама и Иакова, Бог христиан есть Бог любви и утешения; это Бог, наполняющий душу тех, кто Его нашел. Это Бог, Который зарождает внутри них ощущение их ничтожества и Его бесконечного милосердия, Который соединяется с ними в глубине их душ, наполняет их смирением, верой, надеждой и любовью, делает их неспособными стремиться к иной цели, кроме Него Самого.

Бог христиан — это Бог, помогающий душе понять, что Он — ее единственное благо, что только в Нем ее покой, что у нее не будет иной радости, кроме как любить Его, и вместе с тем внушающий ей ужас перед всеми препятствиями, которые ей мешают любить Его изо всех сил. Себялюбие и похоть, удерживающие душу, Ему невыносимы, и Он открывает душе, какие глубины себялюбия в ней таятся и что Он один может ее исцелить.

Вот что значит познавать Бога по-христиански. Но чтобы так Его познавать, нужно знать одно-

временно и свою ничтожность, и недостойность, и свою нужду в посреднике, помогающем приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Эти знания нельзя разделять, потому что одно без другого они не только бесполезны, но и вредны. Знание Бога без знания нашей ничтожности порождает гордыню; знание нашей ничтожности без Иисуса Христа порождает отчаяние. Но познание Иисуса Христа нас избавляет от гордыни и отчаяния, потому что в нем мы находим Иисуса Христа, единственного утешителя в нашей ничтожности и единственный путь из нее спастись.

Мы можем знать Бога, не зная нашей ничтожности, или нашу ничтожность, не зная Бога, или даже знать и Бога, и нашу ничтожность, не зная способа освободиться от несчастий, нас удручающих. Но мы не можем знать Иисуса Христа, не зная вместе и Бога и нашу ничтожность, ибо Он не просто Бог, но Бог — исцелитель наших несчастий.

Итак, все, кто ищет Бога без Иисуса Христа, не находят той мудрости, которая утолила бы их жажду или была бы им действительно полезна, потому что они либо не доходят до понимания того, что есть Бог, либо если доходят, то это для них бесполезно, так как они пытаются создать

для себя возможность общаться без посредника с тем Богом, которого познали без посредника, то есть впадают в атеизм и деизм — две вещи, почти одинаково мерзостные для христианской религии.

Поэтому следует стремиться только к познанию Иисуса Христа, ибо только через Него мы можем надеяться познать Бога так, чтобы нам это было полезно. Это Он — истинный Бог людей, несчастных и грешных; Он — средоточие всего и цель всего, и, кто Его не знает, тот ничего не знает ни о природном миропорядке, ни о себе самом, ибо мы не только Бога познаем единственно через Иисуса Христа, но и самих себя познаем единственно через Иисуса Христа.

Без Иисуса Христа человек пребывает в пороке и ничтожестве; с Иисусом Христом человек избавляется от порока и ничтожества. В Нем все наше блаженство, наша добродетель, жизнь, мудрость, надежда, а без Него есть только пороки, несчастья, мрак и отчаяние, и мы видим только тьму и беспорядок в Божией природе и в нашей собственной. Это в точности его слова, и я подумала, что должна их привести здесь, потому что они замечательно показывают, в каком духе писался его труд и что тот способ, каким он хотел

за него приняться, был без сомнений наилучший для того, чтобы произвести впечатление на сердца людей.

Одним из важнейших правил красноречия, которое он себе поставил, было не только не говорить ничего непонятного или неудобопонятного, но и говорить такие вещи, которые брали бы за живое его собеседников; он был уверен, что тогда хотя бы себялюбие непременно заставит задуматься над тем, что он говорит; к тому же, поскольку все на свете нас может задевать двояко — либо огорчать, либо утешать, то он полагал, что никогда не следует огорчать тем, в чем не можешь утешить, и что в должном равновесии и заключается секрет красноречия.

И потому среди своих доказательств в защиту Бога и христианской религии он желал прибегать лишь к таким, которые были бы доступны всем, для кого предназначались, и которые задевали бы человека за живое либо тем, что он находил в себе самом все, на что ему указывали, доброе ли, дурное ли, либо ясно видел, что наилучшим и разумнейшим решением для него было бы поверить, что есть Бог, Которого мы можем познать, и Посредник, Который, придя заслужить для нас эту благодать, начинает с того, что делает нас

счастливыми в этой жизни через добродетели, Им внушаемые, и счастье это много больше всего, что мир нам обещает, и уверяет, что мы получим совершенное блаженство на небесах, если его заслужим на тех путях, которые Он нам указывает и на которых Сам подаст нам пример.

Но хотя он был уверен, что все, что он имел сказать о религии, было очень ясно и убедительно, он все же сомневался, что это так для тех, кто пребывает равнодушным и кто, не находя в самих себе доводов, которые их бы убедили, пренебрегает искать их вовсе и в особенности в Церкви, где они необыкновенно наглядны. Ибо он держал за две несомненные истины, что Бог дал видимые знамения прежде всего Церкви, чтобы Его могли познать те, кто ищет Его искренне, и в то же время сокрыл их так, чтобы Его могли увидеть только те, кто ищет Его всем сердцем.

Вот почему, беседуя с атеистами, он никогда не начинал ни со спора, ни с утверждения основ того, о чем собирался говорить, но старался прежде всего выяснить, ищут ли они истину всем сердцем, и сообразно этому вел себя с ними — либо помогая им найти то знание, которого у них не было, если они искренне его искали, либо побуждая их его искать и сделать эти поиски своим

главным занятием, прежде чем наставлять их, если они желали, чтобы эти наставления пошли им на пользу. Работать дальше над своим замыслом ему помешали недуги. Ему было около тридцати четырех лет, когда он начал этим заниматься; целый год он употребил на подготовку; насколько позволяли ему другие дела, он собирал мысли об этом, приходившие ему в голову; но к концу года, то есть на тридцать пятом году жизни, который был пятым годом его затворничества, недомогания его усилились так губительно, что он не мог больше ничего делать в остававшиеся ему четыре года жизни, если можно назвать жизнью те ужасные мучения, в которых он их провел.

Нельзя думать об этом труде без острой боли оттого, что самая прекрасная и, быть может, самая полезная для нынешнего времени вещь осталась незаконченной. Не посмею сказать, что мы были ее недостойны. Как бы то ни было, Богу стало угодно показать этим, если можно так выразиться, наброском, на что был способен мой брат благодаря величию ума и дарований, которые Он ему послал; и если бы этот труд мог быть закончен кем-нибудь другим, то я полагаю: такую милость можно было бы снискать только множеством новых молитв.

Это возвращение недугов у моего брата началось с зубной боли, совершенно лишившей его сна. Но как может такой ум, как у него, бодрствовать и ни о чем не думать? Вот отчего во время бессонницы, которая случалась у него очень часто и очень его изнуряла, ему однажды ночью пришли в голову кое-какие мысли о циклоиде. За первой мыслью последовала вторая, за второй — третья; наконец, множество мыслей сменили одна другую. Они ему открыли как бы без его воли решение циклоиды, удивившее его самого. Но поскольку он давно уже отказался от подобных вещей, то даже не подумал что-то записать. Все же он рассказал об этом одному человеку, с чьим мнением обязан был считаться как из уважения к его достоинствам, так и из благодарности за сердечную привязанность, которой тот его почтил; у этого человека появился замысел, имевший своей целью лишь славу Божию, и он склонил моего брата написать все, что пришло ему в голову, и отдать это напечатать.

Невероятно, с какой быстротой он занес это на бумагу; он писал с такой скоростью, с какой двигалась его рука, и закончил все в несколько дней. Копии он не снимал, но отдавал листки по мере готовности. В то время печатали и другой

его труд, который он тоже отдавал в печать по ходу дела; так он поставлял печатникам два разных сочинения. Это не было слишком трудно для его ума, но тело его не выдерживало, и это было последнее напряжение сил, окончательно разрушившее его здоровье и вызвавшее то мучительное состояние, о котором мы говорили, когда он не мог глотать.

Но если его недомогания лишили его возможности служить другим, то они не были бесполезны для него самого, ибо он переносил их так терпеливо, что это дает основания думать — и утешаться этой мыслью, — что Богу было угодно через это сделать его таким, каким Он хотел увидеть его перед Собой. И правда, он помышлял только об этом, и никогда не забывая двух правил, которые себе предписал — отказаться от всяких удовольствий и от всяких излишеств, — он исполнял их с еще большим рвением, словно его торопило бремя милосердия, с предчувствием, что он приближается к тому средоточию, где будет вкушать вечный покой.

Но ниоткуда нельзя лучше узнать то особое расположение духа, с каким он переносил все новые страдания в эти четыре года своей жизни, как из удивительной «Молитвы», которую мы

от него узнали и которую он написал в то время, «об употреблении болезней во благо». Не может быть сомнений, что эти мысли жили в его сердце, потому что они появились в его уме и он их записал только после того, как воплотил их на деле. Мы можем даже заверить, что были тому свидетелями и что если никто не мог лучше написать об употреблении болезней во благо, никто не мог и осуществить такие мысли с большей поучительностью для всех, кто это видел.

За несколько лет до того он написал письмо по случаю смерти моего отца, из которого видно его мнение о том, что христианин должен смотреть на земную жизнь как на жертвоприношение, а разные приключающиеся с нами события должны нас задевать лишь в той мере, в какой они прерывают или довершают это жертвоприношение. Вот почему предсмертное состояние, в каком он был обречен пребывать в последние годы его жизни, стало средством исполнить то жертвоприношение, которое должно было совершиться через его смерть. Он принимал это мучительное состояние с радостью, и мы видели всякий день, как он благословлял за него Бога со всей силой благодарности. Когда он говорил с нами о смерти, которую полагал ближе, чем она впоследствии

оказалась, то всегда говорил и об Иисусе Христе, что смерть без Иисуса Христа ужасна, а в Иисусе Христе сладостна, свята, радостна для верующего; что поистине, если б мы были невинны, страх смерти был бы разумен, потому что это противно природному порядку, чтобы каралась невинность; что было бы справедливо ее ненавидеть, если б она могла разлучить святую душу со святым телом. Но что теперь справедливо ее любить, так как она разлучает святую душу с нечистым телом; что было бы справедливо ее ненавидеть, если б она нарушала мир между душой и телом, но не сейчас, когда она улаживает непримиримую ссору между ними, лишает тело злосчастной способности грешить и ставит душу перед блаженной необходимостью делать только одно — хвалить Бога и пребывать с Ним в вечном союзе. Что не следует, однако, осуждать любовь к жизни, внушенную нам природой, потому что мы получили ее от Самого Бога; что надо ее употреблять на ту жизнь, для которой Бог нам ее и дал, на жизнь чистую и блаженную, а не на нечто противоположное. Что Иисус Христос любил свою жизнь, потому что она была чиста, что Он страшился смерти, потому что в Нем она грозила телу, угодному Богу. Но что поскольку это не так

с нашей жизнью, которая есть жизнь в грехе, то мы должны склонять себя ненавидеть эту жизнь, противоположную Христовой, и любить смерть и не страшиться ее, ведь она обрывает нашу жизнь, исполненную греха и мучений, и тем дарит нам свободу вместе с Иисусом Христом созерцать Бога, поклоняться Ему, благословлять и любить Его вечно и безоглядно.

По этой же причине он так любил покаяние; он говорил, что надо наказывать грешное тело, и наказывать его беспощадно непрерывным покаянием, потому что иначе оно бунтует против разума и противится всем спасительным мыслям. Но поскольку у нас не хватает храбрости наказывать самих себя, то мы должны полагать себя весьма обязанными Богу, когда Ему бывает угодно это сделать; вот почему он постоянно благословлял ниспосланные ему страдания, которые считал как бы огнем, выжигающим понемногу его грехи в каждодневном жертвоприношении и тем приуготовляющим его, пока Богу не будет угодно послать ему смерть, в которой будет принесена жертва совершенная.

Он всегда так любил бедность, что неизменно старался не расставаться с ней; и когда он собирался что-то предпринять или когда у него

спрашивали совета, то первая мысль, приходившая из сердца к рассудку, была о том, можно ли при этом пребывать в бедности. Но к концу жизни любовь его к этой добродетели столь возросла, что я не могла доставить ему большего удовольствия, чем побеседовать с ним о ней и послушать то, что он всегда был готов нам об этом сказать.

Он никогда никому не отказывал в милостыне, хотя сам был небогат и расходы, которых требовали его недуги, превышали его доходы. Он всегда давал милостыню, отказывая себе в необходимом. Но когда ему на это указывали, в особенности когда его траты на милостыню бывали очень велики, он огорчался и говорил нам: «Я заметил, что как бы ни был человек беден, после его смерти всегда что-то остается». Порой он заходил так далеко, что ему приходилось занимать на жизнь и брать в долг с процентами, чтобы иметь возможность раздавать бедным все, что у него было; после этого он ни за что не хотел прибегать к помощи друзей, потому что он взял себе за правило никогда не считать чужие нужды обременительными для себя, но всегда остерегаться обременять своими нуждами других.

Как только пошло дело с каретами[3], он мне сказал, что хочет получить тысячу ливров вперед в счет его доли, чтобы послать беднякам города Блуа и окрестностей, которые терпели тогда большую нужду. А когда я сказала, что дело еще не наладилось и нужно бы подождать еще год, он мне ответил, что не видит в том большой беды, потому что, если его компаньоны понесут убытки, он им возместит из своих денег, и что он не может ждать до следующего года, потому что нужда слишком уж неотложна. Но в один день ничего не делается, и беднякам из Блуа помогли другие, а мой брат в том участвовал только своей доброй волей; это подтверждает истинность того, что он нам столько раз говорил, — что деньги ему нужны лишь для того, чтобы помогать бедным; ведь как только ему казалось, что он может их получить, он начинал распределять их заранее, даже не будучи еще в них уверен.

Не следует удивляться, что тот, кто так хорошо познал Иисуса Христа, так любил бедных и что ученик отдавал даже необходимое, ибо он хранил в сердце своем пример Учителя, Который отдал

---

[3] Сноски: 3

Речь идет о предприятии, которым Паскаль занимался незадолго до смерти — открытии в Париже первого маршрута общественного транспорта, по которому двигались кареты.

Себя Самого. Но правило, которое он себе поставил, — отказаться от всяких излишеств — стало у него основанием великой любви к бедности. То, на что он обращал особое внимание ввиду этого правила, — это всеобщее желание превосходства во всем, которое особенно пробуждает в нас жажду в обращении с мирскими вещами всегда иметь наилучшие из них, самые красивые и самые удобные. Вот почему он не выносил, когда звали самых искусных рабочих, но говорил нам, что искать надо всегда самых бедных и самых порядочных и отказаться от этой особой искусности, которая никогда не бывает необходима; он также весьма порицал тех, кто так заботливо окружает себя всяческими удобствами, — чтобы все было под рукой, чтобы в комнате было все, что нужно, и прочее в таком роде, что люди делают без всяких угрызений; ибо, основываясь на самой сути духа бедности, который должен жить во всех христианах, он полагал, что все ему противоречащее, даже если оно узаконено мирскими обычаями и приличиями, — это непременно излишество, потому что мы от этого отказались при крещении. Он воскликнул однажды: «Будь я нищ сердцем так же, как и духом, я был бы счастлив; я необычайно верю в дух бедности и в то,

что следование этой добродетели есть великое средство для спасения души».

Все эти слова заставляли нас заглянуть себе в душу и порой побуждали нас искать каких-то общих правил, которые годились бы на все случаи, и мы делали ему такие предложения. Но он этого не одобрял и говорил нам, что мы призваны не к общему, но к частному, и что, по его мнению, самый угодный Богу способ служить нищим — это служить нищим по-нищенски, то есть в меру своих сил, не предаваясь великим замыслам, родственным тому превосходству, жажду которого он обличал во всем: и в мыслях, и в делах. Он не порицал учреждения крупных больниц, но говорил, что такие великие предприятия должны быть уделом немногих людей, которых Бог к тому предназначил и которых Он ведет невидимой рукой, но что это не призвание всякого человека, в отличие от повседневной помощи каждому бедняку по отдельности.

Он очень желал, чтобы я посвятила себя постоянному служению им, чтобы я наложила его на себя в наказание за свою жизнь. Он настойчиво убеждал меня и самой поступать так, и детям это внушить. А когда я говорила, что боюсь, как бы это не помешало мне заботиться о домашних, он

отвечал, что мне недостает только доброй воли и что так как есть несколько степеней в следовании этой добродетели, то всегда можно найти для нее время, не поступаясь своими семейными обязанностями, что само милосердие внушает его дух и надо только ему повиноваться. Он говорил, что не нужно никакого особого знамения, чтобы узнать, призван человек или нет, что это общее призвание для всех христиан; коль скоро Иисус Христос по таким вещам будет судить мир, то достаточно и обычных нужд, чтобы мы старались их удовлетворить всеми средствами, которые в нашей власти; и что, поскольку из Евангелия видно, что единое небрежение этим долгом может стать причиной вечной погибели, одна мысль об этом должна нас подвигать совлечь с себя все и стократ отдать самих себя, если есть у нас вера. Еще он говорил нередко, что посещать бедных необыкновенно полезно, потому что когда постоянно видишь перед собой удручающую их нищету и то, что они часто не имеют самого необходимого, то надо быть очень уж черствым, чтобы не отказаться добровольно от бесполезных удобств и излишних украшений. Вот лишь часть наставлений, которые он нам давал, чтобы возбудить в нас любовь к бедности,

занимавшую в его сердце столь важное место.

Не меньшим было и его целомудрие, ибо он так почитал эту добродетель, что постоянно был настороже, стараясь не допустить, чтобы она хоть как-то была оскорблена, в нем ли самом или в других. Трудно поверить, как он был строг в таких вещах. Поначалу это даже приводило меня в замешательство, потому что он осуждал едва ли не все речи, которые говорятся в свете и считаются невиннейшими. Если, к примеру, мне случалось сказать, что я встретила красивую женщину, он корил меня за это и говорил, что я не должна была произносить таких слов при лакеях и молодых людях — ведь я не знаю, какие мысли это может в них возбудить. Смею сказать, что он не мог даже выносить тех ласк, которыми дарили меня мои дети. Он утверждал, что это может им только повредить, что нежность можно выразить и тысячей других способов. С этим его советом мне было труднее согласиться, но впоследствии я поняла, что он был в этом прав, так же как и во всем остальном, и узнала на опыте, что хорошо сделала, послушавшись его.

Все это происходило в домашнем кругу; но месяца за три до его смерти Богу было угодно предоставить ему случай проявить и вне дома

ту ревностную заботу о целомудрии, которую Он ему внушил. Однажды, возвращаясь из Сен-Сюльпис, где он присутствовал на мессе, он наткнулся на девушку лет пятнадцати, попросившую у него милостыню. Он сразу же подумал о той опасности, которой она подвергалась, и узнав от нее, что она из деревни, что отец ее умер, что в тот самый день мать ее свезли в Отель-Дьё[4], так что эта бедная девушка осталась одна и не знала, что делать, он подумал, что это Бог ее послал ему, и тут же отвел ее в семинарию, где поручил ее заботам доброго священника, которому он дал денег и попросил найти для нее какое-нибудь место, где она была бы в безопасности. И чтобы помочь ему в этих хлопотах, он сказал, что завтра же пошлет к нему женщину, которая купит для этой девушки одежду и все необходимое. И действительно, он послал женщину, которая так славно потрудилась с этим священником, что вскоре они приискали ей хорошее место. Священник этот не знал имени моего брата и сначала не догадался его спросить, так он был занят заботами об этой девушке. Но когда она была пристроена, он смог обдумать этот поступок и нашел его столь пре-

[4] Сноски: 4

Отель-Дьё — самая старинная больница Парижа рядом с Собором Парижской Богоматери.

красным, что пожелал узнать имя того, кто его совершил. Он справился у той женщины, но она сказала, что ей велено его скрывать. «Молю вас, добейтесь разрешения его открыть; обещаю, что не буду говорить об этом при его жизни. Но, если Богу будет угодно, чтобы он умер прежде меня, для меня будет большим утешением рассказать об этом поступке, ибо я нахожу его столь прекрасным и достойным известности, что не смогу допустить, чтобы он пребывал в забвении». Но он ничего не добился и так увидел, что этот человек, пожелавший остаться неизвестным, был столь же скромен, сколь милосерден, и что если он так ревностно старался сберечь чужое целомудрие, то не менее ревностно он оберегал собственное смирение.

Он питал особенную нежность к своим друзьям и к тем, кого полагал посвятившими себя Богу; можно сказать, что если никто не был более его достоин любви, то никто и не умел любить и выказывать любовь лучше, чем он. Но нежность его проистекала не только из склада его души; хотя сердце его всегда было готово сострадать всем нуждам его друзей, сострадание его всегда согласовалось с правилами христианства, которые предоставляли ему разум и вера: вот почему

его нежность никогда не переходила в глубокую привязанность и не приносила никаких утех.

Никого он не любил больше, чем мою сестру, — и по справедливости. Он часто с ней виделся; он говорил с ней обо всем совершенно откровенно; во всем без исключения она давала ему то, чего он хотел, ибо их мнения совпадали настолько, что они во всем были согласны; два их сердца определенно составляли одно, и они находили друг в друге утешение, которое могут понять лишь те, кому выпадало подобное счастье и кому известно, что значит любить и быть любимым с таким взаимным доверием, без всякого страха раздоров и при полном согласии.

И однако по смерти моей сестры, случившейся за десять месяцев до его кончины, когда он узнал эту новость, то сказал только одно: «Да пошлет нам Бог милость умереть столь же христианской смертью!» И впоследствии он говорил нам лишь о милостях, которые посылал ей Бог при жизни, и об обстоятельствах и времени ее смерти; и возносясь сердцем к небесам, где, он надеялся, она пребывала в блаженстве, он говорил нам с каким-то восторгом: «Блаженны умирающие, и умирающие во Господе». А когда он видел мою скорбь (я действительно очень горевала из-за

этой утраты), то огорчался и говорил, что это нехорошо и что не следует испытывать такие чувства по смерти праведников, но что, напротив, мы должны возносить Богу хвалы за то, что Он так скоро вознаградил ту скромную службу, которую она для Него несла.

Так он показывал, что любил без привязанности, и мы имели тому еще одно доказательство. Когда умер мой отец, несомненно вызывавший у него все чувства, которые благодарный сын обязан питать к столь любящему отцу, из письма, написанного им по случаю отцовской кончины, видно, что если природа и была задета, то разум быстро взял верх, и что, взирая на это событие в лучах веры, душа его умилялась, но не для того, чтобы оплакивать отца, утраченного на земле, но чтобы созерцать его в Иисусе Христе, в Котором он обретал его на небесах.

Он различал два вида любви, чувствительную и разумную, полагая, что первая не слишком полезна в мирской жизни. Он говорил также, что достоинства тут ни при чем и что порядочные люди должны ценить лишь разумную любовь, которая, по его мнению, состоит в том, чтобы принимать участие во всем, что случается с нашими друзьями, всеми способами, какими разум

велит нам это делать, жертвуя своим именем, удобствами, свободой и самой жизнью, если повод того достоин, и достоин несомненно, если мы этим служим другу во имя Бога, Который должен быть единственным предметом любви для всех христиан.

«Черство то сердце, — говорил он, — которое знает нужды ближнего и противится долгу, побуждающему принять в них участие; и наоборот, нежное сердце — то, в которое все нужды ближнего проникают легко, так сказать, через все чувства, которые разум велит питать друг к другу в подобных обстоятельствах; которое радуется, когда нужно радоваться, и огорчается, когда нужно огорчаться». Но он прибавлял, что любовь может быть совершенна лишь тогда, когда разум просвещен верой и предписывает нам действовать по правилам милосердия. Вот почему он не видел большой разницы между любовью и милосердием, равно как и между милосердием и дружбой. Он думал только, что поскольку дружба предполагает связь более тесную, а эта связь — внимание более пристальное, то мы менее черствы к нуждам наших друзей, потому что нужды эти нам становятся быстрее известны и нам легче в них поверить.

Вот как он понимал любовь, и сам он питал такую, которая не сочеталась ни с привязанностью, ни с утехами; ведь коль скоро христианская любовь не может иметь иного предмета, кроме Бога, то она не может ни привязываться к кому-либо, кроме Него, ни предаваться утехам, ибо знает, что нельзя терять времени и что Бог, Который все видит и судит, велит нам дать отчет во всем, что случилось в нашей жизни и что не было еще одним шагом по единственно дозволенному пути — по пути к совершенству.

Но он не только сам не привязывался к другим, он не хотел также, чтобы другие привязывались к нему. Я не говорю о привязанностях преступных и опасных, это вещь грубая и для всех очевидная; но я говорю о самой невинной дружбе, чье веселье составляет обычно всю сладость человеческого общества. Это было одно из тех правил, которые он соблюдал особенно строго, чтобы не поддаваться подобным чувствам и не давать им воли, как только он замечал малейшие их признаки; а так как я была весьма далека от такого совершенства и полагала, что не могу слишком много заботиться о таком брате, как он, составлявшем счастье семьи, то старалась не упустить ничего, чем могла бы ему послужить, и выражала ему

свою любовь как умела. Наконец я поняла, что была к нему привязана, и ставила себе в заслугу, что справлялась со всеми заботами, которые почитала своим долгом; но он судил иначе, и так как мне казалось, что он изъявляет недостаточно чувств в ответ на мои, то меня это огорчало, и время от времени я ездила изливать душу сестре и чуть ли не жаловалась ей. Она утешала меня, как могла, напоминая о тех случаях, когда я нуждалась в брате и он помогал мне с таким рвением и с такой нежностью, что у меня не должно было остаться никаких оснований сомневаться в его любви. Но тайна его сдержанного обращения со мной открылась мне полностью только в день его смерти; один человек, замечательный величием ума и благочестием, с которым он много беседовал о добродетельной жизни, сказал мне, что он всегда представлял ему основным правилом своего благочестия — не позволять, чтобы его любили, привязываясь, что это грех, к которому люди недостаточно бдительны, но который имеет тяжкие последствия и которого следует тем более страшиться, что он часто представляется не столь опасным.

После его смерти мы получили еще одно доказательство того, что это правило задолго до того

жило в его сердце; чтобы оно всегда было с ним, он собственноручно написал его на клочке бумаги, который мы нашли на нем и узнали в нем тот самый, который он часто читал. Вот что в нем было сказано: «Грешно, чтобы люди привязывались ко мне, даже если они это делают с радостью и по доброй воле. Я обманул бы тех, в ком зародил бы такое желание, ибо я не могу быть целью для людей, и мне нечего им дать. Разве не должен я умереть? И тогда со мной вместе умрет предмет их привязанности. Как был бы я виновен, убеждая поверить лжи, даже если б я это делал с кротостью, а люди верили бы радостно и тем радовали меня, — так я виновен, внушая любовь к себе. И если я привлекаю к себе людей, я должен предупредить тех, кто готов принять ложь, что они не должны в нее верить, какие бы выгоды мне это ни сулило; и точно так же — что они не должны привязываться ко мне, ибо им следует тратить свою жизнь и труды на угождение Богу или поиски Его».

Так он наставлял самого себя и прекрасно исполнял свои наставления. И так я ошибалась, выводя подобные заключения из его обращения со мной, потому что принимала за недостаток любви то, что было в нем совершенством мило-

сердия.

Но если он не хотел, чтобы создания, которые сегодня живут, а завтра, быть может, исчезнут, и которые к тому же столь малоспособны делать себя счастливыми, привязывались друг к другу, то это затем, чтобы они привязывались к одному лишь Богу; и действительно, порядок таков, иначе и нельзя судить, если подумать серьезно и с желанием следовать истинной мудрости. Вот почему не стоит удивляться, что тот, кто был так мудр и содержал свое сердце в таком порядке, принимал для себя столь благочестивые правила и исполнял их столь неукоснительно.

И так он относился не только к этому первейшему правилу, которое есть основание христианской морали; он так ревностно защищал установленный Богом порядок во всем остальном, из него вытекающем, что не мог терпеть, чтобы порядок этот нарушался в чем бы то ни было; поэтому его преданность королю была столь пылкой, что во времена парижских смут он шел против всех. Он называл пустыми предлогами все причины, которые приводили люди, чтобы оправдать мятеж. Он говорил, что в государстве, устроенном как республика, к примеру в Венеции, было бы большим злом способствовать

воцарению монарха и подавлять свободу людей, которым Бог ее дал; но в государстве, где установлена королевская власть, нельзя отказывать ей в должном почтении, не совершив при этом своего рода святотатства, потому что власть, которой Бог наделил короля, есть не только образ, но и частица власти Божией, и нельзя восставать против нее, не восставая открыто против Богом данного порядка. Он добавлял, что поскольку последствием этого будет гражданская война — самое большое зло, какое можно совершить против любви к ближнему, — то тяжесть этого греха невозможно преувеличить, что первые христиане учат нас не бунту, но терпению, когда государь дурно исполняет свой долг. Он говорил нередко, что сам был столь же далек от этого греха, как от человекоубийства или грабежа на большой дороге, что нет ничего более противного его природе и представляющего для него меньшее искушение; это заставило его отказаться от немалых выгод, но не принимать участия в подобных беспорядках.

Так он понимал служение королю и был непримирим к тем, кто с этим не соглашался. Очевидно, что виной тому был не его темперамент и не упорствование в своем мнении, потому что он

был удивительно кроток с теми, кто оскорблял его самого, так что никогда не делал различия между ними и всеми остальными и так прочно забывал то, что касалось его одного, что ему трудно было об этом напомнить, надо было приводить все обстоятельства дела. А если кто-либо изумлялся этому, он говорил: «Не удивляйтесь, это не по добродетели, а по непритворной забывчивости; я уже ничего не помню». А между тем память у него была такая превосходная, что он никогда не забывал того, что хотел помнить. Но поистине обиды, нанесенные ему самому, не запечатлевались в этой великой душе, которую все трогало лишь постольку, поскольку было связано с высшим порядком любви, а все остальное было как бы вне его и никак его не касалось.

Правда, что я никогда не встречала души, более естественно возвышавшейся над всеми порывами испорченной человеческой природы; так было не только с обидами, к которым он был как будто нечувствителен, но и со всем, что радует других людей и вызывает самые сильные их страсти. У него была, несомненно, великая душа, но в ней не было ни честолюбия, ни желания величия и власти или мирских почестей; все это он даже считал скорее бедой, чем счастьем.

Ему нужно было имение лишь для того, чтобы раздавать его другим; наслаждение свое он находил в разуме, в порядке, в праведности, одним словом, во всем, что могло питать душу, а не в чувственных вещах.

Он не был лишен недостатков, но мы имели полную свободу указывать ему на них, и он подчинялся мнению своих друзей с величайшей покорностью, если оно было справедливо; но даже несправедливые суждения он всегда принимал с кротостью. Необыкновенная живость его ума делала его порой столь нетерпеливым, что ему бывало нелегко угодить; но как только ему давали понять или он сам замечал, что обидел кого-то этой нетерпеливостью, он тотчас исправлял свою оплошность обхождением столь учтивым, что не потерял из-за этого ничьей дружбы.

Он не попирал чужого самолюбия своим, и можно даже сказать, что он не имел его вовсе, никогда не говорил о себе или о чем-то имевшем к нему отношение; известно его пожелание, чтобы порядочный человек избегал называть себя и даже употреблять слова «я» и «меня». Он обыкновенно говорил об этом, что «христианское благочестие уничтожает человеческое «я», а человеческая благовоспитанность его скрывает и

подавляет». Он считал это правилом и строго его придерживался.

Он никогда не раздражал людей указаниями на их недостатки, но если уж говорил о чем-то, то говорил всегда без притворства и словно не зная, что значит угождать лестью; он был не способен также не сказать правды, когда был вынужден это делать. Те, кто его не знали, поначалу бывали удивлены, услышав, как он беседует с людьми, потому что всегда казалось, будто он настаивает на своем, и притом с какой-то властностью; но виной тому была все та же живость его ума, и, побыв с ним немного, люди вскоре убеждались, что в этом было даже что-то привлекательное и что в конце концов им не столько важна его манера говорить, сколько суть им сказанного.

К тому же он ненавидел всякую ложь, и малейший обман был ему невыносим; и поскольку ум его отличался проницательностью и точностью, а сердце — прямотой и бесхитростностью, то его поступки и поведение отличались искренностью и верностью.

Мы нашли его записку, в которой он, без сомнения, описывает самого себя, чтобы, имея постоянно перед глазами путь, указанный ему Богом, он не мог с него свернуть. Вот что сказано

в этой записке: «Я люблю бедность, потому что Иисус Христос ее любил. Я люблю богатство, потому что оно дает мне возможность помогать нищим. Я не плачу злом тем, кто причиняет мне зло, но желаю им быть в том же расположении духа, что и я, когда не принимаешь ни зла, ни добра от большинства людей. Я стараюсь быть справедливым, честным, искренним и верным со всеми людьми и питаю сердечную нежность к тем, с кем Бог связал меня теснее; и хотя я на виду у людей, во всех своих делах я на виду у Бога, Которому надлежит их судить и Которому я их все посвящаю. Вот каковы мои чувства, и я всякий день благословляю Спасителя моего, Который вложил их в меня и из человека, исполненного слабости, ничтожества, похоти, гордыни и честолюбия, сделал человека, свободного от всех этих зол силою Своего величия, которому и принадлежит в этом вся слава, а от меня здесь только ничтожество и заблуждения».

Без сомнения, можно многое еще добавить к этому портрету, если пожелать довести его до полного совершенства; но оставляю другим, более искусным, чем я, нанести последние штрихи — это дело мастеров; я же добавлю только, что этот великий во всем человек был прост как

ребенок в том, что касалось благочестия. Видевшие его обычно этому удивлялись. Не только не было в его поведении каких-либо ужимок либо лицемерия, но как умел он подниматься духом в понимании самых возвышенных добродетелей, так он умел умаляться в следовании добродетелям самым обыкновенным, возбуждающим благочестие. Все, что служило к прославлению Бога, представлялось ему важным, и он все исполнял как ребенок. Главным его развлечением, особенно в последние годы жизни, когда он не мог больше работать, было ходить по церквям, где были выставлены мощи или совершались какие-то обряды, и он нарочно для того запасся «Духовным альманахом», который указывал ему все места для богомолья; и все это с такой набожностью и простотой, что видевшие его удивлялись тому, и среди них один, человек весьма добродетельный и просвещенный, объяснил это такими прекрасными словами: «Благодать Божия в великих душах проявляется через вещи обыкновенные, а в душах обыкновенных — через вещи великие».

Он питал жаркую любовь ко всей церковной службе, то есть к молитвам из требника, и старался их читать сколько мог; но особенно к службе,

составленной из Псалма 117, в котором находил такие дивные вещи, что радовался всякий раз, когда его произносил; а когда он беседовал с друзьями о красоте этого Псалма, то приходил в восторг, и вместе с ним возносились душой все, с кем он говорил. Когда ему присылали каждый месяц памятку[5], как это делают во многих местах, он получал и читал ее с почтением, не забывая ежедневно прочитывать изречение. И так во всем, что касалось благочестия и могло быть для него душеспасительно.

Господин кюре из церкви Сент Этьен, который навещал его в болезни, только дивился этой простоте; он неизменно повторял: «Это ребенок, он кроток и послушен, как ребенок». А накануне его смерти один священник, который был человеком большой учености и великой добродетели, посетив его и пробыв с ним около часу, вышел от него столь растроганный благим примером, что сказал мне: «Утешьтесь; если Бог его призывает, у вас есть все основания благодарить Бога за ту милость, которую Он ему послал. Он умирает в младенческой простоте. При таком уме, как у него, это вещь небывалая; я всей душой хотел бы

[5] Сноски: 5

Памятка — рассылавшаяся прихожанам записка с нравоучительным текстом, предлагавшимся как тема для размышлений.

быть на его месте, я ничего столь прекрасного не видел».

Последняя его болезнь началась с необычного отвращения к еде, которое охватило его за два месяца до смерти. У него в доме жил один бедняк со всем своим семейством; эти люди не могли ему сослужить никакой службы, но он держал их у себя как сосуд провидения Господня, который он должен беречь. Один из сыновей бедняка заболел ветряной оспой, и в доме моего брата стало двое больных — он и этот ребенок. Мне было необходимо находиться рядом с братом, и так как появилась опасность, что я заражусь ветрянкой и передам ее моим детям, мы подумывали перевести ребенка в другое место, но милосердие подсказало моему брату поступить иначе, внушив ему самому уйти из дому и перейти ко мне. Он был уже очень болен, но говорил, что для него переезд менее опасен, чем для ребенка, и потому перебираться должен он сам, а не ребенок. И действительно, его перенесли к нам.

Этому милосердному поступку предшествовал другой — он простил весьма чувствительную обиду, нанесенную ему человеком, который был многим ему обязан. Мой брат обошелся с ним по своему обыкновению не только без малейшей

досады, но с кротостью и со всеми знаками любезности, необходимыми, чтобы завоевать чье-то расположение. Без сомнения, это было по особому промыслу Божию, что в последние дни, когда он так скоро должен был предстать перед Богом, ему явился случай совершить эти два подвига милосердия, которые в Евангелии свидетельствуют о предопределении, чтобы по его смерти он имел в этих двух милосердных поступках знамение того, что Бог прощает ему грехи и вводит его в царство, ему уготованное, коль скоро Он дал ему милость простить прегрешения других и так легко помочь другому в нужде. Но мы еще увидим, что Бог приготовлял его к смерти как поистине избранного и другими поступками, не менее утешительными.

Через три дня после этого посещения с ним случился ужасный приступ колик, совершенно лишивший его сна; но он обладал такой силой духа и таким мужеством, что продолжал вставать каждый день и сам принимал свои снадобья, не желая допустить, чтобы ему услуживали хоть в чем-то.

Доктора, осматривавшие его, нашли его болезнь тяжелой; но так как жара у него не было, они сочли, что опасности нет. Однако мой брат, не желая рисковать, на четвертый день своих ко-

лик, еще до того, как был принужден оставаться в постели, послал за господином кюре из Сент Этьен и исповедался, но еще не причастился. Господин кюре навещал его время от времени по своей всегдашней заботливости, и мой брат не пропустил ни одного такого случая, чтобы исповедаться снова; но нам он ничего не говорил, чтобы не напугать нас. Порой болезнь немного его отпускала; он пользовался этим, чтобы составить свое завещание, в котором бедные не были забыты, и он совершал насилие над собой, чтобы не оставить им больше. Он мне сказал, что если бы господин Перье был в Париже и был бы на то согласен, то он распорядился бы всем своим имуществом в пользу бедных.

Одним словом, голова и сердце его были заняты только бедными, и он говорил мне не раз: «Отчего я до сих пор ничего не сделал для бедных, хотя всегда их так сильно любил?» И когда я отвечала: «Оттого, что у вас никогда не было достаточно денег». — «Тогда я должен был отдавать им мое время, — возражал он, — и мои труды; вот чего я не делал. Но если врачи говорят правду и Бог даст мне оправиться от этой болезни, я решился не иметь других занятий и дел до конца дней моих, кроме служения бедным». С такими мыслями Бог

и взял его к Себе.

Терпение его было не менее велико, чем его милосердие; для тех, кто был рядом, это было таким возвышенным уроком, что все они признавались, что никогда не видали ничего подобного. Когда кто-нибудь ему говорил, что жалеет его, он отвечал, что его самого его состояние вовсе не удручает, что он даже боится выздороветь; а когда его спрашивали, почему, он отвечал: «Потому что я знаю опасности здоровья и преимущества болезни». А когда мы все же не могли удержаться и жалели его, особенно в минуты сильных болей: «Не жалейте меня, — говорил он, — болезнь — это естественное состояние христианина, такое, в котором он должен пребывать всегда, то есть в страданиях, в муках, лишенным всяких благ и чувственных наслаждений, свободным от всех страстей, без честолюбия, без алчности и в постоянном ожидании смерти. Разве не так христиане должны проводить всю свою жизнь? И разве это не великое блаженство — по необходимости впасть в то состояние, в котором долг обязывает нас пребывать?» И вправду было видно, что он рад такому состоянию, на что мало кто из людей способен. Ведь тут нужно только покоряться, смиренно и кротко. Вот почему он просил нас

лишь об одном — молиться Богу, чтобы Он послал ему такую милость. Впрочем, послушав его, мы уже не находили возражений, а напротив, чувствовали, что исполнялись тем же духом, что и он, и желали страданий и понимали, что это и есть то состояние, в котором христиане должны пребывать всегда.

Он горячо желал причаститься, но врачи продолжали этому противиться, потому что не считали его настолько больным, чтобы принимать причастие на дому, и полагали неудобным без большой необходимости звать священника ночью, чтобы застать больного натощак. Меж тем колики его продолжались, и врачи велели ему пить воды; это принесло облегчение на несколько дней, но на шестой день у него случился глубокий обморок и мучительные головные боли. Хотя врачи такому происшествию и не удивились и говорили, что это всего лишь водные пары, он продолжал исповедоваться и с необыкновенной настойчивостью просил, чтобы ему дали причаститься и ради Бога нашли способ устранить все те неудобства, на которые ему ссылались; и он так настаивал, что один человек, при сем присутствовавший, ему сказал, что это нехорошо, что он должен подчиниться мнению своих

друзей, что у него уже почти нет жара, и пусть он сам судит, следует ли приносить Святые Дары в дом, когда ему легче, и не лучше ли подождать и причаститься в церкви, куда, будем надеяться, он скоро будет в состоянии пойти. Он отвечал: «Вы не чувствуете моей боли и обманываетесь; в моей головной боли есть что-то необычное». Тем не менее, встретивши такое сильное сопротивление своему желанию, он не стал более о том заговаривать. Но мне он сказал: «Коль скоро мне не хотят оказать эту милость, я хочу совершить взамен какое-нибудь доброе дело, и, не имея возможности причаститься во главе, я хотел бы причаститься в членах, и для того я надумал поместить сюда больного бедняка, за которым ухаживали бы так же, как за мной. Мне больно и стыдно, что обо мне так заботятся, в то время как множество бедных, которые больны тяжелее, чем я, лишены самого необходимого. Пусть возьмут сиделку нарочно для него, и вообще пусть не будет между ним и мною никакого различия. Это уменьшит боль от того, что я ни в чем не нуждаюсь; я не могу больше переносить эту боль, если только мне не дадут утешения знать, что здесь в доме есть бедняк, за которым ухаживают так же заботливо, как за мной; прошу вас, попросите господина

кюре указать такого бедняка».

Я в тот же час послала к господину кюре, который сказал, что не знает никого в таком состоянии, чтобы его можно было перенести, но что, как только он выздоровеет, он укажет ему способ явить свое милосердие, поручив ему заботы об одном старике до конца его дней; господин кюре не сомневался, что он непременно выздоровеет.

Убедившись, что нельзя поместить бедняка в одном доме с ним, он стал меня просить, чтобы его самого перенесли в госпиталь для неизлечимых, потому что он горячо желал умереть в обществе бедных. Я сказала, что врачи едва ли сочтут возможным переносить его в его нынешнем состоянии. Такой ответ очень его огорчил, и он взял с меня слово, что по крайней мере, если наступит у него хоть какое-то облегчение, я доставлю ему эту радость.

Но эти заботы меня миновали, потому что мучения его так усилились, что в приступе боли он попросил меня позвать врачей; и тут же стал сомневаться: «Боюсь, — сказал он, — что в этой просьбе слишком много избалованности». Тем не менее я это сделала. Врачи велели ему пить сыворотку и продолжали уверять, что никакой опасности нет и что это просто мигрень в со-

единении с водными парами. Но что бы они ни говорили, он все равно им не верил. Он попросил меня позвать священника, чтобы тот провел ночь с ним и со мной; я сочла, что он очень плох, и велела, без лишних слов, приготовить свечи и все, что нужно, чтобы он мог причаститься на следующее утро.

Эти приготовления не были бесполезны, но понадобились раньте, чем мы думали: около полуночи с ним случились такие сильные судороги, что, когда они кончились, мы подумали, что он мертв. И ко всем нашим скорбям добавилась еще одна, горчайшая, — видеть, как он умирает без причащения, когда он просил об этой милости так часто и так настойчиво.

Но Бог, соблаговолив вознаградить желание столь пылкое и столь праведное, словно чудом прекратил эти судороги и вернул ему сознание такое ясное, как если бы он был совершенно здоров, так что когда господин кюре вошел в его комнату с распятием и воскликнул: «Я принес вам Того, Кого вы так пылко желали», эти слова окончательно его пробудили; господин кюре приблизился, чтобы причастить его, а он сделал усилие и сам приподнялся на постели, чтобы принять причастие с бóльшим почтени-

ем; господин кюре спросил его, как полагается, о главных таинствах веры, и он на все отвечал благоговейно: «Да, отец мой, верую во все и всем сердцем». Затем он принял Святое Причастие и елеосвящение с таким умилением, что слезы выступили у него на глазах. Он отвечал на все и под конец поблагодарил господина кюре, а когда тот благословил его Святым Причастием, он сказал: «Да не покинет меня Господь вовеки», и это были его последние слова. Ибо через миг после обряда причащения судороги его возобновились и уже не оставляли его, и не давали ни минуты ясности духа; они продолжались до самой его смерти, которая наступила спустя сутки, то есть девятнадцатого августа тысяча шестьсот шестьдесят второго года, в час утра, в возрасте тридцати девяти лет и двух месяцев.

Господин кюре церкви Сент Этьен на следующее воскресенье в своей проповеди попросил собравшихся молиться за него и сказал о нем похвальное слово, засвидетельствовав, как высоко он ценил его благочестие и как сожалеет об утрате, причиненной его смертью. В том же духе он говорил с покойным господином Архиепископом Парижским, который расспрашивал его, зная, что господин кюре присутствовал при его кон-

чине. И все же то, что он рассказал в подобных обстоятельствах о беседе, которую имел с господином Паскалем во время его болезни, дало повод неким людям, желающим, будь это возможно, очернить его память и его имя, распускать слухи о том, будто он незадолго до смерти отрекся перед лицом господина кюре. Сейчас, однако, немного найдется людей, которые верили бы этой клевете; сам господин кюре церкви Сент Этьен, который еще жив и является теперь аббатом и генералом ордена Святой Женевьевы, сможет ее опровергнуть для всех тех, кто в этом еще нуждается и кто захотел бы попросить у него разъяснений.

Он уже заранее достаточно все объяснил в нескольких письмах, которые он оказал нам честь написать по этому поводу и которые у нас хранятся; он заявляет в них, что никогда, ни устно, ни письменно, не сообщал кому бы то ни было, будто господин Паскаль отрекся, поскольку это чистая ложь. И он остается при том мнении, что он понял совершенно в противоположном смысле слова, сказанные ему господином Паскалем в той беседе, о которой он рассказывал господину Архиепископу, что и дало повод к этим ложным слухам. И хотя на самом деле ничего такого не было сказано, я сочла необходимым опровергнуть

эту ложь и очистить память человека, всегда твердо державшегося католических воззрений, от которых ему не было нужды отрекаться, всегда глубоко почитавшего все истины веры и смиренно им покорявшегося, чьим всепоглощающим занятием и единственным трудом в последние пять или шесть лет жизни было сражаться с врагами религии и христианской морали.

Заметки о жизни господина Паскаля, написанные мадемуазель Маргаритой Перье, его племянницей

Когда господину Паскалю был год от роду, с ним приключилась необыкновенная вещь. Его мать, хотя и была очень молода, отличалась набожностью и милосердием; было множество бедных семейств, каждому из которых она давала по небольшой сумме денег всякий месяц, и среди бедных женщин, которых она оделяла милостыней, была одна, слывшая колдуньей: так о ней все говорили, но его мать, женщина вовсе не суеверная и очень разумная, смеялась над этими разговорами и продолжала давать ей милостыню.

В то время случилось этому младенцу захворать тем, что в Париже зовется «сухоткой»; но болезнь эта сопровождалась двумя необычными обстоятельствами: одно — что он не мог взглянуть на воду, не впадая в безумную ярость; а другое, еще более удивительное, — что он не мог видеть своего отца и свою мать рядом друг

с другом; он принимал ласки каждого из них по отдельности с удовольствием, но, как только они приближались друг к другу, он отчаянно кричал и бился; все это продолжалось больше года, и за это время болезнь его все усиливалась; он дошел до такой крайности, что казалось, будто он близок к смерти.

Его отцу и матери все тогда говорили, что тут, без сомнения, порча, которую навела на него эта колдунья; они оба над этим смеялись, считая такие речи выдумками, какие появляются у людей при виде вещей необычных, и вовсе не обращали на них внимания, позволяя этой женщине свободно входить в их дом, где она получала милостыню. Наконец, мой дед, встревоженный тем, что ему об этом говорили, однажды позвал эту женщину в свой кабинет, полагая, что тон, которым он с нею будет говорить, даст ей возможность прекратить все слухи; но он был поражен, когда после первых сказанных им слов, на которые она отвечала довольно робко только то, что это не так и что это говорят о ней из зависти к милостыне, которую она получает, — когда он захотел ее попугать и, притворившись, будто верит, что она околдовала его ребенка, пригрозил ей виселицей, если она не скажет правды, то она

в страхе упала на колени и пообещала сказать ему все, если он пообещает сохранить ей жизнь.

Изумленный этим, мой дед спросил, что же она сделала и что заставило ее это сделать. Она ответила, что просила его защищать ее на суде, но он отказался, полагая, что дело ее неправое, а в отместку она навела порчу на его сына, которого, как ей было известно, он нежно любил; и что ей очень прискорбно это ему говорить, но порча эта смертельна. Мой дед, удрученный такими словами, сказал: «Как! Неужто мой сын должен умереть!» Она ответила, что есть средство, но нужно, чтобы кто-нибудь умер вместо него и взял на себя порчу. Дед мой сказал: «Нет! Пусть лучше сын мой умрет, чем убивать другого человека». Она ответила: «Можно перенести порчу на животное». Мой дед предложил ей лошадь; она сказала, что таких больших расходов не нужно, а достаточно будет и кота. Он велел дать ей кота; она его забрала и на лестнице столкнулась с двумя капуцинами, которые шли утешать мою бабушку в столь опасной болезни ее сына. Монахи сказали ей, что она снова собирается напускать порчу — на этого кота; она взяла его и бросила из окна, он упал не более чем с шести футов высоты и разбился; она попросила другого,

и мой дед велел его ей дать. Великая любовь, которую он питал к своему сыну, была причиной того, что он не подумал, как все это было нехорошо; ведь чтобы перенести порчу, надо было снова призывать дьявола; подобная мысль так и не пришла ему на ум, он понял это только много позже и раскаивался в том, что это допустил.

Вечером та женщина вернулась и сказала моему деду, что ей нужен ребенок, которому не исполнилось еще семи лет и который до восхода солнца сорвал бы девять листиков разных трав, то есть по три листика каждой. Мой дед передал это своему аптекарю, который ответил, что сам поведет свою дочь, что он и сделал на следующее утро. Эти три травы были собраны, и женщина сделала из них припарку, принесла ее в семь часов утра моему деду и велела положить ее на живот ребенку. Дед мой это сделал, а в полдень, вернувшись из суда, он нашел весь дом в слезах, и ему сказали, что ребенок мертв; он поднялся, увидел плачущую жену и ребенка в колыбели, казалось, мертвого.

Он ушел и, выходя из комнаты, встретил на ступеньках женщину, которая принесла припарку, и приписав смерть ребенка этому снадобью, он ударил ее так сильно, что она свалилась со

ступеньки. Встав, она сказала ему, что видит, в каком он гневе, потому что считает своего сына мертвым; но что она забыла ему сказать утром, что ребенок будет казаться мертвым до самой полночи, и что до тех пор его надо оставить в колыбели, а тогда он очнется. Мой дед вернулся и строго-настрого приказал, чтобы ребенка не хоронили. Между тем он казался мертвым, у него не было ни пульса, ни голоса, ни сознания; он похолодел и подавал все признаки смерти; все смеялись над легковерием моего деда, который обычно не склонен был верить таким людям.

Так его и не трогали, мои дед и бабушка были все время рядом, никому не доверяясь; они слышали, как било час за часом, и пробило полночь, а ребенок так и не очнулся. Наконец между полночью и часом, ближе к часу, чем к полночи, ребенок начал позевывать; это было поразительно; его взяли на руки, стали согревать, дали вина с сахаром; он его выпил; затем кормилица дала ему грудь, и он ее взял, хотя не подавал признаков сознания и не открывал глаз; это длилось до шести часов утра, когда он стал открывать глаза и кого-то узнавать. Тогда, увидев отца и мать рядом друг с другом, он принялся кричать, как обычно; стало видно, что он еще не излечился, но

родные утешались тем, что он хотя бы не умер; а спустя шесть-семь дней он мало-помалу смог смотреть на воду.

Вернувшись с мессы, мой дед увидел, что он сидит на коленях у матери и забавляется тем, что переливает воду из одного стакана в другой; дед хотел подойти, но ребенок этого не вынес, а несколько дней спустя уже выносил, и через три недели он совершенно исцелился и стал полнеть и с тех пор ничем не болел.

Во все то время, что дед мой прожил в Руане, господин Паскаль, мой дядя, проникнутый глубоким благочестием, которое он сам внушил и всему семейству, впал в удивительное состояние, вызванное великим прилежанием, с каковым он занимался науками: поскольку слишком много соков у него оттягивал мозг, с ним случилось нечто вроде паралича от пояса донизу, так что он принужден был передвигаться только с помощью костылей; ноги и ступни его сделались холодны как мрамор, и приходилось всякий день надевать на него носки, смоченные в водке, чтобы хоть как-то согреть ему ступни. Врачи, видя его в таком состоянии, сочли себя обязанными запретить ему всякие упорные занятия; но столь живой и деятельный ум, как у него, не мог оста-

ваться праздным. Коль скоро он больше не был погружен ни в науки, ни в благочестие, по-своему требующее усилий, ему понадобились какие-то удовольствия; он должен был снова бывать в свете, играть и развлекаться. Сначала он делал все это умеренно; но люди тут незаметно входят во вкус и пользуются этим уже не как лекарством, но ради удовольствия. Так и случилось. Он стал вести светскую жизнь, хотя и без пороков и беспутства, но в праздности, удовольствиях и развлечениях.

Дед мой умер; дядя продолжал вращаться в свете, и даже с большей свободой, поскольку стал владельцем собственного состояния; и погрузившись в эту жизнь, он принял решение пойти обычным в свете путем, то есть вступить в должность и жениться. Он приглядел и девицу, и должность, и делал шаги, чтобы добиться того и другого; обо всем этом он советовался с моей тетушкой, которая уже была тогда монахиней и очень огорчалась, видя, как тот, кто открыл ей глаза на ничтожество мира, теперь сам в него погружается через такие намерения. Она часто убеждала его от них отказаться; но время для того еще не пришло, он слушал ее и продолжал питать те же замыслы. Наконец, Богу было угодно, чтобы

однажды, в день Зачатия Пресвятой Девы, он отправился повидать мою тетушку и оставался с ней в монастырской гостиной, пока монахини читали вечерние молитвы перед проповедью. Когда прозвонил колокол, она оставила его, а он вошел в церковь послушать проповедь, не подозревая, что там-то и ожидал его Бог. Он увидел, что проповедник стоял уже на кафедре, и было ясно поэтому, что моя тетушка не могла с ним переговорить. Предметом проповеди были Зачатие Пресвятой Богородицы, начало жизни христиан и важность для них обращения к святости через то, чтобы не вступать, как то делают почти все светские люди, по привычке, по обычаю и из человеческих понятий о приличии, в должности и браки; проповедник доказывал, что надо советоваться с Богом, прежде чем делать такие шаги, и хорошенько думать, поможет ли это спасению души и не станет ли к нему препятствием.

Поскольку таковы как раз и были положение и намерения моего дяди, а проповедник говорил с большой пылкостью и убедительностью, он был живо этим тронут, и, думая, что все это было сказано для него, он так это и воспринял, и, поразмыслив со всей серьезностью о проповеди в то самое время, пока ее слушал, он после нее

снова пошел к моей тетке и открыл ей, что был поражен этой проповедью, потому что она, казалось, была произнесена для него одного, и что он был ею тронут тем сильнее, что убедился, увидев проповедника на кафедре, что она его ни о чем не предупреждала. Тетушка моя, как могла, раздула этот только занявшийся огонь, и несколько дней спустя мой дядя совершенно порвал с миром; ради этого он уехал на какое-то время в деревню, чтобы изменить свой образ жизни и нарушить течение многочисленных визитов, которые он наносил сам и которые наносили ему; это ему удалось, и с тех пор он не видался больше ни с кем из тех своих друзей, с которыми его соединяли только мирские узы.

В уединении своем он привел к Богу господина герцога де Роаннеза, с которым его связывала очень тесная дружба, основанная на том, что господин де Роаннез, имея ум весьма возвышенный и способный к глубочайшему восприятию наук, восхищался умом господина Паскаля и был очень к нему привязан. Господин Паскаль, покинув свет и решившись заниматься только богоугодными делами, доказывал господину де Роаннезу, как важно для него поступить так же, и говорил ему об этом столь хорошо и убедительно,

что господин де Роаннез воспринял то, что он говорил ему об этом предмете, так же глубоко, как и его ученые рассуждения, которые были прежде их главным удовольствием и предметом всех их бесед. Так Бог коснулся его души через посредство господина Паскаля, и он стал размышлять о ничтожестве мира, потратив какое-то время на поиски того, чего же Бог хочет от него; наконец он решился не думать больше о мире, удалиться от него сколь возможно скорее и отказаться от должности губернатора Пуату, в которую должен был вступить по указу короля.

Неделю спустя после того, как он принял это решение и сообщил о нем моему дяде, которого он даже поселил у себя на какое-то время, чтобы тот укреплял его решимость, случилось так, что господин граф д'Аркур, двоюродный дед господина де Роаннеза, приехал к нему сказать, что ему предлагают невесту; это была мадемуазель де Мем, ныне госпожа де Вивон; она была лучшей партией в королевстве благодаря своему состоянию, происхождению и красоте. Он был поражен таким предложением, потому что уже более четырех лет имел в виду, что когда достигнет брачного возраста, то попытается получить эту девицу в жены; однако же он не колеблясь

отказался от нее, полагая, что обязан дать Богу свидетельство своей верности, не отступив от решения покинуть мир, которое Он ему внушил; и потому он сразу же ответил господину графу д'Аркуру, что весьма признателен тем особам, которые подумали о нем, но еще не готов жениться. Господин граф д'Аркур очень рассердился и сказал, что он сошел с ума, что он должен быть счастлив, если, искавши девицу знатную, красивую, разумную и самую богатую наследницу в королевстве, он ее получает; что вот теперь родные этой девицы сами его просят и ищут, а он еще раздумывает! Тогда господин де Роаннез ему объявил, что он вовсе не хочет вступать в брак. Господин граф рассердился еще больше и выбранил его; и наконец в его семействе стали винить в этом моего дядю, так что на него смотрели с ненавистью, и однажды даже служившая в доме привратницей женщина пробралась в его комнату, чтобы заколоть его, но по счастью его там не оказалось. С тех пор мой дядя жил в уединении и полном удалении от мира, в каковом он и окончил свои дни, так и не вернувшись в свет; напротив, он постепенно порвал со всеми своими друзьями и не виделся больше ни с кем из мирских знакомых.

В уединении своем он по воле Провидения стал писать против атеистов; вот как было собрано то, что дошло до публики. Господин Паскаль, работая, имел обыкновение держать в голове все, что он хотел написать, почти не делая набросков на бумаге; ему помогала в том удивительная способность никогда ничего не забывать, и он сам говорил, что ни разу не забыл того, что хотел запомнить. Так он хранил в памяти замыслы всего, что собирался писать, пока не доводил это до совершенства, а тогда уже записывал. Такое было у него обыкновение; но для этого требовались большие усилия воображения, а когда за пять лет до смерти он стал страдать тяжкими недугами, то не имел больше сил, чтобы держать в памяти все, что думал о каждом предмете. Тогда для облегчения дела он стал записывать то, что приходило ему в голову, по мере того как эти мысли ему являлись, чтобы затем воспользоваться ими для работы, как он поступал некогда с тем, что запечатлевалось в его памяти; и вот эти отрывки, записанные по кусочкам, нашли после его смерти и довели до публики, которая встретила их с большим одобрением.

Когда он работал над своим сочинением против атеистов, с ним приключилась сильнейшая

зубная боль. Однажды вечером господин герцог де Роаннез, уходя, оставил его в страшных мучениях; он лег в постель, боль все усиливалась, и он надумал заняться для облегчения чем-нибудь таким увлекательным, что притянуло бы все соки к мозгу и отвлекло бы его мысли от боли. Тут он вспомнил про задачу о циклоиде, поставленную отцом Мерсенном, которую никто не мог разрешить и которой он сам никогда не занимался. Он размышлял об этом столь успешно, что нашел решение и все доказательства. Он так погрузился в это занятие, что зубная боль утихла, и когда, решив задачу, он перестал о ней думать, то обнаружил, что исцелился от своей болезни.

Господин де Роаннез, зайдя к нему утром и увидев, что он здоров, спросил, что же его вылечило. Он ответил, что это циклоида, которую он искал и нашел. Господин де Роаннез, удивленный и таким действием, и самим предметом, ибо он знал его сложность, спросил, что он собирается с этим делать. Мой дядя ответил, что это послужило ему лекарством, а больше ему ничего и не нужно. Господин де Роаннез возразил, что тому есть много лучшее употребление, что ввиду его замысла сражаться с атеистами надо им показать, что он разбирается лучше их всех в том, что касается

геометрии и подлежит доказательствам, и что он потому и покоряется вере, что знает, где кончаются доказательства; и потому он посоветовал назначить 60 пистолей и бросить вызов всем известным ему сведущим математикам, предложив эту награду тому, кто найдет решение задачи. Господин Паскаль с ним согласился и передал 60 пистолей господину де Каркави, названному одним из тех судей, кто будет оценивать работы, присланные со всей Европы, и определил срок в полтора года. За это время работы пришли отовсюду; они все были рассмотрены, и поскольку за полтора года никто решения не нашел, господин Паскаль забрал эти 60 пистолей и употребил их на то, чтобы напечатать свой труд и награвировать доски для фигур; все это очень его утомило, потому что над этим трудом он работал так же, как над другими. Он держал его в голове и записывал лишь тогда, когда надо было нести к печатнику, иногда по две работы сразу, так что иной раз ему приходилось делать две работы одновременно и потому мешать в уме идеи для обеих.

Когда его труд был напечатан, он взял только сто двадцать экземпляров и послал тем сведущим математикам, которым он бросил вызов, единственно чтобы исполнить свой замысел.

Он послал его также своим личным друзьям. Ни одного экземпляра он не дал в продажу, вовсе не имея намерения стяжать себе славу этим сочинением; у него осталось два или три десятка, которые мы нашли после его смерти и которые мой отец отдал одному своему приятелю-книгопродавцу, чтобы тот делал с ними в своей лавке что пожелает.

О науке он говорил мало; но когда представлялся случай, он высказывал свое мнение о предмете разговора; к примеру, он нередко высказывал свои мысли о философии Декарта. Он был согласен с ним насчет автомата[6] и совсем не был согласен с тонкой материей, над которой очень смеялся. Но его объяснение того, как были созданы все вещи, он отвергал и часто говорил: «Я не могу простить Декарту: он хотел бы во всей своей философии обойтись без Бога, но не мог обойтись без того, чтобы Бог дал пинка Вселенной и тем запустил ее ход; после чего Бог был ему больше не нужен».

Месяца за два до его кончины случилось так, что у него собралось несколько человек, чтобы обсудить тогдашнее состояние дел в Церкви;

[6] Сноски: 6

Декарт полагал, что в человеке неодушевленный телесный механизм, «автомат», соединяется с мыслящей душой.

представив им сложности некоторых пунктов, он убедился, что эти особы собирались действовать не столь прямо, как ему бы хотелось, и готовы были отступать в том, что казалось ему важным для истины. Это так его поразило, что он упал в обморок и потерял сознание и дар речи. Он пребывал в таком состоянии довольно долго, и когда его с большим трудом привели в чувство и моя мать, при сем присутствовавшая, спросила его, что было тому причиной, он сказал: «Когда я увидел, как эти люди, которых я считал столпами истины, колеблются и поступаются своим долгом по отношению к истине, — это меня потрясло, я не мог этого снести и поддался охватившей меня скорби».

После смерти господина Паскаля тело его вскрыли и обнаружили, что желудок и печень его сморщены, а кишки в гангрене, но никто не мог сказать с определенностью, было ли это причиной мучительных колик или их следствием. Но самое удивительное было то, что при вскрытии головы оказалось: у черепа не было швов, кроме лямбдовидного, что, очевидно, было причиной ужасных головных болей, которыми он страдал всю жизнь. Правда, когда-то у него был шов, называемый лобным; но он долго не зарастал

в младенчестве, как это часто бывает в таком возрасте, и потому на нем образовалась мозоль, совершенно его покрывшая и такая большая, что ее легко можно было нащупать пальцем. Что до венечного шва, то его и признака не было. Врачи отметили необычайную величину мозга, вещество которого было столь твердым и плотным, что они увидели в этом причину, по которой, коль скоро лобный шов не мог зарасти, то природа восполнила это с помощью мозоли. Но что было самое удивительное и чему прежде всего врачи приписывали его смерть и последние обстоятельства, ее сопровождавшие, — это то, что внутри на черепе, против мозговых желудочков, были две вмятины, словно выдавленные пальцем на воске; они были полны свернувшейся, запекшейся крови, от которой по мозговой оболочке уже пошла гангрена.

Мысли

От переводчика

Паскаль писал свои заметки на больших листах бумаги и отделял одну от другой жирной чертой.

Готовясь осенью 1658 года выступить перед своими друзьями в Пор-Рояле с рассказом о плане «Апологии», он разрезал эти листы на более мелкие и распределял их, сообразно теме, по разным «связкам», или сериям. Таких серий, непосредственно предназначавшихся для будущего труда, он успел разложить и озаглавить двадцать восемь. С января 1659 года болезнь мешала ему продолжить это занятие. Оставшиеся 34 серии включают и заметки, касающиеся самых разнообразных предметов. Их дополняют фрагменты, дошедшие до нас из прочих источников.

Пробелы внутри фрагментов соответствуют делениям, обозначенным самим Паскалем.

То, что было им вычеркнуто, дается в скобках. В скобках же даются и номера фрагментов по изданию Брунсвика — самому распространенному и уже использовавшемуся нашими переводчиками.

Иноязычные тексты в подавляющем большинстве случаев — латинские; редкие исключения

оговариваются при переводе (см. Примечания). Перевод не дается в том случае, если он содержится в самом паскалевском тексте. Читателя не должны смущать очевидные порой отрывочность мысли и странности пунктуации; они объясняются особенностями самого сочинения.

Раздел I. Систематизированные бумаги
I. Порядок

1 (596). Псалмы поются по всей земле.

Кто свидетельствует о Магомете? Он сам.

И.Х. желает, чтобы Его свидетельство ничего не значило.

Такие свидетели должны быть всегда, и везде, и гонимы. Он одинок.

2 (227). Диалогический порядок.

Что я должен делать. Глаза мои застланы тьмой.

Считать ли мне себя ничтожеством? Считать ли мне себя богом?

3 (227 и 244). Все вещи меняются и сменяют друг друга.

Вы ошибаетесь, тут…

Как, вы не говорите сами, что небо и птицы доказывают существование Бога? Нет. И ваша религия этого не говорит? Нет. Ибо хотя это в каком-то смысле очевидно для немногих душ,

коим свет ниспослан от Бога, для большинства это ложно.

4 (184). Письмо, побуждающее к поискам Бога.

А потом искать Его у философов, пирронистов[7] и догматиков[8], которые будут раздражать того, кто Его ищет.

5 (247). Порядок.

Увещевательное письмо к другу, чтобы подвигнуть его на поиски. А он ответит: к чему мне искать, все напрасно. Возразить ему: не отчаивайтесь. А он скажет, что был бы счастлив увидеть луч света. Но что согласно этой религии, даже если он уверует, это ничего ему не даст. И потому он предпочитает не искать вовсе. А на это отвечать ему: Машина.

6 (60). 1. Раздел. Несчастье человека без Бога.

2. Раздел. Радость человека с Богом.

иначе

1. Разд. Что природа испорчена самой же природой.

2. Раздел. Что согласно Писанию, есть Исце-

---

[7] Сноски: 7

Пирронисты — последователи греческого философа Пиррона, родоначальника скептицизма.

[8] Сноски: 8

Догматики — последователи Аристотеля.

литель.

7 (248). Письмо, указывающее на пользу доказательств. Через Машину.

Вера отличается от доказательства. Одно от человека, а другая дар Божий. Justus ex fide vivit[9]. Доказательство зачастую и есть орудие веры, которую Бог сам вкладывает в сердце, fides ex auditu[10], но вера живет в сердце и заставляет говорить не scio, но Credo[11].

8 (602). Порядок.

Посмотреть, что есть ясного и неоспоримого в положении евреев.

9 (291). В письме можно поговорить о несправедливости.

Нелепый закон, по которому старшие получают все. Друг мой, вы родились по эту сторону горы, следовательно, то, что все имение отошло к вашему старшему брату, справедливо.

Почему вы меня убиваете?

10 (167). Все это от ужасов человеческой жизни.

---

[9] Сноски: 9
Праведный верою жив будет (Рим. 1, 17).

[10] Сноски: 10
Вера от слышания [а слышание от слова Божия] (Рим. 10, 17).

[11] Сноски: 11
Не «знаю», но «верую».

Взглянув на них, люди ударились в развлечения.

11 (246). Порядок. После письма о необходимости поисков Бога написать письмо об удалении препятствий — рассуждение о Машине, о подготовке Машины, о поисках разумом.

12 (187). Порядок.

Люди презирают религию. Они испытывают ненависть и страх при мысли, что она может оказаться истинной. Дабы излечить от этого, надо начать с доказательства того, что религия вовсе не противоречит разуму. Заслуживает почтения, внушить его.

Потом представить ее привлекательной, пробудить у добрых людей желание, чтобы она оказалась истинной, а затем доказать, что она истинна.

Заслуживает почтения, потому что хорошо знает человека.

Привлекательна, потому что обещает истинное благо.

II. Суета

13 (133). Два похожих лица; по отдельности в каждом из них нет ничего особенно смешного, но

вместе они вызывают смех своим сходством.

14 (338). Однако же истинные христиане все-таки покоряются страстям не из уважения к ним, а повинуясь установлениям Господа, в наказание людям поработившего их страстям. Omnis creatura subjecta est vanitati, liberabitur[12], потому и святой Фома объясняет то место из святого Иакова о предпочтении, оказываемом богатым, так, что если они его делают не сообразуясь с волей Господа, то нарушают установления религии.

15 (410). Персей, царь македонский. Эмилий Павел.

Персея упрекали за то, что он не наложил на себя руки.

16 (161). Суета.

Столь очевидная вещь, как мирская суета, так малоизвестна, что если сказать: искать славы и власти глупо, — это покажется странно и удивительно. Вот что меня поражает.

17 (112). Непостоянство и Прихоти.

Жить только своим трудом и царствовать над

---

[12] Сноски: 12

[Потому что] тварь покорилась суете [не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь] освобождена будет [от рабства тления в свободу славы детей Божиих] (Рим. 8, 20–21).

могущественнейшей страной в мире — вещи весьма далекие друг от друга. Они соединяются в особе турецкого султана.

18 (955). Кончик капюшона воздвигает на борьбу 25 000 монахов[13].

19 (318). У него четыре лакея.

20 (292). Он живет на другом берегу.

21 (381). Слишком юные не умеют рассуждать здраво, слишком старые — тоже.

Думаешь ли о каком-то предмете слишком мало или слишком много — одинаково себя морочишь.

Если судишь о своем труде сразу же после его окончания, то еще не можешь от него отделиться, если слишком долго спустя, то уже не можешь в него войти.

Так и картины, если смотреть на них со слишком близкого или слишком далекого расстояния. И лишь единственная маленькая точка и есть нужное место.

Все другие слишком близко, слишком далеко,

---

[13] Сноски: 13

В XIII–XIV вв. монаршеский орден францисканцев сотрясали споры о форме капюшона на их рясах.

слишком высоко или слишком низко. В искусстве живописи эта точка определяется перспективой, но кто ее определит для истины и морали?

22 (367). Могущество мух: они выигрывают сражения, отвлекают наши умы, грызут наши тела.

23 (67). Тщета наук.

В минуты скорби знание вещей внешних не сможет меня утешить в незнании морали, но знание нравов всегда утешит меня в невежестве относительно наук о внешнем мире.

24 (127). Удел человеческий.

Переменчивость, скука, тревога.

25 (308). Привычка видеть королей окруженными стражей, трубачами, сановниками и всем прочим, что внушает машине почтение и страх, приводит к тому, что и в тех нечастых случаях, когда короли оказываются одни, без сопровождения, их лица вызывают почтение и страх у подданных. Это потому, что люди не отделяют мысленно их особы от свиты, вместе с которой их обычно видят. И те, кто не знают, что причиной тому привычка, полагают, что причина в каких-то природных свойствах. Отсюда эти выражения: печать божественности лежит на его челе, и т. д.

26 (330). Могущество царей основано на рассудительности и на глупости народов, причем на глупости много больше. Самая великая и важная вещь в мире имеет своим основанием неразумие. И основание это поразительно надежно: ведь тут нет ничего кроме того, что народ неразумен. А то, что основано на здравом рассуждении, основано на песке — например, уважение к мудрости.

27 (354). Человеческая природа не знает движения по прямой; у нее свои приливы и отливы.

Лихорадка бросает в жар и в озноб. И озноб так же свидетельствует о силе горячки, как и сам жар.

То же самое с изобретениями человеческого ума из века в век, и то же самое вообще с благом и злом мира.

Plerumque gratae principibus vices[14].

28 (436). Неразумие.

Люди заняты одним только добыванием благ; но у них нет ни умения доказать, что они владеют этим благом по праву, ибо ими движут лишь прихоти человеческие, ни сил это благо удержать.

То же и со знанием. Болезнь его отнимает.

---

[14] Сноски: 14

Великим мира сего часто любезны перемены (Гораций. Оды, III, 29).

Мы не способны ни на истину, ни на добро.

29 (156). Ferox gens nullam esse vitam sine armis rati[15].

Одни предпочитают смерть миру, другие предпочитают смерть войне.

Любую идею можно предпочесть жизни, любовь к которой кажется столь сильной и естественной.

30 (320). Вести корабль выбирают не того из мореплавателей, кто среди них самый знатный.

31 (149). Люди не заботятся об уважении к себе в тех городах, где они проездом. Но стоит им там немного задержаться, как они начинают об этом заботиться. Задержаться на сколько? На время, соразмерное отпущенной нам краткой, пустой жизни.

32 (374). Суета.

Долг уважения означает: поступитесь своими удобствами.

33 (374). Что меня изумляет больше всего — это то, что никто не изумляется собственному неразумию. Люди всерьез что-то предпринимают, и

---

[15] Сноски: 15

Дикое племя, которое не представляет себе жизни без оружия (Тит Ливий. История Рима, XXIV, 17).

каждый следует своему уделу не потому, что это и вправду хорошо, не потому, что так уж заведено, а словно бы каждый твердо знал, в чем состоят разум и справедливость. Люди обманываются на каждом шагу и с удивительным смирением винят в том собственные ошибки, а не то знание, обладанием которым они неизменно гордятся. Но хорошо, что в мире, к вящей славе пирронизма, столько непирронистов: это доказывает, что человек способен на самые невероятные заблуждения, коль скоро он может полагать своим непременным природным свойством не слепоту, а, напротив, мудрость.

Ничто так не подтверждает правоту пирронизма, как существование непирронистов. Если бы все были пирронистами, они были бы не правы.

34 (376). Эту секту больше укрепляют враги, чем друзья, ибо глупость человеческая много яснее проявляется у тех, кто о ней не подозревает, чем у тех, кто ее признаёт.

35 (117). Каблучок.

О, какое изящество! Что за искусный мастер! Какой храбрый солдат! Вот источник наших склонностей и выбора занятий. Как этот умеет пить, как тот мало пьет: вот откуда появляются трезвенники и пьяницы, солдаты, трусы и т. д.

36 (164). Кто не видит суетности мира, сам суетен. Но кто ее не видит? Разве что молодые люди, которые душой целиком в страстях, развлечениях и мыслях о будущем.

Но отнимите у них развлечение — и вы увидите, что они умирают от тоски. Они смутно чувствуют свое ничтожество, не сознавая его; это большое несчастье — испытывать невыносимую скорбь, как только приходится задуматься о самом себе и ничем от этих мыслей не отвлекаться.

37 (158). Разные занятия.

Слава так сладка, что пусть ее принесет хоть смерть, — мы все равно ее любим.

38 (71). Слишком много и слишком мало вина.

Не давайте ему вина: он не сможет найти истину.

Дайте ему слишком много вина: то же самое.

39 (141). Люди заняты тем, что гоняются за мячиком или зайцем: даже короли находят в этом удовольствие.

40 (134). Какая суетность: мы восхищаемся картиной за то, что на ней похоже изображены такие вещи, которыми мы вовсе не восхищаемся в натуре.

41 (69). Когда читаешь слишком быстро или слишком медленно, понимаешь плохо.

42 (207). Сколько царств о нас и не ведает!

43 (136). Мало что нас утешает, так как мало что огорчает нас.

44 (82). Воображение.

Эта главенствующая способность человека, эта госпожа обмана и заблуждения, тем более коварная, что не всегда она такова: она была бы непогрешимым мерилом истины, если б не грешила ложью. И –

Но будучи чаще всего ложной, она никак себя не выдает, помечая одинаковым знаком истину и ложь. Я говорю не о глупцах, я говорю о самых разумных; это среди них воображение имеет полную свободу убеждать. Напрасно вопиет разум, не он определяет цену вещам.

Эта надменная сила, враждебная разуму, которая тешится своей властью над ним, чтобы показать, как она могущественна, создала вторую человеческую природу. У нее свои счастливцы и неудачники, свои здоровяки, хворые, богачи, нищие. Она заставляет верить, сомневаться, отвергать разум. Она приглушает чувства и обостряет их. У нее свои безумцы и свои мудрецы. И

более всего нам обидно видеть, что она дает приютившим ее удовлетворение куда более полное и совершенное, чем разум. Предающиеся воображению нравятся самим себе много больше, чем могут себе нравиться благоразумные и осмотрительные. Одни смотрят на людей властным взглядом, спорят смело и уверенно — другие это делают робко и нерешительно, — и такое ясное выражение лица часто дает им преимущество во мнении слушателей, настолько мудрецы от воображения в чести у судей той же породы. Воображение не может сделать дураков мудрецами, но оно делает их счастливыми, к зависти разума, который может дать своим друзьям только горе; воображение рождает гордость, разум — стыд.

Кто создает общее мнение, кто внушает уважение и восхищение к людям, сочинениям, законам, знатности, как не эта способность воображения? Все земные сокровища не стоят ничего без ее благоволения. Вы говорите, что этот сановник, чья почтенная старость вызывает всеобщее уважение, во всем следует разуму чистому и возвышенному, что он судит о вещах по их сути, а не по внешним признакам, способным лишь поразить воображение глупцов. Вот он входит в храм послушать проповедь, и его ревностная

набожность подкрепляет твердость его разума пылкостью благочестия; он готовится выслушать проповедь с беспримерной почтительностью. Но вот появляется проповедник, и если природа наградила его скрипучим голосом и забавными чертами, если цирюльник плохо его побрил, если к тому же он случайно испачкался в грязи по дороге, — какие бы глубокие истины он ни возвещал, держу пари: наш сенатор утратил свою серьезность.

Окажись величайший философ в мире на доске через пропасть и будь эта доска много шире, чем требуется, — как бы ни убеждал его разум, что он в безопасности, воображение возьмет верх. Многие не могут и подумать об этом, не бледнея и не обливаясь потом.

Не стану говорить обо всех проявлениях; кто не знает, что стоит кошке или крысе попасться на глаза, угольку хрупнуть под ногой, и т. д. — и вот уже разум выбит из колеи. Тон голоса подчиняет себе самых мудрых и неизбежно меняет речи и стихи.

Благорасположение или неприязнь склоняют на свою сторону правосудие; и насколько адвокат, чьи труды заранее хорошо оплачены, находит более справедливым дело, которое он

защищает! Как убеждают его пылкие жесты судей, обманутых этой видимостью! Жалкий разум, который каждый ветерок может повернуть в любую сторону. Я мог бы сказать едва ли не про все человеческие поступки, что они движутся почти всегда лишь такими колебаниями. Ибо разум принужден уступать, и самый мудрый разум принимает для себя те правила, которые дерзко распространило повсюду человеческое воображение. (Тот, кто захочет следовать одному лишь разуму, будет отпетым глупцом. Весь день надо — так уж заведено — трудиться ради мнимых благ; а когда сон освобождает нас от бремени разума, приходится поминутно вскакивать, чтобы гнаться за призраками и стряхивать с себя наваждение этой владычицы мира.)

(Вот причина наших заблуждений, но она не единственная.)

(Человек правильно сделал, что соединил эти две силы: хотя при таком мире воображение и получает большое преимущество, но в случае войны преимущество было бы целиком на его стороне. Никогда разум не побеждает воображение полностью, а обратное происходит всякий день.)

Наши судейские отлично поняли эту тайну. Их

алые мантии, горностай, в котором они похожи на пушистых котов, дворцы, где они вершат суд, королевские гербы, — все это торжественное великолепие совершенно необходимо; и если бы врачи лишились своих мантий и туфель, если бы ученые не имели квадратных шапочек и широчайших рукавов, — они бы ни за что не сумели заморочить весь честной народ, беззащитный перед таким удивительным зрелищем. Твори они истинное правосудие, владей лекари подлинным искусством врачевания, квадратные шапочки им были бы ни к чему. Глубина их познаний сама внушала бы к себе почтение; но поскольку знания эти мнимые, им приходится прибегать к таким обманным приемам, которые поражают воображение — а именно к воображению они взывают и благодаря ему добиваются уважения к себе.

Только солдаты не рядятся подобным образом, потому что занимаются действительно важным делом. Одни добывают себе положение силой, другие — ужимками.

Властителям земным тоже нет нужды переоблачаться. Они не обряжаются в какие-то особенные одежды, чтобы их узнавали. Но они окружают себя стражниками, воинами. Эти во-

оруженные люди, чья сила и храбрость служат им одним, трубы и барабаны, возвещающие их появление, сопровождающие их легионы заставляют трепетать и самых отважных. У них нет наряда, зато у них есть власть. Надо обладать большой здравостью суждения, чтобы видеть обыкновенного человека в турецком султане, которого охраняют в его серале сорок тысяч янычаров.

Мы не можем просто смотреть на адвоката в мантии и квадратной шапочке и не составить себе при этом благоприятного мнения о его познаниях.

Воображение всем владеет; оно создает красоту, праведность и счастье, к чему стремится мир.

Я бы очень хотел взглянуть на итальянскую книжку, которую знаю только по названию — но оно одно стоит многих книг: Dell' opinione regina del mondo[16]. Я подписываюсь под ней, не читая, — разве только в ней есть что-то дурное.

Таковы вкратце деяния этой лживой способности, которая дана нам словно специально для того, чтобы неизбежно вводить нас в заблуждение. Но у нас есть для того и другие причины.

Не только давние впечатления могут обманы-

---

[16] Сноски: 16
О мнении, владыке мира *(ит.).*

вать нас, очарование новизны обладает такой же властью. Отсюда раздор в наших душах; мы упрекаем себя либо за то, что следуем ложным впечатлениям детства, либо за то, что отчаянно гонимся за новыми. Кто придерживается золотой середины — пусть явится и докажет это. Нет такого самого очевидного правила, которое нельзя было бы представлять изначально ложным следствием либо обучения, либо нашего восприятия.

Одни говорят: поскольку вы с детства полагали, что сундук пуст, раз вы в нем ничего не видите, вы поверили в возможность пустоты. Это обман ваших чувств, подкрепленный привычкой, и надо, чтобы учение его исправило. А другие утверждают: поскольку вам сказали в школе, что пустоты не существует, то ваш здравый смысл, судивший так верно до этих ложных сведений, оказался подпорчен, и надо исправить его, вернувшись к изначальным природным понятиям. Так кто же обманщик? Чувства или знания?

Есть у нас и еще один источник заблуждений: болезни. Они искажают суждение и восприятие. И если серьезные болезни значительно их меняют, то я думаю, что и легкие недомогания делают свое, соразмерное им, дело.

Наконец, наша выгода — чудесное орудие для

бескровного самоослепления. Даже честнейшему человеку на свете не дано быть судьей в своем собственном деле. Я знаю людей, которые, чтобы не впасть в потворство своим интересам, совершали величайшую несправедливость в противоположном смысле. Верным средством проиграть самое справедливое дело было прибегнуть к ходатайству их ближайших родственников. Справедливость и истина обитают в таких крошечных точках, которые наши слишком грубые инструменты не могут точно определять. И если они их и находят, то размазывают эти точки так, что оказываются ближе ко *лжи*, чем к истине.

(Значит, человек так счастливо устроен, что не имеет ни одного надежного способа пребывать в истине, зато множество отличных способов пребывать во *лжи*. Теперь посмотрим, сколько же их.

Но самая удивительная причина его заблуждений — война между чувствами и разумом.)

45 (83). Человек — не более чем существо, по природе своей исполненное заблуждений, без благодати не устранимых. Ничто не указывает ему истину. Все его обманывает. Эти два источника истины, разум и чувства, не только ненадежны сами по себе, но еще и обманывают друг друга;

чувства обманывают разум ложной видимостью. И за такое плутовство ум платит чувствам тем же, вознаграждая себя. Страсти бередят чувства, сбивают их с пути. Они всласть лгут и обманываются сами.

Но кроме заблуждений, проистекающих из всяких случайностей и несогласия между разнородными способностями…

(Тут надо начать главу о лживых свойствах.)

46 (163). Суета.

Истоки и последствия любви. Клеопатра.

47 (172). Мы никогда не задерживаемся в настоящем. Мы вспоминаем прошлое; мы предвкушаем будущее, словно хотим поторопить его слишком медленный шаг, или вспоминаем прошлое, чтобы остановить его мимолетность. Мы так неосмотрительны, что блуждаем по недоступным нам временам и вовсе не думаем о том единственном времени, которое нам принадлежит; так легкомысленны, что мечтаем только о воображаемых временах и без рассуждений бежим от единственного существующего в действительности. Это потому, что настоящее обычно нас ранит. Мы его прячем с глаз долой, потому что оно нас удручает, а если оно нам приятно, то жалеем,

что оно ускользает. Мы пытаемся удержать его в будущем и предполагаем распоряжаться такими вещами, которые отнюдь не в нашей власти, в том времени, до которого мы вовсе не обязательно доживем.

Пусть каждый разберется в своих мыслях. Он увидит, что все они заняты прошлым или будущим. Мы почти не думаем о настоящем, а если и думаем, то лишь для того, чтобы в нем научиться получше управлять будущим. Настоящее не бывает никогда нашей целью.

Прошлое и настоящее для нас средства; только будущее — наша цель. И таким образом, мы вообще не живем, но лишь собираемся жить, и постоянно надеемся на счастье, но никогда не добиваемся его, и это неизбежно.

48 (366). Дух этого царственного судии мира не настолько свободен, чтобы не зависеть от малейшего шороха рядом. Чтобы спутать его мысли, не надо пушечного выстрела. Достаточно скрипа флюгера или лебедки. Не удивляйтесь, если он сейчас плохо рассуждает: муха жужжит у него над ухом. Этого довольно, чтобы он стал не способен дать добрый совет. Если вы хотите, чтобы он смог отыскать истину, прогоните это создание, которое сковывает его рассудок и смущает могу-

чий разум, правящий городами и царствами.

Хорошо же это божество. O ridicolosissime heroe![17]

49 (132). Мне кажется, Цезарь был слишком стар, чтобы развлекаться завоеванием мира. Эта забава была хороша для Августа и Александра. То были молодые люди, которых трудно удержать, но Цезарь был зрелее.

50 (305). Швейцарцы обижаются, если их принимают за дворян, и доказывают свое простонародное происхождение, чтобы их сочли достойными высоких постов.

51 (293). Почему вы убиваете меня, когда за вами преимущество? Я безоружен. — Как, разве вы не живете на другом берегу? Друг мой, если б вы жили на этом берегу, я был бы душегуб, и убивать вас таким способом было бы несправедливо. Но коль скоро вы живете на другом берегу, я храбрец, и это справедливо.

52 (388). Здравый смысл.

Они вынуждены говорить: вы поступаете нечестно, мы не дремлем, и т. д. Какое удоволь-

---

[17] Сноски: 17
О смехотворнейший герой! *(ит.)*

ствие для меня видеть этот надменный разум униженным и молящим. Это не речи мужа, оружием и силой защищающего свое право от посягательств. Он не тешится разговорами о честности, а карает подлость силой.

III. Ничтожество

53 (429). Человек низок настолько, что покоряется животным, поклоняется им.

54 (112). Непостоянство.

Вещи имеют различные свойства, а душа — различные наклонности; нет ничего простого в том, что предстает душе, и душа никогда и ни в чем не предстает простой. Здесь причина того, что люди и плачут, и смеются над одним и тем же.

55 (111). Непостоянство.

К человеку прикасаешься словно к органу. Человек и есть орган, только странный, изменчивый, непостоянный. (Те, кто умеет играть только на обыкновенных органах) с этими не справятся. Нужно знать, где у них клавиши.

56 (181). Мы так несчастны, что можем получать удовольствие от какого-то дела лишь при

условии, что огорчаемся, если оно кончается неудачей, — а это может происходить и происходит постоянно в тысяче случаев. Кто откроет тайну, как радоваться благу, не огорчаясь от сопутствующего зла, тот решит задачу. Это вечное движение.

57 (379). Нехорошо быть слишком свободным.

Нехорошо иметь все необходимое.

58 (332). Тирания состоит в желании властвовать надо всем и безо всяких ограничений.

Разные палаты — силы, красоты, остроумия, благочестия, и каждая правит у себя, а не над другими. Но иногда они сталкиваются, и сила с красотой начинают драться за власть друг над другом, поскольку власть их имеет разную природу. Они не уживаются вместе. Их ошибка в желании царствовать повсюду. Это никому не дано, даже силе: сила — ничто в царстве ученых, она госпожа лишь над внешним миром. — Итак, эти рассуждения неверны…

58 (332). Тирания.

Тирания — это желание заполучить одним способом то, что можно получить лишь другим. Мы платим разную дань разным достоинствам: дань любви — красоте, дань страха — силе, дань

доверия — науке.

Мы должны платить эту дань, было бы несправедливо в ней отказывать; но несправедливо и требовать другую. Вот почему кажутся неверными и тираническими такие рассуждения: я красивый, поэтому меня должны бояться, я сильный, поэтому меня должны любить, я… И точно такие же ложь и тирания в словах: он не сильный, поэтому я не буду его уважать, он не учен, поэтому я не буду его бояться.

59 (296). Когда нужно решать, следует ли начинать войну и убивать множество людей, приговаривать множество испанцев к смерти, — все решает один человек, и к тому же лицо заинтересованное; это должен быть беспристрастный третейский судья.

60 (294). (На самом деле эти бессильные законы он обойдет, следовательно, стоит его обманывать.)

На чем он будет основывать устройство мира, которым желает править? На прихоти каждого человека? Какой будет беспорядок! На справедливости? Но он не знает, в чем она состоит. Если б он это знал, он не поддерживал бы самую распространенную среди людей максиму о том, что каждый следует нравам своей страны. Сияние

подлинной правды покорило бы все народы. А законодатели не брали бы за образец, вместо этой неизменной истины, выдумки и прихоти персов или германцев. Она пребывала бы во всех государствах на свете и во все времена, а не так, как мы видим, что справедливость и несправедливость меняются с переменой климата, три градуса широты переворачивают всю юриспруденцию, истина зависит от меридиана. За несколько лет употребления меняются основные законы, у права есть свои эпохи, вхождение Сатурна в созвездие Льва обозначает рождение такого-то преступления. Хороша справедливость, которой речка кладет предел. Истина — по сю сторону Пиренеев, заблуждение — по другую.

Они признают, что источник справедливости — не в обычаях, но в естественных законах, общих всем странам. Разумеется, они бы яростно это отстаивали, если бы безрассудный случай, сеющий законы по свету, нашел хоть один всеобщий закон. Но ирония в том, что прихоти человеческие слишком разнятся между собой, и такого всеобщего закона нет.

Воровство, кровосмешение, детоубийство и отцеубийство — все числилось среди поступков добродетельных. Может ли быть что-либо более

странное, чем то, что какой-то человек имеет право меня убить, поскольку он живет на другом берегу и его государь поссорился с моим, хотя у нас с ним нет никакой ссоры.

Разумеется, естественные законы существуют, но этот хваленый разум, сам извращенный, извратил и все вокруг. Nihil amplius nostrum est, quod nostrum dicimus artis est[18]. Ex senatus-consultis et plebiscitis crimina exercentur[19]. Ut olim vitiis sic nunc legibus laboramus[20].

Из этой путаницы проистекает, что один говорит, будто источник справедливости — в авторитете законодателя, другой — в желании государя, третий — в существующих обычаях, и это вернее всего. Ничто не бывает справедливо само по себе, повинуясь одному лишь разуму; все колеблется вместе со временем. Обычай — вот и вся справедливость, по той единственной причине, что он в нас укоренился. Тут мистическое

---

[18] Сноски: 18

Не остается ничего нашего, и то, что я называю нашим, есть просто ухищрение — неточная цитата из речи Цицерона («О высшем благе и высшем зле», V, 21).

[19] Сноски: 19

На основании постановлений сената и решений народа творятся преступления (Сенека. Письма, 95, 3).

[20] Сноски: 20

Подобно тому как когда-то мы страдали от преступлений, так страдаем теперь от законов (Тацит. Анналы, III, 25).

основание его власти. Кто станет докапываться до его истоков, его уничтожит. Ничто так не ошибочно, как законы, карающие нас за ошибки. Тот, кто повинуется им, потому что они справедливы, повинуется воображаемой справедливости, а не сути закона. Закон сводится к самому себе. Он закон — и ничего больше. Кто захочет выяснить его побудительную причину, тот обнаружит, что она крайне легковесна и неразумна; и если он не привык созерцать причуды человеческого воображения, то будет удивляться, как это век окружает подобный закон такими почестями и преклонением. Искусство фрондировать и сотрясать государство состоит в умении подрывать установившиеся обычаи, доискиваясь до их истоков и показывая, сколь мало в них основательности и справедливости. Говорят, надо обращаться к изначальным, первейшим законам государства, которые ложный обычай отменил. Это верное средство все разрушить. Однако народ легко поддается таким речам, он сбрасывает ярмо, как только его распознает, а властители этим пользуются ему на гибель и на гибель нашим любознательным исследователям древних обычаев. Вот почему мудрейший из наших законодателей говорил, что для блага

людей их зачастую следует обманывать, а другой, здравый политик, — Cum veritatem qua liberetur ignoret, expedit quod fallatur[21]. Не нужно, чтобы он знал правду о самозванстве власти; когда-то она установилась незаконно, теперь она стала законной. Нужно представлять ее подлинной и вечной и скрывать ее происхождение, если не хочешь, чтобы ей вскорости пришел конец.

61 (309). Справедливость.

Справедливость так же зависит от моды, как и красота.

62 (177). (Три гостеприимца)

Мог ли подумать человек, заручившийся благосклонностью английского короля, польского короля и шведской королевы, что у него не найдется приюта и убежища на этой земле?

63 (151). Слава.

Людские похвалы все портят с детства. О, как это прекрасно сказано! О, как он хорошо поступил, какой он смышленый, и т. д.

Дети в Пор-Рояле, которых оберегают от этих укусов зависти и тщеславия, становятся нера-

[21] Сноски: 21

Когда не ведаешь освобождающей истины, кажется, что лучше обманываться — неточная цитата из бл. Августина.

дивы.

64 (295). Мое, твое.

Эта собака моя, говорят бедные дети. Это мое место под солнцем. Вот начало и образ всех беззаконий на земле.

65 (115). Разнообразие.

Богословие — наука, но вместе с тем сколько наук она в себе заключает? Человек — это тело, но что это для анатомии? Голова, сердце, желудок, жилы, каждая жила, каждая часть жилы, кровь, каждый гумор[22] крови.

Город, деревня; издали это город и деревня, но когда приближаешься, видишь дома, деревья, крыши, листья, былинки, муравьев, муравьиные лапки — и так до бесконечности. Все это заключено в слове «деревня».

66 (326). Несправедливость.

Опасно говорить народу, что законы несправедливы; ведь он им повинуется только потому, что верит в их справедливость. Вот отчего следует тут же ему сказать, что законам надо повиноваться потому, что они законы, равно как надо повиноваться начальникам не потому, что они

---

[22] Сноски: 22

По Гиппократу, жизнь организма определяется жидкостями (гуморами): кровью, желтой желчью, черной желчью и флегмой (слизью).

справедливы, но потому, что они начальники. Вот средство предотвратить всякий бунт, если удастся убедить в том, что это и есть определение справедливости.

67 (879). Несправедливость.

Право существует не для тех, кто им владеет, но для тех, кто ему подчиняется: говорить это народу опасно, но народ слишком вам доверяет, ему это не повредит, а вам может быть полезно. Итак, следует этого не скрывать. Pasce oves meas, а не tuas[23]. Пасти овец — ваш долг передо мной.

68 (205). Когда я думаю о кратком сроке своей жизни, поглощаемом вечностью до и после нее — memoria hospitis unius diei praetereuntis[24], — о крошечном пространстве, которое я занимаю, и даже о том, которое вижу перед собой, затерянном в бесконечной протяженности пространств, мне неведомых и не ведающих обо мне, я чувствую страх и удивление, отчего я здесь, а не там; ведь нет причины, почему бы мне оказаться скорее здесь, чем там, почему скорее сейчас, чем тогда. Кто меня сюда поместил? Чьей волей и

---

[23] Сноски: 23

«Паси овец Моих» (Ин. 21, 17), а не твоих.

[24] Сноски: 24

Проходит, как память об однодневном госте (Книга Премудрости Соломона. 5, 14).

властью назначено мне это место и это время?

69 (174). Ничтожество.

Иов и Соломон.

70 (165). Если бы участь наша была действительно счастливой, нам не нужно было бы отвлекаться от мыслей о ней.

71 (405). Противоречие.

Гордыня — противовес всем несчастьям, скрывает ли она их или выставляет напоказ; она хвалится тем, что о них знает.

72 (66). Нужно знать самого себя. Пусть это не поможет найти истину, но поможет хотя бы правильно устроить свою жизнь, а это самое благое дело.

73 (110). Ощущение обманчивости доступных нам наслаждений и неведение о тщете наслаждений воображаемых — вот причина непостоянства.

74 (454). Несправедливость.

Они не нашли иного способа удовлетворять свои вожделения, не причиняя вреда другим.

Иов и Соломон.

75 (389). Екклезиаст доказывает, что человек

без Бога лишен всякого знания и неизбежно несчастлив, ибо это несчастье — желать и не мочь. Ведь он хочет быть счастливым и уверенным в какой-то истине. Однако он не может ни достичь знания, ни отказаться от желания знать. Он не может даже сомневаться.

76 (73). 13. (Но, быть может, этот предмет за пределами человеческого разума. Посмотрим же, что он придумал в том, что ему по силам. Если есть что-то, к чему собственные интересы побуждают его приложить самые серьезные старания, то это поиски высшего блага. Итак, в чем же его находят эти мощные и проницательные умы, и согласны ли они между собою?

Один говорит, что высшее благо — в добродетели, другой — в сладострастии, третий — в следовании природе, четвертый — в истине — felix qui potuit rerum cognoscere causas[25], пятый — в полном неведении, шестой — в праздности, седьмой — в том, чтобы не поддаваться обманчивой видимости, восьмой — в том, чтобы ничему не удивляться — nihil mirari prope res una quae possit

[25] Сноски: 25

Блажен, кто смог познать причины вещей (Вергилий. Георгики, II, 489).

facere et servare beatum[26], а славные пирронисты — в своей атараксии, вечном сомнении и колебании. А самые мудрые полагают, что найти его нельзя, даже в мечтах. Вот нам и награда.

Переставить этот раздел после законов

Но, может быть, если эта чудесная философия и не добилась ничего определенного ценой столь долгих и напряженных усилий, то душа хотя бы

сумела понять самое себя. Послушаем, что говорят об этом наставники человечества. Что они думают о ее сущности? Оказались ли они удачливее в поисках ее местопребывания? Что они узнали о ее происхождении, сроке жизни, расставании с телом?

---

[26] Сноски: 26

Ничему не удивляться — вот едва ли не единственное, чем можно достичь блаженства и сберечь его (Гораций. Послания, I, VI, I).

Значит ли это, что душа — слишком возвышенный предмет для ее слабого разумения? Тогда спустимся к материи. Посмотрим, знает ли душа, из чего сделано то тело, в которое она вдыхает жизнь, и другие тела, которые она созерцает и перемещает по своему усмотрению.

Что же знают об этом наши великие догматики, от коих ничто не скрыто?

Harum sententiarium[27].

Без сомнения, этого было бы довольно, если бы разум был разумен. Он достаточно разумен для того, чтобы признать, что не смог пока найти ничего бесспорного. Но он еще не отчаивается когда-нибудь это сделать; напротив, он по-прежнему исполнен рвения в этих поисках и уверен, что у него хватит сил для такой победы.

Надо довести это до конца; проверив его силы по их достижениям, исследуем их самих по себе. Посмотрим, если ли у разума силы и средства познать истину.)

---

[27] Сноски: 27

[Какое] из этих мнений [верное? Только богу известно] (Цицерон. Тускуланские беседы, I, II).

IV. Скука

77 (152). Гордыня.

Любознательность — это всего лишь тщеславие. Чаще всего люди ищут знаний только для того, чтобы поговорить об этом; кто бы пустился в морское плавание, чтобы не проронить о нем ни слова и ради единственного удовольствия повидать мир, без надежды об этом рассказать.

78 (126). Описание человека.

Зависимость, жажда независимости, нужда.

79 (128). Люди порывают с привычными занятиями от скуки. Мужчина спокойно живет в своей семье; стоит ему увидеть привлекательную женщину, поиграть 5 или 6 дней в свое удовольствие — и он уже чувствует себя несчастным, вернувшись к прежнему состоянию. Вот самая обыкновенная вещь на свете.

V. Причины вещей

80 (317). Почтение означает: поступитесь своими удобствами.

Это кажется суетно, а на самом деле очень правильно: я бы, конечно, потревожил себя, если бы вам это было нужно, коль скоро я это делаю безо всякой для вас надобности. К тому же, знаки почтения нужны для того, чтобы отличать высших. Если бы почтение выражалось сидением в кресле, мы бы почитали всех, и никакого отличия не было бы. Но вскочив с места, мы проводим это отличие очень ясно.

81 (299). Единственные всеобщие правила — это законы страны в делах обыкновенных и мнение большинства в остальном. В чем тут причина? В силе.

И поэтому короли, обладающие силой, не следуют мнению большинства своих министров.

Без сомнения, имущественное равенство справедливо, но…

Не умея сделать так, чтобы сила повиновалась справедливости, мы представляем справедливым повиновение силе. Не умея усилить справедливость, мы оправдываем силу, чтобы соединить справедливость с силой ради установления мира, который есть высшее благо.

82 (271). Мудрость велит нам вернуться в дет-

ство. Nisi efficiamini sicut parvuli[28].

83 (327). Простые люди судят о вещах верно, потому что они пребывают в естественном неведении, как и подобает человеку. У знания две крайности, и крайности эти сходятся: одна — полное естественное неведение, с которым человек рождается на свет; другая крайность — та точка, на которой великие умы, объявшие все доступное людям знание, обнаруживают, что они не знают ничего, и возвращаются к тому самому невежеству, откуда начали свой путь; но это невежество умное, сознающее себя. А те между этими двумя крайностями, кто утратили неведение естественное и не обрели другого, тешатся крохами поверхностного знания и строят из себя умников. Они-то и сбивают людей с толку и ложно судят обо всем.

Простые люди и мудрецы поддерживают течение жизни; а эти его презирают, и им платят тем же. Они судят ложно обо всех вещах, а остальные судят верно.

84 (79). (Декарт.

Можно сказать в общем: это происходит с помо-

[28] Сноски: 28

Если [не обратитесь и] не будете, как дети, [не войдете в Царство Небесное] (Мф. 18, 3).

щью числа и движения. И это верно; но говорить, какие именно, и создавать машину — это смешно. Это и бесполезно, и сомнительно, и трудно. А если б это было верно, не думаю, что вся философия стоила бы и часа, на нее потраченного.)

85 (878). Summum jus, summa injuria[29].

Мнение большинства — наилучший путь, поскольку оно очевидно и имеет достаточно силы, чтобы заставить себе повиноваться. Однако это мнение не самых мудрых.

Если бы это было возможно, силу подчинили бы справедливости; но силой нельзя распоряжаться по своему желанию, поскольку она — качество физическое, тогда как справедливость — качество духовное, и ею можно распоряжаться как хочешь. Ее подчинили силе и стали называть справедливым то, чему повинуются насильно.

Отсюда право меча — ведь меч дает подлинное право.

Иначе насилие было бы по одну сторону, а справедливость — по другую. Конец Двенадцатого «Письма к провинциалу».

Поэтому несправедлива Фронда, которая во

---

[29] Сноски: 29

Высшее право есть высшая несправедливость (Теренций. Сам себя истязающий, IV, 5, 47).

имя своей мнимой справедливости восстает против силы.

Не так в Церкви, где есть истинная справедливость и нет насилия.

86 (297). Veri juris[30]. У нас его больше нет. Если б оно у нас было, мы не принимали бы за правило справедливости следование обычаям своей страны.

Поэтому, не умея подчиняться справедливости, люди подчинились силе, и т. д.

87 (307). Канцлер принимает важный вид и обвешивает себя украшениями. Ибо должность его — мнимая; не то король. У него настоящая сила и нет нужды в воображении. А судьи, доктора и т. д. владеют только воображением.

88 (302). Тут причина в силе, а не в обычае, ибо тех, кто способен придумывать что-то новое, немного. Сильное же большинство не желает ничего менять и отказывает в славе этим выдумщикам, мечтающим ее добиться посредством своих изобретений. Если же они в этом упорствуют и презирают тех, кто не может ничего придумать, другие награждают их издевками, а

---

[30] Сноски: 30
Об истинном праве.

то и тумаками. Пусть же они не чванятся остротой своего ума — или довольствуются собственным мнением о себе.

89 (315). Причина вещей.

Поразительно: вы не хотите, чтобы я воздавал почести человеку, одетому в парчу и за которым следуют семь или восемь лакеев. Да если я ему не поклонюсь, он велит отстегать меня кнутом. Наряд — это сила. Это верно даже про коня в богатой сбруе рядом с другими. Странно, что Монтень не видит, какая тут разница, удивляется, что люди ее находят, и ищет тому объяснений. Поистине, — пишет он, — в чем причина, и т. д.

90 (337). Причина вещей.

Степени понимания. Простонародье почитает людей знатных, полумудрецы их презирают, говоря, что высокое происхождение дарится не личными достоинствами, а случаем. Мудрецы их почитают, но не из тех же соображений, что народ, а из более тонких. Святоши, у которых больше рвения, чем ума, их презирают, несмотря на уважение, которое им оказывают мудрецы, потому что они судят согласно новому знанию, дарованному им благочестием, но истинные христиане их почитают согласно иному, высшему

знанию.

Итак, мнения колеблются от «за» до «против» сообразно степени знания.

91 (336). Причина вещей.

Нужно иметь понимание более тонкое и судить обо всем сообразно ему, но говорить надо так, как говорит народ.

92 (335). Причина вещей.

Все же верно будет сказать, что заблуждаются все; ибо хотя суждения простых людей здравы, в их умах они не таковы — ведь они видят истину не там, где она есть. В их мнении истина есть, но не там, где они думают. Верно, что надо почитать знатных, но не потому, что высокое рождение есть подлинное преимущество, и т. д.

93 (328). Причина вещей.

Постоянное превращение «за» в «против».

Итак, мы доказали, что человек суетен, ибо придает значение вещам несущественным. И все его мнения опровергнуты.

Мы доказали затем, что все эти мнения весьма здравы; что суетность эта имеет самые твердые основания и что простые люди не так суетны, как полагают обычно. Так мы опровергли мнение, опровергавшее мнение простых людей.

Но теперь нужно опровергнуть это последнее утверждение и доказать, что все-таки мысль о суетности простых людей верна, хотя суждения их и здравы, потому что они видят истину не там, где она есть на самом деле, и помещая ее там, где ее нет, их суждения остаются весьма ложными и вредными.

94 (313). Здравомыслие простых людей.

Величайшее из зол — гражданские войны.

Они неизбежны, если попробовать вознаграждать людей сообразно их достоинствам, ибо каждый скажет, что он самый достойный. Зло, которого следует опасаться, если престол по праву рождения унаследует глупец, не столь велико и не столь неизбежно.

95 (316). Здравомыслие простых людей.

Щегольство — не такое уж пустое дело; это значит доказывать, что на тебя работает множество людей. Это значит доказывать своей прической, что у тебя есть камердинер, парфюмер и т. д., своими брыжами, шитьем, позументом и т. д. А иметь множество слуг — это не просто внешняя оболочка, не просто красивая попона.

Чем больше у человека слуг, тем он сильнее. Наряд — это доказательство силы.

96 (329). Причина вещей.

Страсти человеческие порождают множество красот; умение хорошо играть на лютне — зло только по причине наших страстей.

97 (334). Причина вещей.

Похоть и сила — вот источники всех наших действий. Похоти повинуются по своей воле, силе — против воли.

98 (80). Почему хромой нас не раздражает, а раздражает хромающий ум? Потому что хромой признает, что мы ходим прямо, а хромающий ум полагает, что это мы хромаем. Иначе мы бы испытывали к нему жалость, а не гнев.

Эпиктет задает вопрос еще резче: почему мы не обижаемся, когда нам говорят, что у нас болит голова, но обижаемся, когда говорят, что мы дурно рассуждаем или принимаем неверное решение.

99 (80 и 536). Причина в том, что мы совершенно уверены, что голова у нас не болит и что мы не хромаем, но не столь уверены, что приняли правильное решение. Ведь мы можем быть уверены только в том, что видим совершенно ясно, и когда другой совершенно ясно видит противоположное, мы впадаем в замешательство и смущение. Тем более когда тысяча других людей смеются над

нашим выбором: тогда надо предпочесть наше суждение множеству других. А это рискованно и трудно. Таких противоречий никогда не бывает, когда речь идет о хромоте.

Человек так устроен, что если сказать ему: ты глупец, — он поверит. И если он сам себе это скажет, то заставит себя поверить: ибо человек ведет с самим собой внутреннюю беседу, и важно верно ее направлять. Corrumpunt bonos mores colloquia prava[31]. Нужно хранить молчание, насколько возможно, и разговаривать лишь с Богом, который и есть истина; тогда сумеешь самому себе ее внушить.

100 (467). Причина вещей.

Эпиктет. Не так с теми, кто говорит: у нас болит голова. Мы уверены в своем здоровье, но не уверены в своем суждении; и действительно, его суждение было глуповато.

А ведь он думал доказать свою мудрость, рассуждая, в нашей власти или нет.

Но он не понимал, что не в нашей власти управлять сердцем, и был не прав, выводя это из того, что есть христиане.

101 (324). У простых людей воззрения очень

---

[31] Сноски: 31

Худые сообщества развращают добрые нравы (1 Кор. 15, 33).

здравые. К примеру.

1. В том, что они выбирают развлечение и что охота важнее добычи. Полузнайки издеваются над этим и, торжествуя, доказывают на таком примере человеческое безумие, но в суть они не проникают. Люди правы:

2. В том, что отличают человека по внешнему виду, по знатности или богатству. Многие с успехом доказывают, как это неразумно. Но это очень разумно. Каннибалы смеются над царем-младенцем.

3. В том, что оскорбляются, получив пощечину, и так жаждут славы; ведь она столь желанна из-за других весьма существенных благ, с нею связанных. А человек, который получил пощечину и не возмутился, согнут под бременем оскорблений и нужды.

4. Трудиться наудачу, путешествовать по морю, идти по жердочке.

102 (759). (Либо иудеи, либо христиане должны быть дурны.)

103 (298). + Справедливость, сила.

Следовать справедливости справедливо; покоряться силе необходимо.

Справедливость без силы — немощь; сила без

справедливости — тирания.

Бессильной справедливости противятся, ибо всегда есть дурные люди. Несправедливую силу осуждают. Поэтому следует соединить справедливость и силу, а для того либо справедливость сделать сильной, либо силу сделать справедливой.

О справедливости можно спорить — сила очевидна и бесспорна. Поэтому нельзя было придать силу справедливости, ибо сила восстала против справедливости и заявила, что справедлива не справедливость, а она, сила.

И вот, не сумев сделать справедливость сильною, мы сделали так, будто сила справедлива.

104 (322). Какие преимущества дает знатность, которая человеку в 18 лет доставляет положение, известность и почет, каких другие добиваются в пятьдесят. Так тридцать лет выигрываются без труда.

VI. Величие

105 (342). Если бы зверь делал по рассудку то, что он делает по инстинкту, и говорил по рассудку то, что говорит по инстинкту об охоте, и

предупреждал собратьев о выслеженной или потерянной добыче, он говорил бы и о том, что ему более всего досаждает, к примеру: перегрызите эту веревку, она ранит меня, а я не могу до нее дотянуться.

106 (403). Величие.

Причины вещей доказывают величие человека, который сумел построить такой замечательный порядок из своих страстей.

107 (343). Попугай чистит свой клюв, хотя он чист.

108 (339). Что в нас испытывает наслаждение? Рука, плечо, плоть, кровь? Очевидно, это должно быть нечто нематериальное.

109 (392). Против пирронизма.

(Странно, что они не могут дать определение таким вещам, не напутав. Мы сейчас поговорим об этом.) Мы полагаем, что восприятие у всех одинаковое. Но это произвольное предположение — у нас нет никаких доказательств. Согласен, что эти слова употребляются в одних и тех же случаях, и что всякий раз, когда два человека видят, как некое тело изменило свое положение в пространстве, они оба выражают свое восприятие этого предмета одним и тем же словом, говоря,

что предмет этот движется; и из этого тождества в словоупотреблении делают важный вывод о тождестве мысли. Но хотя можно сделать ставку и на такое утверждение, это отнюдь не полностью и не окончательно убеждает: ведь известно, что зачастую одни и те же выводы делаются из различных предположений.

Этого довольно, чтобы запутать суть предмета, хотя и не настолько, чтобы вовсе помрачить прирожденную ясность суждений, коей мы руководствуемся в таких вещах. Академики[32] стали бы биться об заклад, но это лишь во вред и смущает догматиков, к вящей славе всей пирронистской шайки, то есть этой двусмысленной двусмыслицы и некоей сомнительной темноты, где ни наши сомнения не могут вовсе загасить всякий свет, ни наша прирожденная ясность не может вовсе рассеять тьму.

(На обороте. Такова же и всякая вещь. Бог — начало и конец. Екк.)

1. Разум.

110 (282). Мы познаем истину не только разумом, но и сердцем. Именно сердцем мы познаем начальные понятия, и тщетно рассудок, к этому

---

[32] Сноски: 32

Академики — последователи школы Платона «Академия».

непричастный, пытается их оспорить. Пирронисты, которые только этим и заняты, стараются напрасно. Мы знаем, что живем не во сне. Как бы ни были мы бессильны доказать это с помощью рассуждений, такое бессилие означает лишь слабость нашего разума, но никак не зыбкость всех наших знаний, как они утверждают. Ибо знание первоначал — пространства, времени, движения, числа — столь же твердо, как любое из тех, что даются нам рассудком; на эти-то знания, добытые сердцем и инстинктом, и должен опираться разум и основывать на них все свои рассуждения. Мы сердцем знаем, что у пространства три измерения, что числа бесконечны, а уж потом разум нам доказывает, что нет двух таких квадратных чисел, из которых одно было бы вдвое больше другого. Начальные понятия познаются чувством, теоремы доказываются умозаключением; и в том, и в другом знании мы можем быть уверены, хотя достигаются они разными путями, — и если разум потребует у сердца доказательства начальных понятий, чтобы согласиться их разделить, это будет так же смешно и бесполезно, как если бы сердце требовало от разума прочувствовать все доказанные им теоремы, чтобы согласиться их принять.

Итак, это бессилие должно послужить лишь к унижению разума — который желал бы судить обо всем, — но не к оспариванию нашей уверенности в своих понятиях. Если бы наставлять нас был способен один только разум, тогда пусть Бог даст, напротив, чтобы мы в нем вовсе не имели нужды и познавали бы все предметы инстинктом и чувством. Но природа отказала нам в этом благе; напротив, она дает нам весьма мало познаний такого рода, а все остальные могут достигаться лишь рассуждением.

Вот почему блаженны и тверды в убеждении те, кому Бог дал веру через сердечное чувство; но тем, кто ее не имеет, мы можем ее дать лишь через рассуждение, пока Бог не даст им ее через сердечное чувство, без чего вера остается делом всего лишь человеческим и бесполезным для спасения души.

111 (339). Я могу представить себе человека без рук, без ног, без головы — ведь нас только опыт учит, что голова человеку более необходима, чем ноги. Но я не могу вообразить человека без мысли. Это был бы камень или животное.

112 (344). Инстинкт и разум — печати двух природ.

113 (348). Мыслящая тростинка.

Не в пространстве должен я искать своего достоинства, но в правильности мысли. Владение землями не даст мне никакого преимущества. В пространстве Вселенная объемлет и поглощает меня, малую точку; мыслью я ее объемлю.

114 (397). Величие человека в том, что он сознает себя несчастным; дерево себя несчастным не сознает.

Сознавать себя несчастным — это несчастье; но сознавать, что ты несчастен, — это величие.

115 (349). Нематериальные души.

Философы, победившие свои страсти, — какая материя могла это сделать?

116 (398). Сами эти несчастья доказывают его величие. Это несчастья владетельной особы. Несчастья свергнутого короля.

117 (409). Величие человека.

Величие человека столь очевидно, что оно проистекает даже из его ничтожества. Ведь то, что естественно для животного, для человека считается ничтожным; из чего мы заключаем, что если ныне его природа подобна природе животных, то это есть падение высшей природы, которая была

ему свойственна прежде.

Кто ощущает себя несчастным оттого, что он не король, как не свергнутый король? Ощущал ли Эмилий Павел себя несчастным оттого, что он больше не был консулом? Напротив, все полагали его счастливым оттого, что он консулом был, ибо этот сан дается не навсегда. Но Персея считали таким несчастным оттого, что он больше не царь, — ибо этот сан дается навсегда, — что люди удивлялись, как это он еще может оставаться в живых. Кто считает себя несчастным потому, что у него только один рот, и кто не сочтет себя несчастным, если у него останется только один глаз? Наверно, никому не приходило в голову печалиться об отсутствии третьего глаза, но тот, у кого нет ни одного, безутешен.

118 (402). Величие человека даже в его страстях, в том, что он сумел из них вывести удивительный порядок и создать образ и подобие милосердия.

VII. Противоположности

119 (423). Противоположности. После доказательств низости и величия человека. Теперь пусть человек назначит себе цену. Пусть он любит себя, ибо его природа способна на добро; но

он не должен из-за этого любить и те низости, которые в ней заключены. Пусть он презирает себя, ибо способность эта не осуществляется; но он не должен поэтому презирать саму эту природную способность. Пусть он ненавидит себя, пусть он себя любит: он способен познать истину и быть счастливым, но не владеет истиной неизменной и утешительной.

Я хотел бы пробудить в человеке желание ее обрести, быть готовым и свободным от страстей, чтобы следовать за ней, где бы она ни была, сознавая, насколько замутнены страстями его суждения; я хотел бы, чтобы он ненавидел в себе правящую им похоть, дабы она не ослепляла его в миг выбора и не останавливала его тогда, когда выбор уже сделан.

120 (148). Мы столь высокого мнения о себе, что желали бы стать известными всему миру и даже тем, кто придет после нас. И мы так суетны, что радуемся уважению пяти или шести ближайших к нам людей и довольствуемся им.

121 (418). Опасно слишком настойчиво убеждать человека, что он не отличается от животных, не доказывая одновременно его величия. Опасно и доказывать его величие, не вспоминая о его

низости. Еще опаснее оставлять его в неведении того и другого, но очень полезно показывать ему и то, и другое.

Человеку не следует ни полагать себя равным животным или ангелам, ни пребывать в неведении о том и о другом, а следует знать и то, и другое.

122 (416). Д. П.-Р[33]. Величие и ничтожество.

Ничтожество вытекает из величия, а величие из ничтожества; поэтому одни настаивают на ничтожестве тем упрямее, что доказательство его видят в величии, а другие настаивают на величии тем жарче, что выводят его из самого ничтожества. Все, что одни смогли придумать в доказательство величия, другим лишь послужило доводом для утверждений о ничтожестве; ведь чем выше вершина, с которой падаешь, тем ничтожней себя ощущаешь, и наоборот. Они гоняются друг за другом в порочном круге; ведь очевидно, что в меру собственного разумения человек видит и свое величие, и свое ничтожество. Короче, человек сознает свое ничтожество. Он ничтожен, потому что такова его участь; но он велик, потому что это сознает.

---

[33] Сноски: 33

Для Пор-Рояля. Этими буквами помечены фрагменты, которые Паскаль приготовил для своего выступления в Пор-Рояле в 1658 году.

123 (157). Противоречия, презрение к нашему существу, нелепая смерть, ненависть к нашему существу.

124 (125). Противоположности.

Человек от природы легковерен, подозрителен, робок, отважен.

125 (92). Что такое наши врожденные понятия, как не усвоенные обычаи. У детей — те, что они получили от обычаев отцов, как охота у хищных зверей.

Иной обычай дает иные врожденные понятия. Опыт помогает судить об этом, а также о том, существуют ли врожденные понятия, неподвластные обычаю. Есть и привычные понятия, противоречащие природе и неподвластные природе и второй привычке. Это как вам будет угодно.

126 (93). Отцы опасаются, как бы сыновняя любовь не изгладилась. Что же это за природа, если ее можно изгладить.

Привычка — вторая природа, и она разрушает первую. Но что такое природа? И почему привычка к природе не принадлежит? Я очень боюсь, что сама природа — не более чем первая привычка, как привычка — вторая природа.

127 (415). О природе человеческой можно судить двумя способами: либо сообразно ее цели, и тогда она велика и несравненна; либо сообразно поведению толпы, как судят о природе лошадей или собак, видя в ней бег и animum rcendi[34], и тогда человек подл и низок. Вот два пути, полагающие разные способы суждения и вызывающие столько споров у философов.

Ибо один отвергает положения другого. Один говорит: он вовсе не рожден для этой цели, потому что все его поступки ей противны; а другой: он отдаляется от цели, когда совершает эти низкие поступки.

128 (396). Две вещи объясняют человеку его природу: инстинкт и опыт.

129 (116). Ремесло. Мысли.

Все едино, все различно.

Как многообразна природа человеческая. Какое множество призваний. И по какой случайности человек обычно принимает то, про что говорят восхищением. Изящный каблучок.

130 (420). Если он превозносит себя, я его принижаю.

---

[34] Сноски: 34

Буквально: «склонность гнать прочь», инстинкт сторожевой собаки.

Если он принижает себя,
я его превозношу.
И всегда ему противоречу.
До тех пор, пока он не постигнет,
Что он есть непостижимое чудовище.

131 (434). Главные доводы пирронистов (второстепенных я не касаюсь) — что вне веры и откровения мы не можем быть уверены в истинности наших понятий, разве лишь в том, что говорит нам природное чувство. Но это природное чувство — отнюдь не убедительное доказательство истины: коль скоро нет твердого знания вне веры, то если человек создан либо всеблагим Богом, либо злым демоном, либо по воле случая, можно сомневаться, внушены ли нам понятия истинные, или ложные, или зыбкие, в зависимости от нашего происхождения.

К тому же, вне веры никто не может твердо знать, спит он или бодрствует, — ведь во сне мы совершенно уверены, что бодрствуем. И поскольку мы грезим часто, то и живем в грезе, громоздя один сон на другой. Не может ли быть так, что и эта половина жизни сама всего лишь сон, в который заключены другие сны и от которого мы пробуждаемся в смерти; во время этого сна

мы столь же мало имеем понятия о добре и зле, как и во время настоящего сна. Течение времени и жизни, и наши столь разные тела, и мысли, которые их волнуют, — быть может, всего лишь иллюзии, подобные течению времени и обманчивым призракам в наших грезах. Нам кажется, что мы видим пространства, очертания, движения, мы чувствуем, как течет время, отмериваем его, — одним словом, ведем себя так же, как наяву. И коль скоро половину жизни мы проводим во сне, по собственному нашему признанию или что бы мы об этом ни думали, у нас нет никакого понятия об истине, а все наши суждения, следовательно, — просто иллюзии. Кто знает, не есть ли эта другая половина жизни, которую мы считаем явью, всего лишь второй сон, не многим отличающийся от первого. (И кто задумывается, где же грезы, а где явь — от которой мы просыпаемся, когда полагаем, что спим, — и что если бы мы грезили вместе с другими и случайно грезы наши совпали — что довольно часто бывает, — а бодрствовали бы в одиночку, тот может считать, что все переставлено наоборот.)

Вот главные доводы с той и другой стороны — я не касаюсь второстепенных рассуждений пирронистов против важности обычаев, воспитания,

нравов разных стран и прочих подобных вещей, которые хотя и увлекают за собой большинство простых людей, чьи воззрения имеют под собой лишь такую непрочную основу, но разлетаются от малейшего вздоха пирронистов. Нужно только открыть их книги; если вы еще не до конца убеждены, вас убедят очень скоро и, быть может, чересчур.

Упомяну лишь один довод догматиков: что, говоря по чести и со всей искренностью, нельзя сомневаться во врожденных понятиях.

Против чего пирронисты выставляют, одним словом, неопределенность нашего происхождения, а следовательно, и нашей природы. На что догматики возражают с тех пор как стоит мир.

(Кто пожелает побольше узнать о пирронизме, пусть возьмет их книги. Они его убедят быстро и, может быть — чересчур.)

Вот и идет война между людьми, и в ней каждый должен стать на чью-то сторону и непременно присоединиться либо к догматизму, либо к пирронизму. А кто надеется остаться нейтральным, тот станет самым настоящим пирронистом. Такая нейтральность и есть суть их заговора. Кто не против них, тот полностью за них: в этом их преимущество. Они сами не за себя, они ней-

тральны, беспристрастны, сомневаются во всем без исключения.

Что же станет делать человек в таком состоянии духа? Будет ли сомневаться во всем? Сомневаться, бодрствует ли он, когда его щиплют, жгут; сомневаться в своем сомнении, в своем существовании?

Подобного состояния достигнуть нельзя, и я утверждаю, что поистине совершенного пиррониста никогда не было. Природа поддерживает обессилевший разум и не дает ему до такой степени сбиться с пути.

И напротив, может ли он сказать наверное, что обладает истиной, он, который при первой же атаке не сумеет привести никаких доказательств и будет принужден отступить?

Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор Вселенной.

Кто распутает этот клубок? (Конечно, это выше догматизма и пирронизма и всей человеческой философии. Человек выше человека. Согласимся же с пирронистами в том, о чем они столько кри-

чат: истина нам недоступна, это не наша добыча, она не на земле живет, а обитает на небе, пребывает в лоне Господнем, и познать ее можно в той мере, в какой Ему угодно ее открыть. Узнаем же от истины несотворенной и воплощенной правду о нашей природе.

Если искать истину с помощью разума, неизбежно попадешь в одну из этих трех сект — нельзя быть пирронистом или академиком, не задушив природу, нельзя быть догматиком, не отказавшись от разума.)

Природа опровергает пирронистов (и академиков), разум опровергает догматиков. Что же с тобой станет, о человек, ищущий правду о своем уделе с помощью природного разума? Ты не сумеешь ни избежать какой-либо из этих трех сект, ни остаться в ней. Узнай же, гордый человек, что ты — парадокс для самого себя. Смирись, бессильный разум! Умолкни, бессмысленная природа, узнай, что человек бесконечно выше человека, и выслушай от своего владыки правду о своем уделе, тебе неведомую.

Слушай Господа.

(Не ясно ли, как день, что удел человеческий двойственен?) Ведь если бы человек вовсе не был греховен, он в невинности своей спокойно насла-

ждался бы истиной и блаженством. А если бы он был греховен во всем, у него не было бы и догадки ни об истине, ни о блаженстве. Но как бы мы ни были несчастны — если и есть толика величия в нашем уделе, она лишь усугубляет наши скорби, — у нас есть понятие о счастье, а достичь его мы не можем. Мы видим образ истины, но в руках у нас остается лишь обман. Мы не способны ни пребывать в полном неведении, ни знать наверное, и это знак того, что мы были на той ступени совершенства, с которой, к несчастью, пали.

(Признаем же двойственность удела человеческого.)

(Признаем же, что человек бесконечно выше человека и что он непостижим для самого себя без помощи веры. Кто же не видит, что без знания о двойственности природы человеческой мы были бы в безнадежном неведении об истинной нашей природе.)

И все-таки как странно, что самая далекая от нашего понимания тайна — наследование греха — и есть та вещь, без которой мы никак не можем понимать самих себя.

Без сомнения, нет ничего столь оскорбительного для нашего разума, как слова, что грех первого человека сделал виновными тех, кто так удален

от этого источника, что как будто никак не мог в том грехе соучаствовать. Такое продолжение кажется нам не просто невозможным. Оно представляется и крайне несправедливым, ибо что может более противоречить законам нашей жалкой справедливости, чем осуждение навечно ребенка, не имеющего воли к греху, к которому он как будто бы столь мало причастен и который был совершен за шесть тысяч лет до его рождения. Конечно, ничто нас не ранит так больно, как это учение. И однако без этой тайны, самой непостижимой из всех, мы остаемся непостижимы для самих себя. Запутанный узел нашей судьбы берет свои начала и концы в этой бездне. И потому человек более непостижен без знания этой тайны, чем эта тайна непостижна человеку.

(Посему кажется, что Господь, желая сделать сложность нашего бытия непонятной нам самим, запрятал этот узел так высоко, или, вернее сказать, так низко, что мы никак не можем до него добраться. Так что к истинному знанию о самих себе нас ведут не гордые усилия разума, но его бесхитростное смирение.)

(Эти положения, прочно покоящиеся на незыблемом основании религии, показывают нам, что есть две, равно непреходящие, истины веры.

Одна — что человек в первозданном состоянии или в состоянии благодати вознесен над всею природою, словно уподоблен Богу и сопричастен божескому естеству. Другая — что в состоянии испорченности и греха человек отпал от этого состояния и стал подобен животным. Два эти утверждения равно верны и непреложны.

Писание ясно нам это объясняет, говоря в несколько местах: deliciae meae cum filiis hominum[35] — effundam spiritum meum super omnem carnem[36] — dii estis[37]. И еще: omnis caro foenum[38], homo assimilatus est jumentis insipientibus et similis factus est illis[39], dixi in corde meo de filiis hominum[40].

Из чего явствует, что человек благодатью делается как бы подобен Богу и сопричастен

---

[35] Сноски: 35
Радость моя была *с* сынами человеческими (Притч. 8, 31).

[36] Сноски: 36
Излию от Духа Моего на всякую плоть (Иоил. 2, 28).

[37] Сноски: 37
Вы — боги (Пс. 81, 6).

[38] Сноски: 38
Всякая плоть — трава (Ис. 40, 6).

[39] Сноски: 39
Человек… уподобится животным, которые погибают (Пс. 48, 13).

[40] Сноски: 40
Сказал я в сердце своем о сынах человеческих [чтоб испытал их Бог, и

чтобы они видели, что они сами по себе — животные] (Екк. 3, 18).

божественному Его естеству, а без благодати становится подобен диким животным.)

VIII. Развлечение

132 (170). Развлечение. — Если бы человек был счастлив, блаженство его было бы тем полнее, чем меньше у него было бы развлечений, как у святых и Бога. Да; но разве наслаждаться развлечениями не значит быть счастливым?

— Нет; ведь развлечения приходят извне и от других; поэтому человек зависим во всем, тысяча случайностей могут его тревожить и приносить неизбежные огорчения.

133 (168). Развлечение.

Коль скоро люди не могут победить смерть, нищету, невежество, то чтобы стать счастливыми, они решили об этом не думать.

134 (169). Невзирая на все свои беды, он хочет быть счастливым и не может этого не хотеть.

Но как за это приняться. Для счастья ему надо бы стать бессмертным; поскольку этого он сделать не может, то счел за благо не давать себе думать о смерти.

135 (469). Я понимаю, что мог бы вовсе не быть,

ибо мое «я» — это моя мысль; и это мыслящее «я» могло бы вовсе не быть, если бы мою мать убили до того, как зародилась моя душа; следовательно, я не могу себя считать существом необходимым. Я также не вечен и не бесконечен. Но я вижу ясно, что в природе есть существо необходимое, вечное и бесконечное.

136 (139). Развлечение.

Когда я стал думать о разнообразных треволнениях, подстерегающих людей, о трудах и опасностях, которым они подвергаются при Дворе, на войне, где родится столько стычек, страстей, отчаянных и зачастую неудачных начинаний, и т. д., — я говорил нередко, что все человеческие несчастья имеют один корень: неумение спокойно оставаться у себя в комнате. Если бы человек достаточно состоятельный умел жить в свое удовольствие у себя в доме, он не двинулся бы с места ради морского путешествия или осады крепости; люди покупают армейские должности так дорого потому только, что им невыносимо оставаться в городе, и они ищут бесед и развлечений в играх лишь оттого, что не могут безмятежно сидеть дома. И т. д.

Но когда я взглянул на дело пристальнее и, обнаружив корень всех наших несчастий, пожелал

доискаться до их первопричины, то нашел одну очень важную — сам наш от природы горестный удел; мы слабы, смертны и так несчастны, что для нас нет утешения ни в чем, если мы задумаемся о нашем уделе всерьез.

В каком бы положении человек ни был, соберет ли он все сокровища, что могут нам принадлежать; получит ли он царский сан, высочайший в мире, — вообразите его, окруженного всеми желанными ему благами; но если он лишен развлечений и предоставлен догадкам и раздумьям о том, кто он есть, — это безмятежное блаженство не будет ему опорой, и он с неизбежностью придет к мыслям о том, что ему угрожает, о мятежах, которые могут случиться, наконец, о неминуемой смерти и болезнях; и вот, без того, что зовется развлечением, он несчастен, он несчастнее, чем последний из его подданных, если тот играет и развлекается.

(Итак, единственное благо людей состоит в развлечении от мыслей о своем уделе; это может быть какое-нибудь занятие, сбивающее мысли на другой путь, или какая-либо новая приятная страсть, их заполняющая, или игра, охота, увлекательное зрелище — одним словом, все, что зовется развлечением.)

Вот отчего людям так желанны игра и болтовня с женщинами, война, высокие чины. Не потому, что в них истинное счастье, и не потому, что кто-то думает, будто подлинное блаженство заключено в выигранных деньгах или затравленном зайце; подари их нам кто-нибудь, мы остались бы равнодушны. Нам нужны не мирная и праздная жизнь, позволяющая думать о нашем несчастливом уделе, и не опасности войны, и не тяготы службы; нам нужна суета, заглушающая эти мысли и развлекающая нас. Поэтому охота важнее, чем добыча.

Вот отчего люди так любят шум и движение. Вот отчего тюрьма — такое ужасное наказание, а наслаждение одиночеством — вещь непонятная. Величайшее блаженство королевского сана в том, что королей постоянно стараются развлекать и доставлять им всевозможные удовольствия. Король окружен людьми, занятыми только тем, как бы его развлечь и помешать ему думать о себе самом. Ибо какой бы он ни был великий король, стоит ему об этом задуматься — и он несчастен.

Вот и все, что люди смогли придумать, чтобы сделать себя счастливыми; и те, кто философствует по этому поводу и полагает, будто люди поступают совершенно неразумно, гоняясь це-

лый день за зайцем, которого не захотели бы купить, вовсе не понимают нашей природы. Этот заяц не спас бы нас от мыслей о смерти и несчастьях, нас подстерегающих, а охота спасает. И потому совет, который дали Пирру, — начать с того покоя, которого он собирался искать путем стольких трудов, — оказалось так трудно исполнить.

(Сказать человеку, чтобы он оставался в покое, — значит сказать ему, чтобы он жил счастливо. Это значит посоветовать ему А.

А. Чтобы его удел был совершенно счастливым и позволяющим размышлять о нем на досуге, не находя повода для огорчения. (– Это значит не понимать нашей природы.)

Поэтому люди, смутно угадывающие свой удел, ни от чего так не бегут, как от покоя, и готовы на все в поисках треволнений.

И бранят их не за то, за что надо: вина их не в том, что они ищут беспокойства. Если б они его искали только для развлечения! Но беда в том, что они его ищут так, словно бы обладание вещами, к которым они стремятся, могло их действительно сделать счастливыми; и тут уж правы те, кто обвиняет их в суетности. Но и обвинители, и обвиняемые не понимают истинной

природы человека). И когда их упрекают за то, что предмет их столь пылких желаний не может их осчастливить, если бы они отвечали так, как следует, хорошо подумавши, — что они в этом ищут всего лишь кипучих и неотвязных занятий, которые отвратили бы их от мыслей о себе, и что для этого-то они и выбирают для себя какой-нибудь притягательный предмет, чарующий их и властно к себе влекущий, — их противникам нечего было бы возразить… — Суетность, удовольствие указывать на нее другим. — Танец, надо думать, куда ставить ногу — но они не отвечают так, потому что не знают самих себя. Они не понимают, что им нужна охота, а не добыча. — Дворянин искренне верит, что охота — большое удовольствие, королевское удовольствие, но его доезжачий иного мнения. — Они воображают, что если бы получили эту должность, то потом уж наслаждались бы безмятежным покоем; они не понимают ненасытной природы своей алчности. Они искренне полагают, что ищут покоя, а на самом деле ищут только тревог.

Тайный инстинкт толкает их на поиски развлечений и занятий вовне оттого, что они уязвлены своими постоянными несчастьями. А другой тайный инстинкт, доставшийся от их первозданной

природы, рождает у них догадку, что истинное счастье только в покое, а не в треволнениях. Из этих двух противоборствующих инстинктов возникает у них смутный замысел, таящийся от них самих в глубинах их душ; он побуждает их стремиться к покою путем тревог и постоянно воображать, будто вожделенное удовлетворение наступит для них, если, преодолев какие-то предполагаемые трудности, они смогут тем самым распахнуть двери покою.

И так проходит вся жизнь; люди ищут покоя, борясь с препятствиями, а когда их преодолевают, покой становится для них невыносим из-за скуки, им порождаемой. Нужно вырываться из него и клянчить себе тревог.

Ибо иначе придется думать либо о настоящих несчастьях, либо о тех, что нам грозят. А если даже мы как будто в безопасности со всех сторон, скука собственной властью будет постоянно расползаться из глубины сердца, где прорастают ее природные корни, и отравлять наш разум своим ядом.

Б. Итак, человек столь несчастен, что тоскует даже без всяких причин для тоски, по самим свойствам его нрава. И он так суетен, что если у него есть тысяча важных причин для тоски,

любого пустяка вроде бильярда или прыгающего мячика довольно, чтобы его развлечь.

В. Но скажите, зачем ему все это? Чтобы назавтра похвалиться перед друзьями, что он сыграл лучше, чем другие. И вот одни потеют у себя в кабинете, чтобы доказать ученым, что они решили какую-нибудь алгебраическую задачу лучше, чем это кому-либо удавалось до сих пор, а множество других подвергаются страшным опасностям, чтобы потом похвастаться взятой ими крепостью — на мой взгляд, весьма глупо. Третьи, наконец, выбиваются из сил, чтобы проведать обо всем этом, и не для того, чтобы набраться мудрости, а только чтобы показать, что они об этом знают; они-то глупее всех в этой компании, поскольку обладают знаниями, тогда как про других еще можно думать, что они исправились бы, будь у них такие знания.

Вот этот человек живет, не скучая: он всякий день играет по малой. Давайте ему каждое утро ту сумму, которую он может выиграть днем, но потребуйте, чтобы он отказался от игры: вы сделаете его несчастным. Возможно, кто-то скажет, что он играет для забавы, а не для выигрыша. Тогда заставьте его играть не на деньги: он охладеет к игре и заскучает. Значит, он ищет не просто

забавы. Забава без риска и страсти нагонит на него скуку. Ему нужно горячительное, нужно возбуждать себя мыслью, будто он будет счастлив, выиграв сумму, которой не пожелал бы, если б ему ее предложили с условием отказаться от игры; ему нужно создать для себя предмет страсти и распалять свои желания, гнев, страх этим предметом, который он сам себе создал, как дети пугаются ими же размалеванной рожицы.

Вот почему человек, который несколько месяцев назад потерял единственного сына и, обремененный судебными процессами и тяжбами, сегодня утром был так озабочен, сейчас об этом и не вспоминает. Не удивляйтесь — он весь поглощен тем, где пробежит кабан, которого его собаки вот уже десять часов так резво преследуют. Больше ничего и не нужно. В каком бы ни был человек горе, если удастся втянуть его в какое-нибудь развлечение, — вот он и счастлив на это время. И как бы ни был человек счастлив, если он не занят и не развлечен какой-нибудь страстью или забавой, которые не дают скуке им завладеть, — он быстро станет грустен и несчастлив. Без развлечений нет радости; с развлечением нет печали. Из этого и состоит человеческое счастье.

Д. …их высокого положения, что у них есть

множество людей, которые их развлекают, и что в их власти сохранять такое состояние.

Посмотрите, что же значит быть канцлером, суперинтендантом, председателем парламента, как не сохранять такое положение, при котором каждое утро множество людей являются к ним отовсюду, чтобы не оставить им в продолжение всего дня ни часу, когда они могли бы подумать о самих себе. А если они впадают в немилость и их ссылают в сельские поместья, где у них нет недостатка ни в деньгах, ни в челяди, исполняющей все их приказания, — они неизменно чувствуют себя несчастными и покинутыми, ибо никто не мешает им думать о самих себе.

137 (142). Развлечение.

Разве королевское достоинство — недостаточно великая вещь само по себе, чтобы тот, кто им облечен, не чувствовал себя счастливым от одной мысли о том, кто он такой; неужели нужно отвлекать его от этой мысли, как обыкновенных людей? Я вижу, что отвлечь человека от мыслей о его домашних невзгодах и наполнить его ум заботой об умении танцевать — значит сделать его счастливым; но так ли это и с королем, и станет ли он счастливее, предаваясь забавам, чем погружаясь в мысли о своем величии? Какой

более приятный предмет можно предложить его уму? Не испортим ли мы его радость, занимая его душу мыслями о том, как согласовать свои шаги с ритмом мелодии или как половчее кинуть мячик, вместо того чтобы дать ему наслаждаться на досуге созерцанием своей величественной славы? Проверьте; оставьте короля в одиночестве, без всякого удовольствия для чувств, без всякой заботы для ума, без общества и без развлечений, чтобы он размышлял о самом себе сколько душе его угодно, и вы увидите, что король без развлечений — несчастнейший из людей. Этого стараются избежать, и вокруг королевских особ всегда находится множество людей, следящих за тем, чтобы дела у них сменялись развлечениями, и стерегущих всякую минуту их досуга, чтобы заполнить ее игрой и удовольствиями и не оставить места пустоте. Иначе говоря, они окружены людьми, у которых одна чудесная забота: смотреть, как бы король не остался в одиночестве и не мог бы задуматься о себе; ведь они отлично знают, что если он начнет об этом думать, то станет несчастен, какой бы он ни был великий король.

Это все я говорю о христианских государях не как о христианах, но только как о государях.

138 (166). Развлечение.

Легче перенести смерть без мыслей о ней, чем мысль о смерти без всякой ее угрозы.

139 (143). Развлечение.

Людей с самого детства обязывают заботиться о своей чести, о своем достатке, о своих друзьях, а также о достатке и чести друзей, их изнуряют всякими делами, изучением языков, упражнениями; им внушают, что они не будут счастливы, если их здоровье, честь, имение, а также здоровье, честь, имение их друзей не будут в хорошем состоянии, и что отсутствие хотя бы одного из этих благ принесет им несчастье. Так их нагружают обязанностями и заботами, заставляя суетиться с рассвета. Странный способ делать людей счастливыми, скажете вы; что можно придумать лучше этого, чтобы сделать их несчастными? Как что: надо только отнять у них все эти заботы, и тогда они взглянут на себя, задумаются, кто же они такие, откуда они пришли, куда идут; им нельзя дать слишком много занятий и развлечений. Вот почему их так неустанно готовят к делам, а если выпадет им несколько свободных минут, советуют употребить их на забавы, игры и постоянно чем-то себя занимать.

Сколько пустоты и мерзости в сердце человеческом.

IX. Философы

140 (466). Если бы Эпиктет ясно видел путь, он сказал бы людям: вы идете по ложному пути. Он доказывает, что есть другой, но не ведет по нему. Этот путь — хотеть того, чего хочет Бог. Только И. Х. по нему ведет. Via veritas[41].

Пороки даже у Зенона.

141 (509). Философы.

Напрасно кричать человеку, не познавшему себя, чтобы он сам находил путь к Богу. И напрасно говорить это человеку, себя познавшему.

142 (463). (Против философов, у которых есть Бог, но нет И. Х.) Философы.

Они полагают, что один только Бог достоин любви и восхищения, — и хотят любви и восхищения от людей для себя, и не видят своей испорченности. Если они чувствуют, что исполнены желания любить Его и поклоняться Ему, если в этом они находят свою величайшую радость, если считают себя добрыми людьми, — прекрасно! Но если они себе противны, если у них

---

[41] Сноски: 41
[Я есмь] путь и истина [и жизнь] (Ин. 14, 6).

нет иных стремлений, кроме желания утвердить себя в мнении людей, и если все их совершенство в том, что они ненасильственно побуждают людей видеть свое счастье в любви к ним, — я скажу, что такое совершенство ужасно. Подумайте, они знают Бога и не желают лишь того, чтобы люди любили Его, а хотят, чтобы люди остановились на них. Они хотят быть предметом человеческого стремления к счастью.

143 (464). Философы.

В нас много такого, что тянет нас вовне.

Инстинкт нам подсказывает, что счастья нужно искать вне нас самих. Страсти влекут нас вовне, даже если не представляется предметов, их возбуждающих. Внешние предметы сами нас искушают и зовут, даже когда мы о них не думаем. Поэтому напрасно твердят нам философы: замкнитесь в самих себе, там ваше благо; им не верят, а те, кто им верит, самые пустые и глупые из всех.

144 (360). То, что предлагают стоики, так трудно и так тщетно.

Стоики говорят: все те, кто не достиг высочайшей степени мудрости, равно безумны и порочны, как те, кто на два пальца под водой.

145 (461). Из трех похотей возникли три секты, и философы только то и делают, что поддаются одной из трех похотей.

146 (350). Стоики.

Они полагают, что возможное изредка возможно всегда и что поскольку желание славы позволяет одержимым чего-то добиться, то и другие это могут.

Это лихорадочные порывы, которых здоровье не может воспроизвести.

Из того, что есть стойкие христиане, Эпиктет заключает, что каждый может быть стойким.

X. Высшее благо

147 (361). Высшее Благо. Споры о Высшем Благе.

Ut sis contentus temetipso et ex te nascentibus bonis[42].

Тут противоречие, ибо они советуют самоубийство.

О! Что же это за счастливая жизнь, если от нее бегут как от чумы!

---

[42] Сноски: 42

Чтобы ты довольствовался самим собой и теми благами, которые от тебя исходят (Сенека. Письма, XX, 8).

148 (425). Вторая часть.

Что человек без веры не может познать ни истинного блага, ни праведности.

Все люди ищут счастья. Исключений тут нет, какими бы разными средствами они ни пользовались. Все стремятся к этой цели. Одни идут на войну, а другие нет, но за этим все то же единственное желание, только по-разному понимаемое. Воля никогда не предпринимает ничего, что имело бы другой предмет. Вот что движет всеми поступками всех людей, даже тех, кто собрался вешаться.

И однако за такое множество лет никогда ни один человек без веры не достигал той точки, к которой все неизменно стремятся. Все стенают — государи, подданные, вельможи, простолюдины, старики, юноши, сильные, слабые, ученые, невежды, здоровые, больные, во всех краях, во все времена, всех возрастов, всех сословий.

Столь длительный, беспрерывный и единообразный опыт должен бы нас убедить в невозможности достичь блага нашими собственными усилиями. Но пример мало чему нас научает. Он никогда не бывает так совершенно схож с нашим случаем, чтобы не было между ними какого-нибудь тончайшего различия, и это позволяет нам

надеяться, что наши ожидания не будут обмануты, как это было с другими; и вот, настоящее нас никогда не удовлетворяет, опыт нас обманывает и ведет нас от несчастья к несчастью до самой смерти, их пределу в вечности.

О чем же кричат нам эта жажда и это бессилие, как не о том, что было у человека некогда истинное счастье, от которого ныне ему остался лишь знак и призрачный след, и он тщетно пытается наполнить эту пустоту всем, что его окружает, а не найдя опоры в том, что имеет, ищет ее в том, чего у него нет; но ничто не может ее дать, ибо эту бездонную пропасть способен заполнить лишь предмет бесконечный и неизменный, то есть сам Бог.

Он один есть истинное благо. И странная вещь — с тех пор, как человек его утратил, не нашлось ничего в природе, что могло бы его возместить, — светила, небо, земля, стихии, растения, капуста, порей, животные, насекомые, телята, змеи, лихорадка, чума, война, голод, пороки, прелюбодеяние, кровосмешение. И точно так же с тех пор, как он потерял истинное благо, все может казаться ему таковым, даже собственная гибель, как бы ни было это противно Богу, разуму и природе одновременно.

Одни его ищут во власти, другие — в любознательности и науках, третьи — в сладострастии.

А те, кто ближе других к нему подошел, полагают, что это всеобъемлющее благо, желанное всем людям, никак не может состоять ни в одной из тех отдельных вещей, что могут принадлежать лишь одному человеку, а будучи разделены между многими, приносят их обладателям больше огорчения отсутствием той части, которой они не владеют, чем радости от той, что им принадлежит. Они поняли, что истинное благо должно быть таково, чтобы им могли обладать все сразу, без обделения и зависти, и чтобы никто не мог утратить его против своей воли; их суждение основано на том, что это желание естественно для человека, поскольку оно непременно присуще всем, и человек не может его не иметь; из чего они заключают…

XI. Д. П.-Р.

149 (430). Д. П.-Р. начало, после объяснения непостижимости.

Величие и ничтожество человека столь очевидны, что истинная религия непременно должна нас учить тому, что есть в человеке некое великое

основание для величия и великое основание для ничтожества.

Она должна также объяснить нам эти поразительные противоречия.

Чтобы сделать человека счастливым, она должна показать ему, что есть Бог, что мы обязаны Его любить, что в Нем наше подлинное блаженство, а единственное зло для нас — в разлучении с Ним; она должна утверждать, что ум наш объят тьмой, мешающей нам Его знать и любить, что долг велит нам любить Бога, а похоть тому препятствует, и потому мы исполнены порока. Она должна объяснить нам, почему мы противимся Богу и собственному благу. Она должна указать нам лекарства от этих недугов и средство добывать эти лекарства. Исследуем на этот предмет все религии на свете и посмотрим, есть ли среди них хоть одна, кроме христианской, которая это исполняет.

Будут ли это философы, признающие лишь то благо, что заключено в нас самих? Нашли ли они лекарство от наших болезней? Можно ли излечить человека от гордыни, посчитав его равным Богу? Те, кто уравнял нас с животными, и магометане, предлагающие нам земные наслаждения как единственное благо даже в вечности, — дали

они нам лекарство от похоти?

Какая же религия научит нас излечивать гордыню и похоть? Какая религия, наконец, объяснит нам, в чем наше благо, наш долг, слабости, сбивающие нас с пути, причина этих слабостей, лекарства для избавления от них и способ добывать эти лекарства? Все другие религии не смогли этого сделать. Посмотрим, что делает премудрость Божия.

О люди, — говорит она, — не ждите ни истины, ни утешения от людей. Я — та, что создала вас, и я одна могу открыть вам вашу природу.

Но теперь вы уже не таковы, какими я вас создала. Я сотворила человека святым, невинным, совершенным, наполнила его душу знанием и разумением, причастила его моей славе и чудесам. Око человеческое зрело тогда величие Божие. Тьма не слепила его, и горести его не удручали.

Но он не смог вынести такой славы, не впавши в гордыню. Он захотел сделаться средоточием для самого себя и не зависеть от моей помощи. Он отверг мое владычество и пожелал стать равным мне, ища свое блаженство в себе самом; я предоставила его самому себе, и отвратила от него тварей, прежде ему покорных, и сделала их врагами ему, так что теперь человек стал подобен

животным и так удален от меня, что в нем едва брезжит догадка о своем Создателе, ибо все его познания стерты либо искажены. Чувства, не слушающие разума, а порой над разумом властвующие, влекут его на поиски наслаждений. Все твари земные его либо удручают, либо соблазняют, и господствуют над ним, либо покоряя его своей силе, либо чаруя своей прелестью, что есть владычество еще более жестокое и неправедное.

Вот в каком состоянии люди ныне. У них остается некое слабое, смутное воспоминание о блаженстве их первой природы, но они погружены в муки слепоты и похоти, ставшие их второй природой.

Из того, что я открыла вам, вы можете понять причину стольких противоречий, поражавших всех людей и вызывавших столь различные суждения. А теперь взгляните на все проявления величия и славы, которых не смогло истребить испытание столькими несчастьями, и подумайте, не должна ли быть причина тому в другой природе.

Д. П.-Р. На завтра. Прозопопея[43].

О люди, тщетно ищете вы в самих себе лекар-

[43] Сноски: 43

Прозопопея — литературный прием, состоящий в том, чтобы приписывать слова и чувства неодушевленным предметам, мертвецам и т. д.

ства от ваших бед. Все ваши знания годны лишь на то, чтобы вы поняли: не в вас самих вы найдете истину и благо.

Философы вам это обещали и не смогли исполнить.

Они не знают ни истинного вашего блага, ни (истинной вашей природы).

Как же могли они дать лекарства от болезней, которых даже не знают? Главные ваши болезни — это гордыня, отрывающая вас от Бога, и похоть, привязывающая вас к земле; а они только то и делали, что разжигали одну из этих болезней. Если они представляли Бога предметом ваших стремлений, то для того лишь, чтобы вы поупражнялись в гордыне; они побуждали вас думать, что вы по природе своей Ему подобны и с Ним сообразны. А те, кто видел тщету таких притязаний, ввергали вас в другую бездну, объясняя, что вы по природе подобны животным, и подталкивая вас искать своего блага в похоти, что есть удел животных.

Это не средство излечить вас от пороков, которых эти мудрецы и не познали. Я одна могу объяснить вам вас самих, это…

(Я не требую от вас слепой веры.)

Адам, И. Х.

Соединить с Богом вас может благодать, а не природа.

Привести вас к смирению может покаяние, а не природа.

Итак, эта двойная способность.

Вы уже не в первозданном состоянии.

Теперь, когда эти два состояния вам открыты, вы не можете их не признать.

Последите за вашими поступками. Понаблюдайте над собой, и посмотрим, обнаружите ли вы явные признаки этих двух природ.

Может ли быть столько противоречий в простом существе?

Непостижимое.

Все, что непостижимо, от этого не перестает существовать. Бесконечное число, бесконечное пространство, равное конечному.

Невероятно, что Бог соединяется с нами.

Это заключение выводится единственно из сознания нашей низости; но если вы его делаете искренне, доведите его до конца вместе со мной и согласитесь, что мы и вправду так ничтожны, что не способны сами судить, может ли Его милосер-

дие сделать нас достойными Его. Хотел бы я знать, почему эта тварь, сознающая себя столь жалкой, присваивает себе право измерять милосердие Божие и класть ему пределы сообразно своему воображению. Человек так же плохо знает Бога, как и самого себя. И вот, смущенный мыслью о собственном состоянии, он смеет говорить, что Бог не может дать ему способность общаться с Ним. Но я хотел бы его спросить, требует ли Бог от него чего-то иного, кроме того, чтобы человек любил и знал Его; и почему он думает, что Бог не может сделать Себя предметом его любви и познания, коль скоро он от природы способен к любви и знанию. Без сомнения, человек знает хотя бы то, что он есть и что он что-то любит. Итак, если он что-то видит в том мраке, которым окружен, и если он находит какой-то предмет для любви среди земных вещей, почему, если Бог явит ему какую-то искорку своего естества, он окажется не способен познать и полюбить Его, так, как будет Ему угодно сообщаться с нами? Конечно, в таких рассуждениях — несносная гордыня, хотя с виду они как будто основаны на смирении; но смирение это и неискренне, и неразумно, коль скоро не побуждает нас признать, что нам самим природа наша неведома, и открыть ее нам может

один лишь Бог.

Я не хочу, чтобы вы доверялись Мне без размышлений, и не намереваюсь подчинять вас Себе тиранически. Я не намереваюсь также давать вам объяснения всех вещей. А чтобы примирить эти противоречия, Я хочу открыть вам глаза посредством неоспоримых доказательств Моей божественности, которые убедят вас в том, кто Я есмь, и подтвердить могущество Свое чудесами и доказательствами, которых вы не сможете опровергнуть; а затем вы поверите в то, о чем Я говорю вам, когда у вас не будет другого довода для возражений, кроме того, что вы не можете сами судить, существует это или нет.

Бог пожелал искупить людей и открыть путь спасения тем, кто стал бы его искать, но люди оказались недостойны этого, и потому справедливо, что Бог отказывает иным жестоковыйным в том, что Он дарит другим по милосердию Своему, коего они вовсе не заслужили.

Если бы Он пожелал смягчить упорство самых жестоковыйных, Он мог бы это сделать, явив Себя им столь открыто, что они не могли бы сомневаться более в истинном Его естестве, как оно будет явлено в Судный день в таком блеске молний и преображении природы, что мертвые

воскреснут и последние слепцы Его узрят. Не так пожелал Он являться в милости Своей, ибо столько людей оказались ее недостойны, что Он рассудил лишить их того блага, которого они не желают иметь. Посему было бы несправедливо, чтобы Его божественная сущность явилась совершенно открыто и неоспоримо убедительно для всех людей; но было бы несправедливо также, чтобы Он являлся столь сокровенно, чтобы и те, кто искренне ищут Его, не могли бы Его узнать. Он пожелал, чтобы такие люди Его несомненно узнавали; и так Он установил меру, являясь открыто тем, кто ищет Его всем сердцем, и оставаясь сокровенным для тех, кто всем сердцем от Него бежит.

Д. П.-Р. На завтра…

…Отмерил познание Себя, давая видимые свидетельства о Себе тем, кто Его ищет, но не тем, кто не ищет Его.

Он дал достаточно света тем, кто жаждет видеть, и достаточно мрака тем, у кого желания противоположные.

XII. Начало

150 (226). Нечестивцы, заявляющие, что во всем следуют разуму, должны быть на удивление разумны.

Что же они говорят?

Разве мы не видим, говорят они, что животные умирают и живут, как люди, и турки, как христиане; у них свои обряды, свои пророки, свои ученые, святые, монахи, как и у нас, и т. д.

Но противоречит ли это Писанию? Не сказано ли там обо всем этом?

Если вы вовсе не заботитесь узнать Истину, можете успокоиться на этом. Но если вы всем сердцем стремитесь ее узнать, то надо все это рассмотреть поподробней. Этого было бы достаточно для философской проблемы, но там, где речь идет обо всем… И однако, после столь недолгих размышлений они забавляются, и т. д.

Но справьтесь у этой религии, даже если она не даст оправдания такой загадке, быть может, она ее объяснит.

151 (211). Как странно, что мы ищем утешения в обществе нам подобных, несчастных, как и мы,

бессильных, как и мы; они нам не помогут: мы будем умирать в одиночку.

Значит, нужно поступать, как если бы мы были одни. Тогда стали бы мы возводить роскошные дворцы и т. д.; мы бы решительно искали истину. А кто от этого отказывается, тот свидетельствует, что людские почести ему важнее поисков истины.

152 (213). Между нами и адом или небом — только жизнь, самая хрупкая вещь на свете.

153 (238). Так что же вы мне обещаете? Срок — десять лет, десять лет самолюбия, безуспешных стараний нравиться, не говоря о непременных тяготах?

154 (237). Выбор.

Можно по-разному жить в мире, в зависимости от того, какое предположение принять.

1. (Если известно наверное, что мы будем здесь всегда.) Если мы сможем быть здесь всегда.

(2. Если неизвестно, будем мы всегда или нет.)

(3. Если известно наверное, что мы не будем здесь всегда — но известно, что мы будем здесь долго.)

(4. Если известно наверное, что мы не будем здесь всегда, и неизвестно — будем ли мы — дол-

го — ложно.)

5. Если известно наверное, что мы не будем здесь долго, и неизвестно, пробудем ли еще час.

Мы принимаем это последнее предположение.

155 (281). Сердце
Инстинкт
Основания

156 (190). Жалеть атеистов, которые ищут, ведь они достаточно несчастны. Бичевать тех, которые этим хвалятся.

157 (225). Атеизм свидетельствует о силе ума, но лишь до известной степени.

158 (236). Чтобы сделать выбор, вы должны дать себе труд искать истину; ведь если вы умрете, не поклоняясь настоящей истине, вы погибли. Но, говорите вы, если бы Он хотел, чтобы я Ему поклонялся, Он дал бы мне знаки Своей воли. Он так и сделал, но вы ими пренебрегли. Ищите же их, это стоит того.

159 (204). Если стоит отдать неделю жизни, стоит отдать и сто лет ее.

160 (257). Люди бывают только трех родов: одни нашли Бога и служат Ему, другие не нашли Его и стараются Его отыскать, а третьи живут, не

найдя Его и не ища. Первые разумны и счастливы, последние неразумны и несчастны. А те, кто посередине, несчастны и разумны.

161 (221). Атеисты должны говорить вещи совершенно очевидные. А то, что душа материальна, вовсе не очевидно.

162 (189). Начать с жалости к неверующим, они и так несчастны из-за своего поведения.

Бранить их стоило бы только в том случае, если б это шло им на пользу; но им это вредит.

163 (200). Узник в темнице не знает, вынесен ли ему приговор; у него есть только час на то, чтобы это узнать; но если он узнает, что приговор вынесен, этого часа достаточно, чтобы добиться его отмены. Было бы противоестественно, если бы он употребил этот час не на выяснение того, вынесен ли приговор, а на игру в пикет.

И так же противоестественно, что человек, и т. д. Это утяжеляет десницу Господню.

Не только рвение тех, кто ищет Бога, доказывает Его существование, но и ослепление тех, кто Его не ищет.

164 (218). Начало. Темница.

По мне, хорошо бы не разрабатывать дальше

идеи Коперника. Но только –

Вся жизнь зависит от того, смертна или бессмертна душа.

165 (210). Последний акт кровав, как бы ни была весела вся остальная пьеса. Потом бросают горсть земли на голову — и дело с концом.

166 (183). Мы беззаботно мчимся к пропасти, держа перед собой какой-нибудь экран, чтобы ее не видеть.

XIII. Покорность и сила разума

167 (269). Покорность и сила разума: в этом и состоит истинное христианство.

168 (224). Как я ненавижу эти глупости — не верить в Евхаристию и т. д.

Если Евангелие говорит правду, если И. Х. — Бог, какие тут могут быть затруднения.

169 (812). Не будь чудес, я не стал бы христианином, говорит святой Августин.

170 (268). Покорность.

Нужно уметь сомневаться, где следует, быть уверенным, где следует, а где следует — поко-

ряться. Кто ведет себя иначе, тот не понимает силы разума. Есть такие, кто грешит против этих трех правил: либо всё считают доказанным, не зная пределов возможного в доказательствах, либо сомневаются во всем, не зная, где следует покориться, либо покоряются во всем, не зная, где следует судить самому.

Пирронист, геометр, христианин: сомнение, уверенность, покорность.

171 (696). Susceperunt verbum cum omni aviditate scrutantes scripturas si ita se haberent[44].

172 (185). Бог, правящий всем на свете милостиво, вдыхает веру в умы посредством рассуждений, а в сердца посредством благодати; но желание вдохнуть веру в умы и сердца посредством насилия и угроз означает внушить не веру, а страх. Terrorum potius quam religionem[45].

173 (273). Если все подчинять разуму, в нашей религии не останется ничего таинственного и сверхъестественного.

Если пренебрегать доводами разума, наша ре-

---

[44] Сноски: 44

Они приняли слово со всем усердием, ежедневно разбирая Писания, точно ли это так (Деян. 17, 11).

[45] Сноски: 45

Скорее страх, чем веру.

лигия будет нелепа и смехотворна.

174 (270). Святой Августин. Разум никогда бы не покорился, если бы не рассудил, что бывают обстоятельства, когда он должен покоряться.

Следовательно, справедливо, чтобы он покорялся, когда сочтет должным.

175 (563). Грешники будут посрамлены еще и тем, что увидят; их осуждает собственный разум, хвалившийся, что осуждал христианскую религию.

176 (261). Для тех, кто не любит истины, оправданием служат распри и большое число тех, кто ее отрицает; итак, причина их заблуждений лишь нелюбовь к истине и милосердию. И потому извинить их нельзя.

177 (384). По возражениям нельзя судить об истине.

Многие верные мысли встречали возражения.

Многие ложные их не встречали.

Возражения не доказывают ложности мысли, равно как и их отсутствие не доказывает ее истинности.

178 (747). О двух родах людей смотрите под заголовком «Беспрерывность».

179 (256). Настоящих христиан немного. Я подразумеваю даже веру. Многие верят из суеверия. Многие не верят из распутства; немногие остаются посередине.

Я не включаю сюда тех, чьи нравы поистине благочестивы, и всех тех, кто верит по сердечному убеждению.

180 (838). И. Х. совершал чудеса, а затем и апостолы. И первые святые совершали их множество, потому что пророчества еще не исполнились; а чтобы они исполнились через них, не было иных свидетельств, кроме чудес. Было предсказано, что Мессия обратит народы в истинную веру. Как исполнилось бы это пророчество без обращения народов и как народы обратились бы к Мессии, не видя этих последних знаков пророчеств, доказывающих Его пришествие? Ведь до того, как Он умер, воскрес и обратил народы, не все было исполнено, и потому во все это время чудеса были нужны. Теперь они больше не нужны в споре с евреями, ибо исполнившиеся пророчества суть поныне длящееся чудо.

181 (255). Благочестие отличается от суеверия.

Доводить благочестие до суеверия означает разрушать его.

Еретики ставят нам в вину такую суеверную покорность; это и значит делать то, в чем нас обвиняют.

Нечестиво не верить в Евхаристию, потому что ее нельзя увидеть.

Суеверная вера в то, и т. д.

Вера, и т. д.

182 (272). Ничто так не согласуется с разумом, как это отречение разума.

183 (253). Две крайности.
Исключить разум, допускать только разум.

184 (811). В неверии в И. Х. не было бы греха, если бы не чудеса.
Vidéte an mentiar[46].

185 (265). Вера говорит многое такое, чего чувства не говорят, но ничего противного тому, что они воспринимают; вера выше их, а не против них.

186 (947). Вы злоупотребляете доверием простолюдинов к Церкви и обманываете их.

---

[46] Сноски: 46
Взгляните на меня; буду ли я говорить ложь [пред лицем вашим] (Иов. 6, 28).

187 (254). Не так уж редко приходится упрекать людей в излишнем легковерии.

Это такой же порок, как недоверчивость, и столь же опасный.

Суеверие.

188 (267). Высшее проявление разума — признать, что есть бесконечное множество вещей, его превосходящих. Без такого признания он просто слаб.

Если естественные вещи его превосходят, что сказать о вещах сверхъестественных?

XIV. Преимущество

189 (547). Бог через И. Х.

Мы познаем Бога только через И. Х. Без этого посредника мы лишаемся всякого общения с Богом. Через И. Х. мы познаем Бога. Все те, кто пытался познать Бога и доказать Его существование без И. Х., представили неубедительные доказательства. Но чтобы доказать божественность И. Х., у нас есть пророчества, — а это доказательства основательные и наглядные. Пророчества исполнились и подтвердили свою истинность ходом событий и тем доказали достоверность этих истин, а сле-

довательно, и божественности И. Х. В Нем и через Него мы познаем Бога. Вне этого и без Писания, без первородного греха, без необходимого, обещанного и явившегося посредника, нельзя ни доказать неопровержимо существование Бога, ни наставлять в благом учении и благой морали. Но через И. Х. и в И. Х. мы познаем Бога и можем наставлять в морали и учении. Итак, И. Х. — истинный Бог наш.

Но мы познаем одновременно и наше ничтожество, ибо этот Бог есть не кто иной, как исцелитель наших болезней. Поэтому мы можем по-настоящему познать Бога лишь через познание наших грехов.

А те, кто познает Бога, не познавая своего ничтожества, славят не Бога, не самих себя.

Quia non cognovit per sapientiam, placuit deo per stultitiam predicationis salvos facere[47].

190 (543). Предисловие. Метафизические доказательства существования Бога столь удалены от человеческого разумения и столь запутанны, что мало проникают в душу, и если кому-либо и полезны, то лишь на тот миг, пока это доказа-

[47] Сноски: 47

Ибо, когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих (1 Кор. 1, 21).

тельство у них перед глазами; а час спустя они уже боятся, не ошиблись ли в нем.

Quod curiositate cognoverunt, superbia amiserunt[48].

Вот это проистекает из познания Бога без И. Х., то есть из общения без посредника с Богом, которого познали без посредника.

Тогда как те, кто познал Бога через посредника, знают о своем ничтожестве.

191 (549). Не только невозможно, но и бесполезно познавать Бога без И. Х. Они не удалились, но приблизились; они не умалились, но… Quo quisque optimus eo pessimus si hoc ipsum quod sit optimus ascribat sibi[49].

192 (527). Познание Бога без познания своего ничтожества приводит к гордыне.

Познание своего ничтожества без познания Бога приводит к отчаянию.

Познание И. Х. посредничает между ними, ибо в нем мы находим и Бога, и свое ничтожество.

---

[48] Сноски: 48

Что приобрели любознательностью, то потеряли через гордыню (Бл. Августин. Проповедь 141).

[49] Сноски: 49

Чем ты лучше, тем станешь хуже, если припишешь самому себе то, что есть в тебе доброго. — Слова святого Бернарда.

XV. Переход

193 (98). Предубеждение сбивает с пути.

Как огорчительно, что люди помышляют только о средствах, а не о цели. Каждый думает, как быть достойным своего сословия, но выбирает для нас сословие и родину жребий.

Как жаль, что столько турок, еретиков, неверующих держатся образа мыслей своих отцов единственно потому, что каждому внушали предубеждение, будто такой образ мыслей — наилучший; и точно так же определяется для каждого его ремесло жестянщика, солдата и т. д.

Вот почему дикарям нечего делать в Провансе.

194 (208). Почему положен такой предел моим познаниям, моему росту, сроку моей жизни — 100 лет, а не 1000? Какие были у природы причины назначить мне именно такой предел и выбрать эту, а не другую точку в бесконечности, если у выбора нет оснований и ни одна точка не предпочтительнее другой?

195 (37). (Обо всем понемногу.) Поскольку нельзя достичь универсальности, познав все, что

можно знать обо всем, нужно знать обо всем понемногу; лучше знать что-то обо всем, чем знать все о чем-то. Подобная универсальность лучше всего. Если бы можно было обладать обеими, было бы еще лучше; но коль скоро нужно выбирать, следует выбрать такую. Свет это знает и так и делает, ведь свет зачастую судит верно.

196 (86). (Мое воображение заставляет меня ненавидеть жабу и того, кто чавкает во время еды. Воображение — большая сила. Что же из этого следует? Что мы подчинимся этой силе, поскольку она естественна? Нет, что мы будем ей сопротивляться.)

197 (163). (Нет лучшего доказательства суетности людской, чем причины и следствия любви, — ведь от них меняется Вселенная. Нос Клеопатры.)

198 (693). 4. 5. Когда я вижу слепоту и ничтожество человеческие, когда смотрю на немую Вселенную и на человека, покинутого во мраке на самого себя и словно заблудившегося в этом уголке Вселенной, не зная, кто его сюда поместил, зачем он сюда пришел, что с ним станет после смерти, и неспособного все это узнать, — я пугаюсь, как тот, кого спящим привезли на пу-

стынный, ужасный остров и кто просыпается там в растерянности и без средства оттуда выбраться. И потому меня поражает, как это люди не впадают в отчаяние от такого несчастного удела. Я вижу вокруг других людей с той же участью. Я спрашиваю их, не осведомлены ли они лучше, чем я. Они мне отвечают, что нет; и тут же эти несчастные безумцы, оглянувшись вокруг и заметив что-нибудь тешащее воображение, предаются этому предмету душой и привязываются к нему. Что до меня — я не мог предаваться таким вещам; и рассудив, насколько более вероятно, что существует нечто и кроме того, что я вижу вокруг, я стал искать, не оставил ли Бог какого-либо свидетельства о Себе.

Передо мною множество религий, спорящих друг с другом, но одинаково ложных, кроме одной. Каждая желает, чтобы ей верили ради ее могущества, и угрожает неверным. На таких основаниях я им не верю. Это может говорить каждый. Каждый может объявить себя пророком; но я вижу христианство и его исполнение пророчества, что не каждый может сделать.

199 (72). 4. Несоразмерность человека.

9. — (Вот куда нас ведут познания, данные природными нашими способностями.

Если они не истинны, значит, нет вовсе истины в человеке, а если истинны, человек находит в них важные основания смирять гордыню и принужден уничижаться тем или иным способом.

А поскольку он не может существовать без веры в их истинность, я желал бы, чтобы прежде чем пускаться в более глубокие изыскания о природе, он задумался бы о ней однажды серьезно и не торопясь, а также взглянул бы на самого себя — и тогда судил бы, соразмерен ли он с ней, сравнивши эти два предмета.)

Итак, пусть человек объемлет взором всю природу в ее высоком и совершенном величии, пусть он отведет взгляд от низких предметов, его окружающих. Пусть посмотрит на это ослепительное сияние, зажженное, словно негаснущий светильник, чтобы озарять Вселенную; пусть земля представится ему крохотной точкой рядом с тем огромным кругом, который описывает это светило, и пусть он подивится тому, что сам этот огромный круг есть лишь малая точка в сравнении с тем, что замыкают светила, катящиеся по небосводу. Но если наш взгляд здесь остановится, пусть наше воображение идет дальше, оно скорее устанет работать, чем природа — поставлять ему пищу. Весь видимый мир есть лишь незаметная

морщинка на обширном лоне природы. Никакие понятия не могут к ней приблизиться; напрасно мы тужимся послать наши представления за пределы воображаемых пространств, мы порождаем лишь атомы в сравнении с действительностью вещей. Это бесконечная сфера, центр которой везде, окружность — нигде. Самое важное из наглядных проявлений всемогущества Божия в том и состоит, что наше воображение теряется при этой мысли.

А теперь, обратившись к себе, пусть человек подумает, что он есть рядом с сущим, пусть взглянет на себя в растерянности и пусть из этой маленькой норки, где он обитает, — я имею в виду Вселенную, — он научится назначать истинную цену земле, царствам, городам, домам и самому себе.

Что такое человек для бесконечности?

Но чтобы представить себе другое, столь же поразительное чудо, пусть он поищет среди вещей ему известных самые крошечные, пусть муравей со своим маленьким тельцем заставит подумать о несравненно меньших его членах, о лапках с суставами, о венах в его лапках, о крови в его венах, о гуморах в этой крови, о капельках в этих гуморах, пара́х в этих капельках; пусть,

расщепляя и дальше такие вещи, он истощит все свои силы на представление об этом, и пусть тот последний предмет, до которого он дойдет, и станет теперь предметом нашего рассуждения. Быть может, он подумает, что это и есть самая малая вещь в природе.

Я хочу показать ему здесь другую бездну. Я хочу нарисовать ему не только видимую Вселенную, но и бескрайность природы, которую можно вообразить внутри этого мельчайшего атома; пусть он увидит там бесконечное множество миров, у каждого из которых есть свой небосвод, свои планеты, своя земля, на этой земле свои живые существа, и наконец свои муравьи, в которых он обнаружит то же, что и в видимых глазу; и вот когда он станет обнаруживать там все то же самое, без конца и остановки, пусть у него голова пойдет кругом от таких чудес, столь же поразительных своей малостью, как другие своей огромностью. Ведь кто не изумился бы, что наше тело, которое только что не было заметно во Вселенной, а она и сама незаметна в лоне всего сущего, теперь стало колоссом, целым миром, вернее, всем по сравнению с той малостью, куда нельзя проникнуть. Кто задумается над этим, тот устрашится самого себя, и, сознавая себя заключенным в той величине,

которую определила ему природа между двумя безднами — бесконечностью и ничтожностью, — он станет трепетать при виде этих чудес; и я полагаю, что его любопытство сменится изумлением, и он будет больше расположен безмолвно их созерцать, чем горделиво исследовать.

Так что же есть человек в природе? Ничто по сравнению с бесконечностью, все по сравнению с небытием, середина между ничто и все; он бесконечно далек от постижения крайностей; цель и начала вещей надежно скрыты от него непроницаемой тайной.

Равным образом — не способен понять небытие, из которого он извлечен, и бесконечность, которою он поглощается.

Ему остается только ловить какую-то видимость вещей срединных, навсегда отчаявшись познать их начала и цель. Все вещи вышли из небытия и стремятся к бесконечности. Кто проследит эти удивительные пути? Творец всех чудес их знает. Больше этого не может никто.

Не умея созерцать эти бездны, люди дерзко принялись исследовать природу, словно они ей хоть как-то соразмерны.

Удивительно — они хотят постичь начала вещей и затем познать всё из гордыни столь же

бесконечной, как их предмет. Ведь очевидно, что такие замыслы нельзя питать без гордыни или без способностей бесконечных, как природа.

Человек сведущий понимает, что природа запечатлела образ свой и своего Создателя на всех вещах, и они почти все причастны к ее двойной бесконечности. Так, мы видим, что все науки бесконечны в обширности своих занятий; кто может сомневаться, к примеру, что геометрия предлагает бесконечное число задач для разрешения. Они бесконечны также и в разнообразии и сложности своих понятий; всякому ясно, что те, которые кажутся последними, не держатся сами собой, а опираются на другие, у которых есть еще другие для опоры, и последних для них никогда не бывает.

Но мы считаем последними те, что представляются таковыми нашему разуму; так мы поступаем с миром вещественным, где называем неделимой точкой ту, за которой наши чувства ничего больше не воспринимают, хотя по природе своей она делится бесконечно.

Из этих двух бесконечностей науки величие более очевидно; вот почему немногие притязали на знание всех вещей. Я буду рассуждать обо всем, говорил Демокрит.

Но бесконечность малого менее очевидна. Философы только притязали на проникновение в нее, и на этом все спотыкались. Вот откуда столь часто встречающиеся названия: «Начала вещей», «Начала философии» и им подобные, на самом деле столь же хвастливые, хотя это и меньше бросается в глаза, как «De omni scibili»[50].

Они полагают себя от природы более способными проникнуть в центр мира, чем объять его окружность; видимое пространство мира очевидно нас превосходит. Но поскольку мы превосходим вещи малые, то полагаем себя более способными их постигнуть; а ведь проникнуть в ничто отнюдь не легче, чем во всё. И для того, и для другого нужна беспредельная сила разума; и мне кажется, что тот, кто постиг бы первоначала вещей, мог бы дойти и до постижения бесконечности. Одно зависит от другого, и одно ведет к другому. Крайности сходятся и, удаляясь друг от друга, соединяются. Они встречаются в Боге и только в Боге.

Уясним же себе наше положение. Мы есть нечто, но мы не есть всё. Частица бытия, в нас

---

[50] Сноски: 50

«Обо всем, доступном познанию». — Заглавие сочинения Джованни Пико делла Мирандолы (1463–1494), итальянского философа-неоплатоника.

заключенная, препятствует нам постичь первоначала мира, которые рождаются из небытия; но частица бытия в нас так мала, что бесконечность скрывается из-за этого от нашего зрения.

Наш разум занимает в порядке вещей умопостигаемых такое же место, какое наше тело занимает в природном пространстве.

Мы ограничены со всех сторон, и такое наше положение, срединное между двумя крайностями, проявляется во всех наших способностях. Чувства наши не воспринимают никаких крайностей, слишком громкий звук нас оглушает, слишком яркий свет слепит, слишком дальнее и слишком близкое расстояние мешают видеть. Излишние длинноты и излишняя краткость вредят рассуждению, избыток истины нас изумляет. Я знаю людей, которые не могут понять, что если от нуля отнять четыре, останется нуль. Основные начала нам слишком очевидны; избыток наслаждений утомляет, излишняя сладкозвучность в музыке неприятна, слишком большое благодеяние раздражает. Мы желали бы иметь возможность отдавать долги с лихвой. Bénéficia eo usque laeta sunt dum videntur exsolvi posse. Ubi

multum antevenere pro gratia odium redditur[51]. Мы не чувствуем ни слишком сильного жара, ни слишком сильного холода. Избыточные качества для нас враждебны, но нечувствительны, мы их уже не ощущаем, но страдаем от них. Здравомыслию вредят излишняя молодость и излишняя старость, избыток и недостаток познаний.

Одним словом, крайности для нас словно бы не существуют и мы не существуем для них; либо они от нас ускользают, либо мы от них.

Вот наше истинное положение. Оно делает нас неспособными ни знать наверное, ни оставаться в полном неведении. Мы плаваем на обширном пространстве посередине, вечно неуверенные и колеблющиеся; нас носит от одного берега к другому; к какой бы тверди мы ни захотели пристать и закрепиться у нее, она качается, уходит от нас, а если мы пытаемся за нее зацепиться, ускользает из рук, уплывает от нас и навечно пускается в бегство; ничто не застывает на месте для нас. Такое состояние для нас естественно, и однако же оно противнее всего нашим склонностям. Нас палит желание обрести надежное пристанище и

[51] Сноски: 51

«Благодеяния приятны только тогда, когда знаешь, что можешь за них отплатить; когда же они непомерны, то вместо благодарности воздаешь за них ненавистью».

неизменное, твердое основание, на котором мы бы возвели башню, поднимающуюся до бесконечности, но любой наш фундамент рушится, и в земле разверзается бездна.

Не будем же искать надежности и твердости; разум наш постоянно обманывается изменчивой видимостью: ничто не может накрепко остановить конечное между двумя бесконечностями, которые заключают его в себе и от него ускользают.

Думаю, что хорошенько это поняв, мы успокоимся каждый на том месте, которое назначила ему природа.

Эта середина, доставшаяся нам на долю, всегда удалена от крайностей; а потому — что нам за важность, если кто-то другой понимает вещи немного лучше, чем мы, и смотрит на них с чуть более высокой точки; разве он все равно не бесконечно далек от вершины, и срок нашей жизни разве перестает быть ничтожным в вечности, если удлиняется на десяток лет?

С точки зрения этих бесконечностей все конечные вещи равны между собой, и я не вижу, почему мое воображение должно быть привязано к той, а не к другой. Нам тяжело даже просто сравнивать себя с конечными вещами.

Если бы человек изучал себя, то увидел бы, насколько он не способен идти дальше. Как может часть познать целое? Но он может постараться познать хотя бы те части, с которыми он сам сопоставим. Однако в мире все части так соотнесены и связаны друг с другом, что, я полагаю, невозможно познать одну без другой и без целого.

К примеру, человек соотносится со всем, что знает. Ему нужно пространство, которое его вместило бы, время, в котором ему длиться, движение, чтобы жить, вещества, чтобы его составить, тепло и яства, чтобы его питать, воздух, чтобы дышать. Он видит свет, осязает предметы, одним словом, все сочетается с ним. Значит, чтобы познать человека, нужно знать, почему он не может существовать без воздуха, а чтобы знать, что такое воздух, нужно знать, чем он так важен для человеческой жизни, и т. д.

Пламя не живет без воздуха; значит, чтобы знать одно, нужно знать другое.

И поскольку все вещи одновременно и причина, и следствие, и нуждаются в помощи, и подают ее, являются и прямо, и опосредованно, и все соединены естественными невидимыми узами, которые связывают между собой самые далекие друг от друга и самые разные из них, — я

полагаю невозможным знать части, не зная целого, равно как и знать целое, не зная частей по отдельности.

(Вечность вещей в самих себе или в Боге должна быть поразительна для краткого срока нашей жизни.

Твердая и неизменная неподвижность природы, сравнение ее с постоянными переменами, происходящими в нас, должны производить то же впечатление.)

И в довершение нашей неспособности постигать вещи — то, что они сами по себе просты, а в нас соединились две природы, противоположные и различные: духовная и телесная. Невозможно, чтобы мыслящая часть нашего существа была не духовной, а какой-то иной; и полагать, что мы просто телесны, значило бы отнять у нас всякую способность познания вещей: нет ничего более нелепого, чем утверждать, будто материя познает саму себя. Мы не можем знать, как она это делает.

Таким образом, если мы только материальны, то лишены всякой способности познания, а если состоим из духа и материи, то не можем в совершенстве познавать простые вещи, духовные или телесные.

Вот причина того, что почти все философы смешивают идеи вещей и говорят о вещах телесных, как о духовных, а о духовных, как о телесных. Они смело говорят, что тела влекутся книзу, что они стремятся к своему центру, бегут от своей гибели, боятся пустоты, что у них есть наклонности, симпатии и антипатии — все то, что свойственно только вещам духовным. А говоря о вещах духовных, они их считают словно находящимися в каком-то месте и приписывают им передвижение с одного места на другое, что свойственно только телам.

Глядя, как мы соединяем вещи духовные с телесными, можно подумать, что такая смесь должна быть легкодоступна нашему пониманию. Однако она нам менее всего понятна; человек для самого себя — самый загадочный предмет во всей природе, ибо он не может представить себе, что такое тело, и еще меньше — что такое дух, а менее всего — как тело может соединяться с духом. Вот предел сложности, а между тем это его собственное существо: modus que corporibus adherent spiritus comprehendi ab homine non potest,

et hoc tamen homo est[52].

И чтобы довершить доказательство нашей слабости, я закончу двумя соображениями…

200 (347). Человек — всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей Вселенной, чтобы его раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть Вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство Вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает.

Итак, все наше достоинство заключено в мысли. Вот в чем наше величие, а не в пространстве и времени, которых мы не можем заполнить. Постараемся же мыслить как до́лжно: вот основание морали.

201 (206). Вечное безмолвие этих бесконечных пространств меня пугает.

202 (517). Утешьтесь; не от себя вы должны Его ждать, напротив, Его до́лжно ждать, не ожидая ничего от себя.

---

[52] Сноски: 52

Способ, каким дух соединяется с телом, не может быть понятен человеку; а между тем это и есть человек (Бл. Августин. О граде Божием, 21, 10).

XVI. Ложность других религий

203 (595). Ложность других религий.

Магомет не убеждает.

Его доводы должны быть очень доказательны, потому что ничем другим не подкреплены.

Что же он говорит? Что надо в него верить.

204 (592). Ложность других религий.

У них нет свидетелей. А у нас они есть.

Бог предлагает другим религиям представить столь же явные свидетельства. Исаия 43, 9–44, 8.

205 (489). Если есть единое начало всему, единая цель всего — всё из этого, всё для этого, — то истинная религия должна учить нас поклоняться только этому и только это любить. Но поскольку мы не способны поклоняться тому, чего не знаем, и любить что бы то ни было, кроме нас самих, религия, предписывая наш долг, должна также объяснить нам эту неспособность и указать лекарства от нее. Она учит нас, что через человека было все утрачено и разорвана наша связь с Богом и что через человека связь эта восстановлена.

Мы рождаемся столь далекими от такой любви к Богу, что непременно должно быть одно из

двух: либо мы рождаемся виновными, либо Бог несправедлив.

206 (235). Rem viderunt, causam non viderunt[53].

207 (597). Против Магомета.

Алькоран так же принадлежит Магомету, как Евангелие — святому Матфею. Многие авторы из века в век его цитируют. Даже его недруги, Цельс и Порфирий, никогда в том не сомневались.

В Алькоране сказано, что святой Матфей был праведник. Следовательно, Магомет — ложный пророк либо потому, что называет дурных людей праведниками, либо потому, что не соглашается со словами праведников об И. Х.

208 (435). Без этих знаний, полученных от Бога, люди либо возносились бы душой из-за смутной памяти об их былом величии, либо впадали в уничижение при виде их нынешней слабости. Ибо, не владея полнотой истины, они не могут достичь совершенной добродетели; одни полагают природу неиспорченной, другие неисправимой, и так впадают либо в гордыню, либо в уныние — два источника всех пороков; им

---

[53] Сноски: 53

Вещь они видели, причину ее — нет. — Слова Бл. Августина о Цицероне.

остается либо малодушно этим порокам предаваться, либо побеждать их гордыней. Ведь если они признаю́т величие человека, то отрицают его испорченность, так что избегают лени, но губят себя надменностью; а если они признаю́т ущербность природы, то отрицают ее достоинство, так что избегают тщеславия, но при этом впадают в отчаяние.

Отсюда рождаются различные секты — стоиков и эпикурейцев, догматиков и академиков, и т. д.

Одна лишь христианская религия может исцелить оба эти порока, не изгоняя один другим с помощью мудрости земной, но изгоняя их оба с помощью простоты евангельской. Ибо она учит праведников, что может возносить людей до сопричастности Божескому естеству, что и в этом возвышенном состоянии они носят в себе источник всякой испорченности, который делает их на всю жизнь подвластными заблуждениям, невзгодам, смерти, греху; и она кричит последним нечестивцам, что они способны принять благодать Искупителя. И заставляя трепетать тех, кого она оправдывает, и утешая тех, кого осуждает, она такой точной мерой уравновешивает страх надеждой, возвещая о присущей всем двойной способности — и к благодати, и

к греху, — что умаляет человека несравненно сильнее, чем то может сделать разум, но при этом не вгоняет в отчаяние, и возвеличивает его несравненно сильнее, чем природная гордыня, но не дает надуваться от спеси. Она ясно показывает этим, что она одна свободна от заблуждений и пороков, и потому ей одной до́лжно наставлять и исправлять людей.

Кто же может отринуть веру в небесную премудрость и поклонение ей? Разве не ясней, чем день, что мы ощущаем в себе нестираемые следы нашего величия, и разве не столь же очевидно, что мы всякий час испытываем на себе действие нашего плачевного удела?

О чем же этот хаос и это чудовищное смятение кричат нам так громко, что противиться им невозможно, как не о том, что природа наша поистине двойственна?

209 (599). Разница между И. Х. и Магометом.

Магомет не предсказан, И. Х. предсказан.

Магомет убивал, И. Х. давал убивать своих.

Магомет запрещал читать, апостолы приказывали читать.

Все это столь разнится, что если Магомет избрал путь земного торжества, то И. Х. избрал путь земной гибели; так что не следует говорить, что

поскольку Магомет добился земного торжества, И. Х. вполне мог его добиться; лучше сказать, что поскольку Магомет добился земного торжества, И. Х. должен был погибнуть.

210 (451). Все люди по природе своей ненавидят друг друга. Они как могли использовали свои страсти, чтобы заставить их служить общественному благу. Но это только притворство и подделка под милосердие, в глубине нет ничего, кроме ненависти.

211 (453). На страстях людских основаны и из них извлечены замечательные законы для государства, морали и правосудия.

Но в глубине эта мерзкая суть человеческая, это figmentum malum[54] только прикрыто. Оно никуда не делось.

212 (528). И. Х. — тот Бог, к которому приближаются без гордыни и перед кем уничижаются без отчаяния.

213 (551). Dignior plagis quam osculis non timeo quia amo[55].

---

[54] Сноски: 54

Измышление зла.

[55] Сноски: 55

Заслуживая побоев больше, чем поцелуев, я не боюсь, потому что люблю. — Слова святого Бернарда.

214 (491). Свидетельством истинной религии должно быть требование любви к своему Богу. Это вполне справедливо, а между тем ни одна этого не повелевает; наша это сделала.

Она также должна постичь похоть и бессилие человеческие; наша это сделала.

Она должна указать и лекарства, одно из них — молитва. Ни одна другая религия не просит у Бога любви к Нему и послушания Ему.

215 (433). При взгляде на природу человеческую становится ясно, что религия истинна в том случае, если познала нашу природу. Она должна постичь наше величие и наше ничтожество и причины того и другого. Какая религия это постигла, кроме христианской?

216 (493). Истинная религия указывает нам наш долг, наши слабости, гордыню и похоть, и лекарства — смирение, умерщвление плоти.

217 (650). Есть иносказания ясные и убедительные, но бывают и другие, которые кажутся притянутыми за уши; они могут что-то доказать только тем, кто уже и так убежден. Такие иносказания похожи на апокалиптические.

Разница в том, что у них нет столь неоспоримых; так что нет ничего более несправедливого,

чем утверждать, как они, что их доказательства имеют под собой не меньше оснований, чем некоторые из наших. Ведь у них нет столь убедительных, как иные из наших.

Игра неравная. Нельзя равнять и смешивать такие вещи, потому что хотя они, с одной стороны, и кажутся похожими, они столь различны с другой. Только божественная ясность заставляет благоговеть и перед темнотами.

(Это как раз те, кто изъясняется между собой на некоем темном языке; те, кто его не понимает, уловят только нелепицу.)

218 (598). Я хочу, чтобы о Магомете судили не по тому, что есть темного в его словах и чему можно приписать некий таинственный смысл, а по тому, что у него ясно, — его рай и прочее. Вот где он смешон. Принимать его темноты за таинственность неверно, потому что ясность его смешна. Не так с Писанием. Пусть там есть места столь же странные и непонятные, как у Магомета, но зато там есть и поразительная ясность, и прямые, исполнившиеся пророчества. Игра тут неравная. Не следует равнять и путать между собой вещи, схожие лишь темнотой, но не ясностью, из-за которой можно благоговеть и перед темнотами.

219 (251). Другие религии, наподобие языческих, больше доступны простонародью, ибо они касаются вещей внешних, но не годятся для людей ученых. Чисто умственная религия больше подходила бы ученым, но не годилась бы для народа. Только христианская религия подходит всем, ибо в ней соединены внешнее и внутреннее. Она возвышает простых людей до внутреннего и склоняет гордецов до внешнего; она не была бы совершенна без обоих, ибо простые люди должны понимать дух буквы, а ученые — склоняться духом перед буквой.

220 (468). Никакая другая религия не призывает людей ненавидеть себя, никакая другая религия не может поэтому нравиться тем, кто себя ненавидит и ищет существо, поистине достойное любви. И если они никогда прежде не слышали о религии уничиженного Бога, то бросятся к ней в объятья.

XVII. Сделать религию привлекательной

221 (774). И. Х. для всех. Моисей для одного народа.

Иудеи благословенны в Аврааме. Я благослов-

лю благословляющих тебя, но благословятся в тебе все племена земные.

Parum est ut[56], и т. д. Исаия. Lumen ad revelationem gentium[57].

Non fecit taliter omni nationi[58], сказал Давид о Завете. Но говоря об И. Х., нужно сказать: fecit taliter omni nationi, parum est ut[59], и т. д. Исаия.

Лишь И. Х. — для всех; даже Церковь приносит жертву только за верных. И. Х. принес крестную жертву за всех.

222 (747). Иудеи по плоти и язычники живут в скорби, и христиане тоже. Для язычников нет Искупителя, потому что они Его и не ждут. Нет Искупителя для иудеев, потому что они Его ждут напрасно. Искупитель есть только для христиан.

Смотри раздел о Беспрерывности.

---

[56] Сноски: 56

Мало того, что [ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых] (Ис. 49, 6).

[57] Сноски: 57

Свет к просвещению язычников (Лк. 2, 32).

[58] Сноски: 58

Не сделал Он того никакому другому народу (Пс. 147, 9).

[59] Сноски: 59

Он сделал это всякому народу; мало того, что и т. д.

XVIII. Основания

223 (570). Нужно поместить в главу об Основаниях то, что в главе об иносказательности касается причины иносказаний. Почему предсказано первое пришествие И. Х.? Почему оно предсказано в столь темных выражениях?

224 (816). Неверующие — люди самые легковерные, они верят в чудеса Веспасиана и не верят в чудеса Моисеевы.

225 (789). Как И. Х. оставался неузнанным среди людей, так остается неузнанной истина среди расхожих мнений, ничем от них по виду не отличаясь. Так и Евхаристия рядом с обыкновенным хлебом.

226 (523). Вся вера заключена в И. Х. и Адаме, и вся мораль — в грехе и благодати.

227 (223). Что они могут сказать против воскресения и рождения от Девы? Что труднее создать человека или животное, чем его воссоздать. Но если они никогда не видели какого-то рода животных, как они могут знать, не создаются ли они без сообщения с себе подобными?

228 (751). Что говорят пророки об И. Х.? Что Он будет Богом явно? Нет, но что Он поистине Бог сокровенный, что Его не узна́ют, что не будут думать, что это Он, что Он станет камнем претковения, на котором многие споткнутся, и т. д.

Пусть же нас больше не упрекают за недостаток ясности, ведь мы это исповедуем открыто. Но, говорят нам, есть темноты, и без них люди не заблуждались бы об И. Х. А это — одно из твердых намерений пророков: exсаеса[60].

229 (444). То, что люди смогли постичь наивысшим светом разума, эта религия объяснила чадам своим.

230 (430). Все, что непостижимо, тем не менее существует.

231 (511). (Если вы хотите сказать, будто человек слишком ничтожен, чтобы удостоиться общения с Богом, — то нужно изрядное величие, чтобы об этом судить.)

232 (566). Мы ничего не поймем в деяниях Господа, если не возьмем за правило, что Он хотел ослепить одних и просветить других.

---

[60] Сноски: 60
Да не узрят очима (Ис. 6, 10).

233 (796). И. Х. не говорит, что Он не из Назарета, чтобы оставить дурных людей в слепоте, и что Он не сын Иосифа.

234 (581). Бог заботится больше о воле, чем о разуме; совершенная ясность послужила бы разуму и повредила воле.

Смирить гордыню.

235 (771). И.Х. пришел ослепить зрячих и подарить зрение слепцам, исцелить больных и погубить здоровых, призвать к покаянию и оправдать грешников, а праведников оставить в их грехах, возместить бедным и разорить богатых.

236 (578). Ослепить. Просветить. Святой Авг. Монт. Сабунд.

Света довольно, чтобы просветить избранных, и довольно темноты, чтобы привести их к смирению. Довольно темноты, чтобы ослепить проклятых, и довольно света, чтобы осудить их и не найти для них оправданий.

Родословная И. Х. в Ветхом Завете так переплетена со множеством других, ненужных, что теряется среди них. Если бы Моисей вел счет только предкам И. Х., это было бы слишком видно; если бы он вовсе их не отмечал, это было бы недостаточно видно; но кто смотрит внимательно

но, тот ясно различает родословную И. Х. через Фамарь, Руфь и т. д.

Те, кто повелевал приносить такие жертвы, знали об их бесполезности, а те, кто говорил об их бесполезности, продолжали их приносить.

Если бы Господь допустил только одну религию, ее было бы слишком легко узнать. Но глядите внимательно, и вы ясно различите истинную в этой путанице.

Правило: Моисей был разумный человек. Итак, коль скоро он следовал разуму, то не мог утверждать ничего такого, что разуму прямо бы противоречило.

Так все очевидные недостатки становятся достоинствами. Пример: две родословные, у Матфея и у Луки. Ясно, как день, что сговориться они не могли.

237 (795). Если бы И. Х. пришел только для освящения, всё Писание и всё вокруг тому бы способствовало, и было бы очень легко убедить неверующих. Если бы И. Х. пришел лишь для того, чтобы ослеплять, все поступки Его были бы темны, и у нас вовсе не было бы средства убеждать неверующих; но поскольку Он пришел In

sanctificationem et in scandalum[61], как сказано у Исаии, мы не можем убеждать неверующих. А они не могут убедить нас, но тем самым мы их убеждаем, ибо говорим, что во всех Его поступках нет непреложности ни для тех, ни для других.

238 (645). Иносказания.

Желая отнять у своих бренные блага, Бог в доказательство, что это не от бессилия, создал народ иудейский.

239 (510). Человек не достоин Бога, но нельзя сказать, что он не способен сделаться достойным Его.

Не достойно Бога соединяться с ничтожным человеком, но нельзя сказать, что недостойно Его извлечь человека из ничтожества.

240 (705). Доказательство.

Пророчество с исполнением его.

То, что предшествовало И. Х., и то, что за Ним последовало.

241 (765). Источник противоположностей. Бог уничижаемый, и даже до смерти на кресте. Две природы в И. Х. Два пришествия. Два состояния природы человеческой. Мессия, попирающий

---

[61] Сноски: 61

[И будет он] освящением и… скалою соблазна (Ис. 8, 14).

смерть своей смертью.

242 (585). Что Бог пожелал остаться сокровенным.

Будь только одна религия, Бог был бы явлен открыто.

То же самое — будь мученики только у нашей религии.

Поскольку Бог так сокровенен, всякая религия, которая не говорит, что Бог сокровенен, ложна, и всякая религия, которая этого не объясняет, не просвещает нас. Наша все это делает. Vere tu es deus absconditus[62].

243 (601). (Основание нашей веры.)

Языческая религия не имеет основания. (Теперь говорят, что некогда она его имела в говорящих оракулах. Но какие книги нам это подтверждают? Добродетельны ли их авторы настолько, чтобы им можно было верить? Так ли их заботливо сберегали, чтобы можно было не сомневаться, что они не испорчены?)

Основание магометанской религии — Алькоран и Магомет. Но этот пророк, который должен был стать последним ожиданием мира, — был ли он предсказан? Какая на нем печать, отлича-

---

[62] Сноски: 62
Истинно Ты — Бог сокровенный (Ис. 45, 15).

ющая его от всякого, кто пожелал бы назваться пророком? Какие чудеса, по его же собственным словам, он совершил? Какую тайну он открыл, по его же преданию? Какая мораль и какое блаженство!

На иудейскую религию следует смотреть иначе. В предании священных книг и в предании народа. Мораль и блаженство смешны в предании народа, но достойны восхищения в преданиях их святых. Их основание достойно восхищения. Это самая древняя книга на свете, и самая подлинная; тогда как Магомет, чтобы увековечить свою книгу, запрещает ее читать, Моисей, чтобы увековечить свою, велит читать ее всем. И так вся религия.

Христианство в священных книгах весьма отлично от христианства у казуистов.

Наша религия столь божественна, что у другой божественной религии общего с ней только основание.

244 (228). Возражение атеистов.

Но мы в полной тьме.

XIX. Иносказательный закон

245 (657). Что закон был иносказателен.

246 (647). Иносказания.

Судьба народов еврейского и египетского ясно предсказана двумя людьми, встретившимися Моисею: египтянином, избивавшим еврея, за что Моисей отомстил, убив египтянина, и евреем, оказавшимся неблагодарным.

247 (674). Иносказательность.

Делай все согласно Господу, явившемуся тебе на горé, о чем святой Павел говорит, что евреи служат образу и тени небесного.

248 (633). Иносказания.

Пророки пророчествуют иносказаниями — пояс, горящие борода и волосы[63], и т. д.

249 (681). Иносказательность.

Ключ к тайнописи.

---

[63] Сноски: 63

Имеется в виду рассказ пророка Даниила о трех иудеях, оставшихся невредимыми в горящей печи, куда их бросили по приказу царя Навуходоносора.

Veri adoratores[64]. Ecce agnus dei qui tollit peccata mundi[65].

250 (667). Иносказат.

Эти слова — меч, щит, potentissime (сильный).

251 (900). Кто хочет найти смысл Писания и не берет его из Писания, тот враг Писанию. Авг., О хр. уч.

252 (648). Две ошибки. 1. Воспринимать только букву. 2. Воспринимать только дух.

253 (679). Иносказания.

И. Х. отверз их разум, чтобы они поняли Писание.

Тут два великих откровения. 1. Все им являлось в иносказаниях — Vere Israelitae[66], Vere liberi[67]. Истинный хлеб с неба.

2. Бог, уничижаемый до креста. Нужно было Христу принять муки, чтобы обрести славу, победить смерть своей смертью — два пришествия.

---

[64] Сноски: 64
Истинные поклонники (Ин. 4, 23).

[65] Сноски: 65
Вот Агнец Божий, Который берет [на Себя] грех мира (1 Ин., 29).

[66] Сноски: 66
Подлинно Израильтянин (1 Ин., 47).

[67] Сноски: 67
Истинно свободны (Ин. 8, 36).

254 (649). Поговорить против слишком темных иносказаний.

255 (758). Чтобы Мессию узнавали добрые люди и не узнавали злые, Бог повелел предсказать Его таким образом. Если бы деяния Мессии были предсказаны ясно, не было бы никакой темноты даже для злых.

Если бы время было предсказано темно, тьма не рассеялась бы даже для добрых, ибо доброта их сердец не помогла бы им понять, что, к примеру, мем означает 600 лет. Но время было предсказано ясно, а деяния — иносказательно.

Потому злые полагают обетованные блага благами земными и заблуждаются, несмотря на ясно предсказанное время, а добрые не заблуждаются.

Ибо понимание обетованных благ зависит от сердца, называющего благом то, что оно любит, а понимание времени обетованного от сердца не зависит. Так ясное предсказание времени и темное предсказание благ обманывает только злых.

256 (662). Иудеи по плоти не понимали ни величия, ни уничижения Мессии, предсказанных им пророками. Они не узнали Его в Его предсказанном величии — в словах, что Мессия будет Господом Давиду, хотя Он и сын ему, и был преж-

де Авраама и видел его.

Они не поверили, что Он так велик и вечен, не узнали его в уничижении и смерти. Мессия, говорили они, пребудет вечно, а этот сказал, что умрет. Они не поверили ни что Он смертен, ни что Он вечен; они искали в Нем лишь земного величия.

257 (684). Противоречие.

Лицо может быть красиво только тогда, когда в нем согласуются между собой самые разные черты, и недостаточно сочетать соединимые свойства, не сочетая противоположных; чтобы понять смысл какого-либо сочинения, нужно согласовать все противоречивые места в нем.

Так, Писание можно понять, если есть в нем смысл, согласующий все противоречивые места; недостаточно такого смысла, который подходил бы для многих сочетающихся между собой мест, а нужен такой, который согласовал бы даже противоречивые места.

У каждого автора есть смысл, согласующий все противоречивые места, — или у него вовсе нет смысла. Нельзя этого сказать о Писании и пророках: у них, конечно, здравого смысла было с избытком. Значит, надо искать в нем тот смысл, который согласует все противоречия.

Подлинный смысл — не тот, что был виден иудеям, но в И. Х. все противоречия согласуются.

Иудеи не сумели бы согласовать предсказания Осии о том, что они останутся без царя и князя, с пророчеством Иакова.

Если понимать закон, жертвы и царство в прямом смысле, все места согласовать нельзя; значит, это непременно должны быть иносказания. Нельзя будет даже согласовать все места у одного автора, ни даже в одной книге, ни порой даже в одной главе, что ясно показывает, какой смысл имел в виду автор; к примеру, как у Иезекииля, гл. 20, где говорится и что народ будет жить по заповедям Божиим и что он не будет по ним жить.

258 (728). Не позволялось приносить жертвы вне Иерусалима — избранного Господом места, ни даже есть десятину в другом месте. Второзак. 5 ч и т. д. Второзаконие 14. 23. 15. 20. 16. 2. 7. 11. 15.

Осия предсказал, что сыны Израилевы будут оставаться без царя и князя и без жертвы и т. д., без терафима, ибо по закону нельзя было приносить жертвы вне Иерусалима.

259 (685). Иносказание.

Если закон и жертвы понимать в прямом смысле, то они должны быть угодны Богу и не могут быть Ему неугодны. Если это иносказания, они должны быть и угодны, и неугодны.

А по всему Писанию они и угодны, и неугодны. Сказано, что закон изменится, что жертвоприношение изменится, что они останутся без царя, без князя и без жертвоприношений, что будет дан Новый Завет, что закон обновится, что наставления, ими полученные, дурны, что жертвы их мерзки, что Бог их вовсе не требовал.

И сказано, наоборот, что закон пребудет вечно, что Завет этот во веки веков, что жертвы будут приноситься вечно, что скипетр никогда не отойдет от них, ибо он не должен отойти, пока не приидет вечный царь.

Все эти места — надо ли их понимать буквально? нет; надо ли их понимать иносказательно? нет, но буквально или иносказательно; но первые, исключая буквальность, означают иносказательность.

Все эти места не могут быть сказаны в прямом смысле; все могут быть сказаны иносказательно. Их надо понимать не буквально, а иносказательно.

Agnus occisus est ab origine mundi[68], juge sacrificium[69].

260 (678). Изображение заключает в себе отсутствие и присутствие, удовольствие и неудовольствие. Действительность исключает отсутствие и неудовольствие.

Иносказания.

Чтобы знать, в прямом или иносказательном смысле нужно понимать закон и жертвы, следует выяснить, останавливали тут свой взгляд и свои мысли пророки, говоря об этом, видели они только Ветхий Завет или что-то еще, чему этот Завет служил изображением. Ведь изображение представляет вещи иносказательно. Нужно только вдуматься в то, что они говорят.

Говоря, что Завет будет вечен, имеют ли они в виду тот Завет, о котором они говорят, что он изменится, и то же самое с жертвами и т. д.

Шифр имеет двойной смысл. Когда перехватывают важное письмо, смысл которого ясен, но в котором тем не менее сказано, что смысл его скрыт и затемнен, спрятан так, что письмо это

---

[68] Сноски: 68
Агнец, закланный от Создания мира (Откр. 13, 8).

[69] Сноски: 69
Беспрерывное жертвоприношение.

будут видеть не видя, понимать не понимая, — что тут следует думать, как не то, что это шифр с двойным смыслом.

Тем более когда обнаруживаются явные противоречия в смысле буквальном.

Пророки ясно сказали, что любовь Божия всегда пребудет с Израилем, что Закон будет вечен; и они сказали, что смысл их слов будет непонятен и сокрыт.

Как же должны мы почитать тех, кто открывает нам шифр и учит нас понимать скрытый смысл, особенно когда понятия, ими извлекаемые, столь естественны и ясны? Это то, что сделал И. Х. И апостолы. Они сняли печать. Они разодрали завесу и открыли дух. Они научили нас, что враги человеку его страсти, что Искупитель будет духовен и царство Его духовное, что будет два пришествия, одно в ничтожестве, дабы умалить человека горделивого, другое в славе, дабы возвысить человека уничиженного, что И. Х. будет Богом и человеком.

261 (757). Время первого пришествия заведомо предсказано, второго — нет, потому что первое должно быть сокрыто, а второе явно и столь разительно, что даже врагам придется его признать, но первое должно было случиться непременно

тайно и узнано только теми, кто вчитывался в Писание.

262 (762). Что могли сделать иудеи, Его враги?

Если бы они приняли Его, то подтвердили бы Его пришествие своим приятием, ибо это значило бы, что Его приняли те, кто ждет Мессию; а если они отрицают Его, то подтверждают своим отрицанием.

263 (686). Противоречия.
Скипетр до Мессии без царя и князя.
Закон вечный, меняющийся.
Вечный Завет, Новый Завет.
Добрый закон, дурные
постановления. Иез. 20.

264 (746). Евреи привыкли к великим и очевидным чудесам; и так, имея великие события в Красном море и земле Ханаанской как первообраз подвигов своего Мессии, они ожидали еще более величественных, которым чудеса Моисеевы были бы лишь первым наброском.

265 (677). Иносказание заключает в себе отсутствие и присутствие, удовольствие и неудовольствие.

Шифр с двойным смыслом. Ясность и то, где

сказано, что смысл сокрыт.

266 (719). Кто-то может подумать, будто когда пророки предсказывали, что скипетр не отойдет от Иуды до вечного царя, они говорили так, чтобы польстить народу, и пророчество их оказалось ложным при Ироде. Но чтобы показать, что смысл их речей не таков, что они, напротив, хорошо знали, что земное царство разрушится, они говорили, что народ останется без царя и князя. И надолго. Осия.

267 (680). Иносказания.

Как только эта тайна открыта, уже невозможно ее не видеть. Читайте Ветхий Завет таким образом, и вы увидите, впрямую ли надо понимать жертвоприношения, и родство с Авраамом как причину милости Господней, и землю обетованную как место отдохновения? Нет, но как иносказания.

И посмотрите также на все установленные обряды и все заповеди, не зовущие к любви, и вы увидите, что это иносказания.

Итак, все эти жертвы и обряды — либо иносказания, либо глупости; но есть вещи очевидные и слишком возвышенные, чтобы считать их глупостями.

Понять, ограничили свой взор пророки в Ветхом Завете или они видели там и другое.

268 (683). Иносказания.

Буква убивает — Все являлось в иносказаниях — Христос должен был страдать — Бог уничиженный — Вот шифр, данный нам святым Павлом.

Обрезание сердца, истинный пост, истинная жертва, истинный храм: пророки указывали, что все это должно быть духовным.

Не тленная плоть, но та, что нетленна.

Вы будете истинно свободны; следовательно, другая свобода — всего лишь свобода иносказательная.

Я истинный хлеб с неба.

269 (692). Есть такие, кто ясно видит, что у человека нет другого врага, кроме похоти, отвращающей его от Бога, — а не врагов; нет другого блага, кроме Бога, — а не тучной земли. Те, кто думает, будто благо человека — в плотском, а зло для него в том, что отвращает его от чувственных наслаждений, коими он упивается и в коих умирает. Но те, кто ищет Бога всем сердцем, для кого нет иного горя, кроме как лишиться Его, и иного желания, кроме как обрести Его, и иных врагов,

кроме отвращающих от Него, кто огорчается, видя себя окруженными и подавленными такими врагами, — они пусть утешатся, я приношу им радостную весть: у них есть Избавитель; я покажу им Его; я докажу, что у них есть Бог; другим я Его не покажу. Я покажу, что Мессия был им обещан, чтобы избавить их от врагов, и что Он пришел, чтобы избавить их от грехов, а не от врагов во плоти.

Когда Давид предсказал, что Мессия избавит его народ от врагов, можно было подумать, что это плотские враги, египтяне. Тогда я не смог бы доказать, что пророчество исполнилось; но можно подумать и так, что это грехи. Ибо на самом деле вовсе не египтяне — враги, но враги — грехи.

Это слово — «враги» — двусмысленно, но если в другом месте он говорит, что очистит народ свой от грехов, как и Исаия и другие, — двусмысленность исчезает, и двойное значение слова «враги» сводится к единственному — «грехи». Ведь если он подразумевал грехи, то мог назвать их врагами, но если он думал о врагах, то их назвать грехами не мог.

Моисей и Давид и Исаия употребляли одни и те же слова. Кто же сможет сказать, что они подразумевали не один и тот же смысл и что

Давид, который явно имел в виду грехи, когда говорил о врагах, подразумевал не то же самое, что и Моисей, когда тот говорил о врагах.

Даниил (IX) молился об избавлении изгнанного народа от врагов. Но думал он о грехах, и чтобы показать это, он говорит, что Гавриил явился ему и сказал, что он был услышан и что осталось ждать семьдесят седьмин, после чего народ будет очищен от беззаконий. Грех прекратится, и Избавитель, Святой святых, принесет народу правду вечную — не законную, но вечную.

270 (670). А. Иносказания.

Евреи состарились в таких земных мыслях: что Бог любил их отца Авраама, его плоть и потомков ее, что поэтому Он их умножил и отличил среди всех народов и не терпел, чтобы они смешивались с другими, что когда они томились в Египте, Он их вывел оттуда со всеми великими благоприятными для них знамениями, что Он их питал манной в пустыне, привел их в тучную землю, дал им царей и прекрасный храм, чтобы там совершались жертвоприношения и они очищались пролитием крови жертвенных животных, и что, наконец, Он пошлет им Мессию, чтобы сделать их властителями мира, и Он предсказал время

Его пришествия.

Мир состарился в этих плотских заблуждениях. И. Х. явился в предсказанное время, но не в блеске славы, как ожидалось, и потому они не подумали, что это Он. После Его смерти святой Павел пришел научить людей, что все это сбылось иносказательно, что царство Божие не плотское, но духовное, что враги человеку не вавилоняне, но страсти его, что Богу угодны не рукотворные храмы, но сердца чистые и смиренные, что телесное обрезание бесполезно, а нужно обрезание в сердце, что Моисей не дал им хлеб с неба и т. д.

Но Господь не желал открывать такие вещи народу, этого недостойному, и желал все же, чтобы в них поверили; потому Он ясно предсказал время их свершения и много раз объяснял их ясно, но иносказательно, так, чтобы ищущие прямой смысл на нем и остановились, а ищущие смысл сокрытый его увидели.

Все, что не говорит о любви, есть иносказание.

Единственный предмет Писания — любовь.

Все, что не говорит о едином благе, описывает его иносказательно. Ибо если есть лишь одна цель, то все, что не говорит о ней прямыми словами, есть иносказание.

Бог по-разному говорит об этой единственной заповеди — любви, — чтобы удовлетворить наше любопытство, ищущее разнообразия, таким разнообразием, ведущим нас всегда к тому, что одно только нужно. Ибо одно только нужно, а мы ищем разнообразия, и Бог снисходит и к тому, и к другому посредством такого разнообразия, которое ведет к единственно необходимому.

Евреи так верили в прямой смысл предсказаний и так ждали их исполнения, что когда они действительно исполнились тогда и так, как было предсказано, не узнали их.

Раввины считают иносказанием сосцы возлюбленной[70] и все, что не выражает прямо их единственную цель — преходящее благо.

А христиане даже Евхаристию считают иносказанием той славы, которой они взыскуют.

271 (545). И. Х. не делал ничего иного, как учил людей, что они должны любить друг друга, что они рабы, слепцы, больные, несчастные и грешники; что Он их избавит, просветит, осчастливит

---

[70] Сноски: 70

Сосцы возлюбленной — выражение из Песни песней (4, 5). По толкованию некоторых талмудистов, оно обозначает двух Мессий — Спасителей, одного из колена Иудина, Который не умрет и Чье царство будет длиться вечно, а другого — смертного — из колена Ефремова.

и исцелит, что для этого они должны ненавидеть себя и следовать за Ним в уничижение и крестную смерть.

272 (687). Иносказания.

Когда истинное слово Господне ложно по букве, оно верно по духу. Sede a dextris meis[71]; это ложно по букве, следовательно, верно по духу.

В таких выражениях говорится о Боге в людских понятиях. Это значит только, что у Бога может быть то же намерение, что у людей, — усадить одесную себя. Тут говорится о намерении Божием, а не о способе его исполнения.

И если сказано: Бог обонял благоухание ароматов ваших и даст вам за то землю тучную, — такое же намерение будет у Бога для вас, потому что у вас было для Него то же намерение, какое имеет человек для того, кому дарит ароматы.

Так же и iratus est[72], Бог ревнитель, и т. д. Ибо то, что относится до Бога, невыразимо, и посему о том нельзя говорить иначе, и Церковь по сей день изъясняется так, quia confortavit seras[73], и т. д.

---

[71] Сноски: 71
Седи одесную Меня (Пс. 109, I).

[72] Сноски: 72
Возгорится гнев (Ис. 5, 25).

[73] Сноски: 73
Ибо он укрепляет вереи ворот твоих (Пс. 147, 2).

Непозволительно придавать Писанию тот смысл, о котором нам не было откровения. Что мем Исаии означает 600 — об этом нам не было откровения. Не сказано, что недостающие цад и ге означают таинства. Следовательно, так говорить не позволено. И еще менее — говорить, что это способ философского камня. Но мы говорим, что буквальный смысл — не истинный, потому что так говорили сами пророки.

273 (745). Те, кому трудно уверовать, ищут оправданий в том, что иудеи не веруют. Если бы это было так ясно, — говорят они, — почему же иудеи не поверили? И словно желают веры у иудеев, чтобы пример такого отказа веровать их не останавливал. Но их отказ как раз и есть основание нашей веры. Мы были бы не столь в ней тверды, если б они были с нами: вот тогда у нас был бы предлог поважнее.

Замечательно, что Бог сделал иудеев великими поборниками пророчеств и врагами их исполнения.

274 (642). Доказательства обоих Заветов сразу.

Чтобы доказать верность обоих одновременно, нужно только выяснить, исполнились ли во втором пророчества первого.

Чтобы проверить пророчества, нужно их понимать.

Ибо если кто думает, что у них есть только один смысл, — тогда несомненно, что Мессия не придет, но если у них два смысла, тогда несомненно, что Он придет как И. Х.

Следовательно, весь вопрос в том, есть ли у них два смысла.

Что у Писания два смысла.

Чему И. Х. и апостолы дали следующие доказательства.

1. Доказательство самим Писанием.

2. Доказательства раввинов. Моисей Маймонид сказал, что у Писания точно два лица и что пророки пророчествовали только об И. Х.

3. Доказательства Каббалы[74].

4. Доказательства мистическим истолкованием, которое сами раввины дают Писанию.

5. Доказательства утверждениями раввинов, что существуют два смысла.

Что есть два пришествия Мессии, в славе или в уничижении, по заслугам их — что пророки пророчествовали только о Мессии — закон не вечен, но должен измениться с Мессией — что тогда не

---

[74] Сноски: 74

Каббала — мистическое течение в иудаизме, развивавшее традиции аллегорического толкования Библии.

будут больше вспоминать о Красном море — что иудеи и язычники смешаются.

(6. Доказательства ключом к шифру, который дают нам И. Х. и апостолы.)

275 (643). А. Иносказания.

Исаия, 51. Красное море — образ искупления.

Ut sciatis quod filius hominis habet potestatem remittendi peccata, tibi dico: surge[75].

Бог, желая показать, что Он может создать народ, святой святостью невидимой, и исполнить его вечной славы, сотворил вещи видимые. Поскольку природа есть образ благодати, Он сделал через блага природы то, что должен был сделать в благодати, дабы люди рассудили, что коль скоро Он сотворяет видимое, то может сотворить и невидимое.

Так Он спас народ от Потопа; Он дал народу родиться от Авраама, выкупил его от врагов и упокоил.

Замысел Божий не был спасти от Потопа и дать целому народу родиться от Авраама для того лишь, чтобы ввести нас в тучную землю.

И даже благодать — только иносказание славы.

---

[75] Сноски: 75

Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть [на земле] прощать грехи, — [говорит расслабленному]: Тебе говорю: встань (Мк. 2, 10–11).

Ибо она не есть последняя цель. Закон был иносказанием благодати, сама она — иносказание славы, но она иносказание славы и ее основание или причина.

Жизнь обыкновенных людей схожа с жизнью святых. И те, и другие ищут для себя удовольствия и расходятся только в предмете, в котором они это удовольствие для себя полагают. Они называют врагами тех, кто им препятствует, и т. д. Так Бог показал Свою власть дарить блага невидимые через свою власть над благами видимыми.

276 (691). О двух людях, рассказывающих глупые сказки, причем один из них видит двойной смысл Каббалы, а другой знает только смысл прямой, — тот, кто будет их слушать, не владея этим секретом, будет судить о них одинаково. Но если затем, в продолжение беседы, один будет говорить вещи ангельские, а другой повторять плоскости и избитые места, он сможет рассудить, что один говорит, проникнув в тайну, а другой — нет; один докажет, что он не способен на такие глупости и способен овладеть тайной, а другой — что он не способен на тайну и способен на глупость.

Ветхий Завет — это шифр.

XX. Раввины

277 (635). Хронология раввинов.

Цитаты по страницам книги Pugio[76].

стр. 27. Р. Га-Кадош.

автор Мишны, или устного закона, или второго закона — 200 г.

Комментарии к Мишне { Сифра, Барайта, Талмуд Иерусал., Тосефта } 340 г.

Берешит Рабба, автор — р. Ошайа Раба, комментарий к Мишне.

Берешит Рабба, Бар Нахони — рассуждения тон-

[76] Сноски: 76

«Кинжал веры» — книга испанского монаха-доминиканца Раймунда Мартини (XIII в.).

кие, изящные, исторические и теологические.

Тот же автор написал книги, называемые Работ.

Через сто лет после Иерусалимского Талмуда р. бен Аши составил Вавилонский Талмуд по общему согласию всех евреев, которым вменяется в непременную обязанность исполнять все, что там сказано.

Добавление р. бен Аши называется Гемара, то есть комментарий к Мишне.

А Талмуд содержит в себе и Мишну, и Гемару.

27 8 (446). У евреев долгие размышления о первородном грехе.

По слову Книги Бытия, VIII, помышление сердца человеческого — зло от юности его.

Р. Моисей га-Даршан. Эта дурная закваска таится в человеке с часа его творения.

Массахет Сукка. У этой дурной закваски семь имен: в Писании она называется зло, крайняя плоть, нечисть, враг, соблазн, каменное сердце, бурный ветер; все это означает злобу, таящуюся и запечатленную в сердце человеческом. Мидраш Тегиллим говорит то же самое, и что Бог избавит добрую природу человеческую от дурной.

Эта злоба возобновляется вседневно против человека, как написано в Псалме 137. Нечестивец

подсматривает за праведником и ищет умертвить его, но Господь не отдаст его в руки его.

Злоба искушает сердце человека в этой жизни и будет свидетельствовать против него в другой.

Все это есть в Талмуде.

Мидраш Тегиллим о Псалме 4. Трепещите, и не будете грешить. Трепещите и отпугивайте похоть вашу, и она никогда не введет вас во грех. И о Псалме 36. Нечестие беззаконного говорит в сердце моем: нет страха Божия пред глазами его; это значит, что так природная злоба человеческая говорит нечестивому.

Мидраш и Когелет. Лучше дитя бедное и разумное, чем царь старый и безрассудный, не умеющий провидеть грядущее. Дитя — это добродетель, а царь — злоба человеческая. Ее назвали царем, потому что все члены ей повинуются, и старым, потому что она в сердце человеческом от младенчества до старости, и безрассудным, потому что она ведет человека путем гибели, а он не провидит того.

То же самое в Мидраш Тегиллим.

Берешит Рабба о Псалме 35. Все кости мои благословят Тебя, Господи, ибо Ты избавляешь слабого от сильного; а есть ли кто сильнее дурной закваски.

И о Притчах, 25. Если голоден враг твой, накорми его хлебом, то есть если голодна дурная закваска, накорми ее хлебом премудрости, как сказано в Притчах, 9. И если он жаждет, напой его водою, о чем сказано. Исаия, 55.

Мидраш Тегиллим говорит то же самое, и что Писание в этом месте, говоря о нашем враге, подразумевает дурную закваску и что давая ему этот хлеб и эту воду, ты собираешь горящие угли на голову его.

Мидраш Когелет о Екк., 9. Великий царь обложил город небольшой. Этот великий царь — дурная закваска. Мощные машины, с помощью которых он ведет осаду, — это искушения, а город должен был найти мудрого бедняка, который его спас, то есть добродетель.

И о Псалме 41. Блажен, кто помышляет о бедном.

И о Псалме 78. Дыхание уходит и не возвращается, из чего кое-кто сделал ложное заключение, что душа не бессмертна; но смысл тут в том, что это дыхание — дурная закваска, которая уходит с человеком по его смерти и не возвращается по воскресении.

И то же самое о Псалме 103.

И о Псалме 16.

Учение Раввинов: два Мессии.

XXI. Беспрерывность

279 (614). Слово Давида или Моисея — к примеру, о том, что Бог обрежет сердце, — дает понять их дух.

Пусть все другие их речи кажутся двусмысленны и заставляют усомниться, философские они или христианские, — одно такое слово все определяет окончательно, как одно слово Эпиктета все определяет в противоположном смысле. Двусмысленность длится до сих пор, но не после.

280 (614). Государства погибли бы, если б их законы не менялись зачастую от обстоятельств, но религия никогда этого не позволяла и этим не пользовалась. Итак, нужно либо приспосабливаться, либо творить чудеса.

Нет ничего удивительного, что они сохраняют себя, сгибаясь перед обстоятельствами, — да это и не есть настоящее спасение, и они все равно гибнут без следа. Нет ни одного, что простояло бы 1000 лет. Но что эта религия всегда была крепка и несгибаема… Это от Бога.

281 (613). Беспрерывность.

Эта религия, состоящая в вере в то, что человек пал из состояния славы и общения с Богом в состояние скорби, муки и отпадения от Бога, но что после этой жизни нас исцелит грядущий Мессия, — эта религия была на Земле всегда.

Все ушло, а она, которой все живо, осталась.

Люди в первые века творения впадали во всякое беспутство, и все же были среди них святые, такие, как Енох, Ламех и другие, терпеливо ожидавшие пришествия Христа, обещанного от начала мира. Ной видел злобу людскую, достигшую последней ступени, и ему выпала честь спасти собою мир за то, что он надеялся на Мессию, чьим прообразом он был. Авраам был окружен идолопоклонниками, когда Господь открыл ему тайну о Мессии, Коего он чтил издалека; во времена Исаака и Иакова земля полнилась мерзостью, но эти святые жили в своей вере, и Иаков, умирая и благословляя своих сыновей, восклицает в восторге, заставляющем его прервать речь свою: Господи, ожидаю Спасителя, Тобою обещанного, salutare tuum expectabo domine[77].

Египтяне были заражены идолопоклонством и колдовством, и даже народ Божий поддавался

---

[77] Сноски: 77

На помощь Твою надеюсь, Господи! (Быт. 49, 18).

их примеру. Но Моисей и другие видели Того, Кого они не видели, и поклонялись Ему, помня о вечных дарах, которые Он им уготовил.

Затем греки и латиняне усадили на трон ложные божества, поэты сочинили сотни разных божественных историй. Философы разделились на тысячу разных сект. Но все же в глубине Иудеи всегда оставались избранные, предсказывавшие пришествие Мессии, о Котором было ведомо только им. Он пришел наконец, по совершении времени; и с тех пор мы видели столько схизм и ересей, столько царств погибло, столько перемен во всем; а эта Церковь, поклоняющаяся Тому, Кто был всегда, продолжает стоять неизменно; и что удивительно, несравненно и, конечно, происхождения божественного, — что с этой религией, которая жила всегда, всегда сражались. Тысячу раз она была накануне полной гибели, и всякий раз, когда она была в таком положении, Бог поднимал ее чудесными проявлениями своей мощи. Поразительно то, что она выстояла против воли тиранов, не клонясь и не сгибаясь; ибо неудивительно, когда государство выживает, подчиняя порой свои законы силе обстоятельств;

но когда — Кружок в Монтене[78].

282 (616). Беспрерывность.

В Мессию верили всегда. Предание Адама было еще свежо у Ноя и Моисея. С тех пор пророки предсказывали Его, предсказывая другие вещи, которые время от времени являлись взору людей, подтверждая истинность их призвания и, следовательно, истинность их обетований о Мессии. И. Х. творил чудеса, а также апостолы, обратившие всех язычников, чем и исполнились все пророчества, и пришествие Мессии доказано навсегда.

283 (655). Шесть веков, шесть отцов у шести веков, шесть чудес при начале шести веков, шесть восходов при начале шести веков[79].

284 (605). Единственная религия, перечащая природе, здравому смыслу, жажде удовольствий, — та единственная, которая была всегда.

285 (867). Если древняя Церковь заблуждалась, наша Церковь погибла. Если она впадет в заблуждение сегодня, этого не случится, потому

---

[78] Сноски: 78

Одна из пометок, которые делал Паскаль в своем издании «Опытов».

[79] Сноски: 79

Шесть веков, по Бл. Августину, соответствуют шести дням Творения. Их «восходы» — это Творение, отплытие Ноева ковчега, призвание Авраама, царствование Давида, вавилонское пленение, проповедь Христа.

что она навсегда усвоила высшее правило верности преданиям, идущим от древней Церкви. И такая покорность и подражание древней Церкви все превозмогает и все исправляет. Но древняя Церковь не помышляла о Церкви будущей и не сообразовывалась с ней, как мы помышляем о древней Церкви и с ней сообразуемся.

286 (609). Два рода людей в каждой религии.

Среди язычников одни поклонялись животным, а другие — единому Богу в естественной религии.

Есть иудеи по плоти и по духу, которые были христианами древнего закона.

Среди христиан есть низменные — это иудеи закона нового.

Иудеи по плоти ожидали плотского Мессию, а низменные христиане верят, что Мессия их избавил от любви к Богу. Настоящие иудеи и настоящие христиане поклоняются Мессии, который поможет им любить Бога.

287 (607). Кто судит об иудейской религии по людям низменным, тот плохо ее знает. Она видна в святых книгах и в преданиях пророков, которые понимали закон не буквально. Так и наша религия божественна в Евангелии, у апостолов

и в предании, но смешна у тех, кто плохо ее понимает.

Согласно иудеям по плоти, Мессия должен быть великим царем земным. Согласно христианам по плоти, И. Х. пришел избавить нас от любви к Богу и дать нам таинства, которые все сделают без нас; и то, и другое — ни христианская религия, ни иудейская.

Истинные иудеи и истинные христиане всегда ждали Мессию, который поможет им любить Бога и этой любовью побеждать своих врагов.

288 (689). Моисей (Второзаконие, 30) обещает, что Бог обрежет сердца их, чтобы они любили Господа.

Иудеи по плоти находятся посередине между христианами и язычниками. Язычники не знают Бога и любят только земное, иудеи знают истинного Бога и любят только земное, христиане знают истинного Бога и вовсе не любят земное. Иудеи и язычники любят одни и те же блага. Иудеи и христиане знают одного и того же Бога.

289 (608). Иудеи были двух родов. Одни имели только языческие чувства, другие — только чувства христианские.

XXII. Доказательства Моисея

290 (696). Другой кружок.

Долгая жизнь патриархов отнюдь не способствовала утрате памяти о вещах прошедших, напротив, она помогала ее сохранить. Ибо если мы порой недостаточно осведомлены об истории наших предков, то это проистекает из того, что мы почти не жили с ними вместе, и они часто умирают прежде, чем мы достигнем сознательного возраста. А когда люди жили так долго — и дети долго жили со своими отцами. Они подолгу беседовали. О чем же они говорили, как не об истории своих предков, ибо тогда вся история в этом и заключалась, поскольку у людей не было ни школ, ни наук, ни искусств, занимающих так много места в наших разговорах? Мы видим, что в те времена люди особо заботились о сохранении своей родословной.

291 (587). Эта религия так богата чудесами, святыми, чистыми, непорочными, мудрыми, великими свидетелями, мучениками; царями — Давид — на троне; Исаия — царского рода; так велика познаниями, явив миру все свои чудеса и

всю свою премудрость. Она все это презирает и говорит, что у нее нет ни премудрости, ни знамений, но крест и безумие.

Ибо те, кто этими знамениями и премудростью удостоились почитания от вас и доказали вам свои достоинства, объявляют вам, что все это не может нас изменить и сделать нас способными знать и любить Бога, а может сила крестного безумия, без премудрости и знамений, но не знамения без этой силы.

Так наша религия безумна, если думать о ее подвигающей силе, могущественна и разумна, если думать о премудрости, ее приуготовляющей.

292 (624). Доказательства Моисея.

Почему Моисей хочет, чтобы жизнь человеческая была так длинна и так мало сменялось поколений.

Потому что не долгота лет, но множество поколений затемняет смысл.

Потому что истина меняется только со сменой людей.

И однако два самых памятных события, какие только можно вообразить, — Сотворение мира и Потоп, — он помещает так близко, что их можно коснуться рукой.

293 (204). Если стоит отдать неделю, стоит отдать и всю жизнь.

294 (703). Пока были пророки, чтобы поддерживать закон, народ был беспечен. С тех пор как пророков больше нет, беспечность сменилась рвением.

295 (629). Иосиф скрывает позор народа своего. Моисей не скрывает собственного позора, ни…

Quis mihi det ut omnes prophetent[80].

Он утомился от народа.

296 (625). Сим, который видел Ламеха, который видел Адама, видел также Иакова, который видел тех, кто видел Моисея: следовательно, Потоп и Сотворение мира — правда. Это передавалось между людьми, понимающими такие вещи.

297 (702). Иудейский народ ревностен к своему закону, особенно с тех пор, как больше нет пророков.

XXIII. Доказательства Иисуса Христа

298 (283). Порядок. Против возражения, что у

---

[80] Сноски: 80

Если бы все в народе Господнем были пророками (Числ. 11, 29).

Евангелия нет порядка.

У сердца свой порядок, у разума — свой, основанный на правилах и доказательствах. У сердца порядок другой. Вы не станете доказывать, что вас следует любить, рассуждая по порядку о причинах любви; это было бы смешно.

У И. Х., святого Павла порядок любви, а не разума, ибо они желали смирения, а не познаний.

То же самое у святого Августина. Этот метод состоит прежде всего в отступлениях по каждому поводу, имеющему отношение к цели, чтобы ни на миг не упускать ее из виду.

299 (742). Евангелие говорит о девственности Пресвятой Девы только до рождения Иисуса Христа. Все по отношению к Иисусу Христу.

300 (786). И. Х. в тени безвестности (того, что мир зовет безвестностью), так что историки, пишущие о важных для государства вещах, едва его заметили.

301 (772). Святость.

Effundam spiritum meum[81]. Все народы погрязли в нечестии и похоти, вся земля жаждала любви: цари отказывались от своего сана, девицы

---

[81] Сноски: 81

Излию от Духа Моего [на всякую плоть] (Иоил. 2, 28).

шли на мученическую казнь. Откуда такая сила? Оттого, что пришел Мессия. Вот последствия и знамения Его пришествия.

302 (809). Сочетания чудес.

303 (799). Ремесленник говорит о богатстве, судейский рассуждает о войне, о королевском сане и т. д., но хорошо о богатстве говорит богатый, король спокойно говорит об огромном даре, который только что сделал, а Бог хорошо говорит о Боге.

304 (743). Доказательства И. Х.
Почему сохранилась книга Руфь.
Почему история Фамари.

305 (638). Доказательства И. Х.
Это не значит быть в плену, если есть уверенность в освобождении через 70 лет; но теперь они в плену без всякой надежды.
Бог обещал им, что хотя Он их рассеет до краев света, но если они будут верны закону своему, Он соберет их вновь. Они твердо верны закону и пребывают в угнетении.
306 (763). Пытая, был ли Он Богом, иудеи доказали, что Он был человеком.

307 (764). Церковь потратила столько же тру-

дов на доказательства человеческой природы И. Х. в споре с теми, кто ее отрицал, сколько и на доказательства Его божественной природы; и очевидность этого столь же велика.

308 (793). Бесконечное расстояние между телом и разумом есть лишь подобие бесконечно более бесконечного расстояния между разумом и любовью, ибо она сверхъестественна.

Все величие власти лишено блеска в глазах людей, занятых работой разума.

Величие работников разума невидимо царям, богачам, полководцам, всем сильным по плоти.

Величие мудрости, которая только от Бога, невидимо ни людям плоти, ни людям разума. Это три разных порядка, разного рода.

У великих гениев свои царства, своя слава, свое величие, своя победа и свой блеск, и нет нужды в плотском величии там, где оно чужое. Их видят не глаза, но умы. Этого достаточно.

У святых свое царство, своя слава, своя победа, свой блеск, им нет нужды в величии плоти или разума; такое величие им чуждо, ибо ничего им не прибавляет и не отнимает у них ничего. Их видят Бог и ангелы, а не тела или любознательные

умы. Бога им довольно.

Архимед и без громкой славы пользовался бы таким же уважением. Он не вел сражений, видимых глазу, но подарил умам свои изобретения. О, как сияет его слава в умах.

И. Х., без богатств и без всяких подвигов в чем-либо кроме премудрости, пребывает в своем порядке святости. Он не сделал никаких изобретений. Он не царствовал, но Он был смиренный, терпеливый, святой, святой, святой для Бога, страшный для бесов, безгрешный. О, в какой сверкающей пышности и несказанном великолепии является Он очам сердца и умеющим видеть премудрость.

Архимеду в его книгах по геометрии не было нужды представляться царем, даже если б он им был.

Господу нашему Иисусу Христу для славы в царстве святости не было нужды являться царем, но Он явился в славе своего порядка.

Смешно оскорбляться земной малостью И. Х., словно бы эта малость была того же порядка, которому принадлежит явленное Им величие.

Подумайте об этом величии в Его жизни, в

Его страстях, в Его безвестности, в Его смерти, в выборе учеников, в их отречении, в Его тайном воскресении и во всем остальном. Вы увидите — оно столь велико, что нет причины оскорбляться той малостью, которая принадлежит другому порядку.

Но есть такие, кто могут восхищаться только величием плоти, словно и нет величия ума. И другие, кто восхищаются только величием ума, словно и нет бесконечно более высокого величия премудрости.

Все тела, небосвод, звезды, земля с ее царствами не стоят малейшего из умов. Ибо он знает все это и себя самого, а тела — нет.

Все тела вместе и все умы вместе и все из них происходящее не стоят малейшей толики любви. Она принадлежит бесконечно более высокому порядку.

Из всех тел вместе нельзя извлечь и самой ничтожной мысли. Это невозможно, ибо принадлежит другому порядку. Из всех тел и умов нельзя извлечь толики истинной любви, это невозможно, это принадлежит другому, сверхъестественному порядку.

309 (797). Доказательства И. Х.

И. Х. говорил о важных вещах так просто, что кажется, будто Он о них и не думал, и в то же время с такой точностью, что мысли Его нам совершенно понятны. Это соединение такой ясности с такой бесхитростностью восхищает нас.

310 (801). Доказательства И. Х.

Предположение, что апостолы были обманщиками, нелепо. Продолжим его до конца, представим себе, как эти двенадцать человек собираются после смерти И. Х. и сговариваются сказать, что Он воскрес. Они бросали этим вызов всем властям. Сердца человеческие удивительно склонны к легкомыслию, к переменчивости, к обещаниям, к богатствам, так что если бы хоть один из них признался во лжи из-за этих приманок, не говоря уж о темницах, пытках и смерти, они бы погибли. Подумайте об этом.

311 (640). Удивительно и достойно особого внимания, что еврейский народ все еще живет спустя столько лет и что он по-прежнему гоним. Ибо для доказательства И. Х. необходимо и существование евреев, подтверждающее существование И. Х., и гонения на них, поскольку они Его распяли. И хотя гонения и жизнь противоречат друг другу,

народ этот продолжает жить, оставаясь по-прежнему гонимым.

312 (697). Prodita lege.
Impleta cerne.
Implenda collige[82].
313 (569). Каноны.
В начальные дни Церкви ереси служили подтверждением канонов.

314 (639). Когда Навуходоносор увел народ в плен, то чтобы не подумали, будто скипетр отошел от Иуды, Он сказал им заранее, что они там будут недолго, и что они там будут, и что они вернутся.

Пророки по-прежнему их утешали; род царей их не прерывался.
Но по второму разрушению Храма они остались без обещаний о восстановлении его, без пророков, без царя, без утешения, без надежды, ибо скипетр отошел от них навсегда.

315 (752). Сначала Моисей учит о Троице, о первородном грехе, о Мессии.
Давид — великий свидетель.

---

[82] Сноски: 82
Читай то, что было возвещено. Узри то, что исполнилось. Собирай то, что следует исполнить.

Царь, добрый, милостивый, прекрасное сердце, глубокий ум, могущественный. Он пророчествует, и чудо его сбывается. Так до бесконечности.

Будь он суетен, ему стоило бы только объявить себя Мессией, ибо пророчества о нем яснее, чем об И. Х.

То же самое с Иоанном Предтечей.

316 (800). Кто открыл евангелистам качества души совершенно героической, какую они с таким совершенством изобразили в И. Х.? Почему они рисуют Его слабым в страстях Его? Разве они не умели изображать героическую смерть? Умели; ведь тот же евангелист Лука рисует смерть святого Стефана более мужественной, чем смерть И. Х.

Они изображают Его подверженным страху, пока смерть не приблизилась неотвратимо, а после этого необыкновенно твердым.

Но они описывают Его встревоженным, когда Он тревожится сам, и твердым, когда Его тревожат люди.

317 (701). Ревностность евреев к своему закону и своему храму. Иосиф и Филон Александрий-

ский, ad Caium[83].

Какой еще народ так ревностен; они должны были быть такими.

Пришествие И. Х. предсказано и по времени, и по состоянию мира. Отошел законодатель от чресл его, и Четвертое царство.

Как счастливы мы иметь такой свет посреди такой тьмы.

Как прекрасно видеть очами веры, что Дарий и Кир, Александр, римляне, Помпей и Ирод, сами того не зная, трудились во славу Евангелия.

318 (755). Очевидные расхождения между Евангелиями.

319 (699). Синагога предшествовала Церкви, иудеи — христианам. Пророки предсказали христиан. Иоанн Предтеча. И. Х.

320 (178). Макробий. Младенцы, убитые Иродом.

321 (600). Всякий человек может сделать то, что сделал Магомет. Он не творил чудес, его появление не было предсказано. Ни один человек не может сделать того, что сделал И. Х.

---

[83] Сноски: 83

Ad Caium («О посольстве к Гаю») — сочинение Филона Александрийского.

322 (802). Апостолы либо были обмануты, либо обманывали сами. И то, и другое маловероятно. Невозможно принять человека за существо, воскресшее из мертвых.

Пока И. Х. был с ними, Он мог их поддерживать, но после, если Он им не явился, кто подвигал их действовать?

XXIV. Пророчества

323 (773). Поражение иудеев и язычников от Иисуса Христа: omnes gentes venient et adorabunt eum[84]. Parum est ut[85], etc. Postula a me[86].

Adorabunt eum omnes reges[87].

Testes iniqui[88].

Dabit maxillam percutiendi. Dederunt fel in

---

[84] Сноски: 84
Поклонятся пред Тобою все племена язычников (Пс. 21, 28).

[85] Сноски: 85
Мало того что [ты будешь рабом Моим для восстановления колен Иаковлевых] (Ис. 49, 6).

[86] Сноски: 86
Проси у Меня [и дам народы в наследие Тебе] (Пс. 2, 8).

[87] Сноски: 87
И поклонятся ему все цари (Пс. 71, 11).

[88] Сноски: 88
Свидетели неправедные (Пс. 34, 11).

escam[89].

324 (730). Что тогда с идолопоклонством будет покончено, что Мессия разобьет идолов и приведет людей к поклонению истинному Богу.

Что капища идолов будут разрушены и что от всех народов, повсюду на земле Ему будет приноситься жертва чистая, а не животные.

Что Он будет царем иудеев и язычников; и вот этот царь иудеев и язычников, которого гнали и те, и другие, и сговаривались Его погубить, владычествует и над теми, и над другими, и разрушает веру Моисееву в Иерусалиме, где было средоточие ее и где Он создал свою первую Церковь, и разрушает поклонение идолам в Риме, где было средоточие его и где Он создал свою главную Церковь.

325 (733). Что Он наставлял людей на путь совершенный.

И никогда, ни до, ни после, не являлся человек, чьи наставления могли бы сравниться с этим в божественности своей.

326 (694). А увенчание всему этому — проро-

---

[89] Сноски: 89

Подставляет ланиту свою бьющему его, пресыщается поношением (Плач 3, 30).

чество, дабы не говорили, что произошло все случайно.

Кто из тех, кому жить осталось не более недели, не предпочтет думать, что все это — не прихоть случая?

А если бы нами не владели страсти, не было бы разницы между неделей и сотней лет.

327 (770). После того как пришло до Него столько людей, пришел наконец И. Х. и сказал: вот Я и вот время. То, чему пророки предрекали свершиться по прошествии времени, Я говорю вам, что апостолы Мои это совершат. Иудеи будут посрамлены. Иерусалим вскоре будет разрушен, и язычники познают Бога. Апостолы Мои совершат это после того, как вы убьете наследника виноградника.

А потом апостолы сказали иудеям: вы будете прокляты. Цельс над этим смеялся. А язычникам: вы познаете Бога, и тогда это свершилось.

328 (732). Пусть никто больше не наставляет ближнего своего, говоря: вот Господь. Бог явится всем. Сыновья ваши будут пророчествовать. Я вложу дух Божий и страх Божий в ваши сердца.

Все это — одно и то же.

329 (734). Пророчествовать — значит говорить

о Боге без доказательств внешних, но по чувству внутреннему и непосредственному.

330 (725). Что И. Х. был мал при начале Его, а затем возрос. Камень Даниила[90].

Если бы я вовсе ничего не слышал о Мессии, все равно, увидев, как исполнились чудесные пророчества о судьбах мира, я понял бы, что они от Бога, а зная, что те же самые книги предсказывают Мессию, я бы несомненно в Нем уверился; и зная, что они назначают Его время до разрушения Второго храма, я сказал бы, что Он придет.

331 (748). Египтяне.

Обращение египтян.

Ис. (30. 19). Жертвенник Богу истинному в Египте.

Во времена Мессии народ этот разделяется.

Духовные приняли Мессию, плотские остались, чтобы служить свидетелями Ему.

332 (710). Пророчества.

Если бы один человек составил книгу, где предсказал бы, когда и как явится И. Х., и Он явился

---

[90] Сноски: 90

Камень Даниила — во сне Навуходоносора камень сам оторвался от горы и разрушил огромного истукана; по толкованию Даниила, этот камень означает царство, которое «сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»; у христианских апологетов — это царство Христа.

бы согласно пророчеству, — это было бы доказательство огромной силы.

Но у нас есть много большее. Есть череда людей, которые на протяжении четырех тысяч лет постоянно и неизменно являлись один за другим и в точности так же предсказывали Его пришествие. Есть целый народ, который возвещает это пришествие и четыре тысячи лет продолжает жить, чтобы очевидно свидетельствовать о своей вере в него, и вера эта не может быть поколеблена, какие бы угрозы и гонения народу ни чинили. Это несравненно убедительнее.

333 (708). Пророчества.

Время предсказано через судьбу народа еврейского, судьбу народов языческих, судьбу Храма, через число лет.

334 (726). Осия — 3 (4).

Исаия 4 (2), 48. Я давно предсказал это, дабы вы знали, что это Я. 54, 60, 61 и последняя.

Иаддуй Александру[91].

335 (706). Величайшее из доказательств И. Х. —

[91] Сноски: 91

В «Иудейских древностях» рассказывается, что иудейский первосвященник Иаддуй заставил Александра Македонского почитать Бога и иудеев.

пророчества. Об этом Господь заботился более всего, ибо событие, их наполняющее, — это чудо, которое длится с рождения Церкви и до конца. Так Бог 1600 лет подряд воздвигал пророков, а потом на 400 лет рассеял эти пророчества вместе с иудеями, которые разнесли их по всему свету. Вот как готовилось рождение Христа, в Евангелие Которого должен был поверить весь свет; нужны были не только пророчества, подтверждающие Его, но пророчества эти должны были еще и разнестись по всему свету, чтобы весь свет Его принял.

336 (709). Нужна большая смелость, чтобы предсказать одно событие столькими способами.

Нужно было, чтобы 4 царства, идолопоклоннические или языческие, конец царствования Иуды и 70 седьмин сошлись во времени, и всё это до разрушения Второго храма.

337 (753). Ирода принимали за Мессию. Он отнял скипетр у Иуды, но он не был из дома Иуды. Это была многочисленная секта.

А Бар-Кохба[92] и другой были приняты евреями. И слух в то время был повсюду.

---

[92] Сноски: 92

Бар-Кохба — предводитель восстания евреев против римского владычества (132–135).

Свет[93]. — Тацит. Иосиф.

Как был необходим Мессия, коль скоро через Него скипетр должен был навечно оставаться у Иуды — и с Его пришествием скипетр должен быть отнят у Иуды.

Ничего нельзя было сделать лучше для того, чтобы они, видя, не видели, и слыша, не слышали.

Греки проклинали тех, кто исчислял отрезки времени.

338 (797). Предсказание.

Что во время Четвертого царства, перед разрушением Второго храма, до того как власть будет отнята у иудеев в семидесятую седьмину Даниила, пока стоит Второй храм, язычники просветятся и будут приведены к познанию Бога, которому поклоняются иудеи; что те, кто любят Его, будут избавлены от врагов, исполнены страхом Божиим и любовью Божией.

И вот случилось, что во время Четвертого царства, перед разрушением Второго храма и т. д., язычники стали толпами поклоняться Богу и вести жизнь ангельскую.

---

[93] Сноски: 93

Имеется в виду Гай Светоний Транквилл, римский историк. Паскаль, очевидно, хотел поговорить о том, что́ современные Христу историки рассказывали, а что́ умалчивали о Христе.

Девицы посвящают Богу свою девственность и свою жизнь, мужчины отказываются от всех наслаждений. То, чего Платон не мог внушить избранным, ученейшим мужам, некая тайная сила всего лишь несколькими словами внушает сотням тысяч невежд.

Богатые покидают свои сокровища, дети покидают покойные дома своих отцов и бегут в суровые пустыни, и т. д. У Филона Александрийского.

Что же это такое? Это то, что и было предсказано задолго; за 2000 лет ни один язычник не поклонялся Богу иудейскому, а в предсказанное время толпы язычников поклоняются этому единому Богу. Капища разрушаются, и даже цари покоряются кресту. Что это все такое? Это дух Божий распространяется по Земле.

Ни один язычник от Мессии до И. Х., согласно самим же раввинам; толпы язычников после И. Х. поверили в книги Моисеевы и соблюдают их суть и дух, отбрасывая только ненужное.

339 (738). Поскольку пророки назвали предзнаменования, которые должны возвестить пришествие Мессии, нужно было, чтобы все эти предзнаменования сошлись в одно время. Нужно было, чтобы наступило Четвертое царство, когда

истекут семьдесят седьмин Даниила, и чтобы скипетр к тому времени отошел от Иуды.

И все это совершилось беспрепятственно; и тогда явился Мессия, явился И. Х., который назвал Себя Мессией, и все это тоже беспрепятственно и доказывает истинность пророчества.

340 (720). Non habemus regem nisi Caesarem[94]. Итак, И. Х. был Мессией, коль скоро царем у них был чужеземец и они не хотели другого.

341 (723). Пророчества.

Семьдесят седьмин Даниила неопределенны в том, что касается начала отсчета, из-за неясности пророчества. А в том, что касается его конца, из-за расхождений у историков. Но разница эта не превышает 200 лет.

342 (637). Пророчества.

Скипетр не отходил во время Вавилонского пленения, потому что возвращение их было скорым и предреченным.

343 (695). Пророчества. Умер великий Пан[95].

---

[94] Сноски: 94

Нет у нас царя, кроме кесаря (Ин. 19, 15).

[95] Сноски: 95

Имеется в виду древнегреческий бог стад, лесов и полей. Воспринимался как олицетворение языческой природы.

344 (756). Что, кроме восхищенного почтения, можно испытывать к человеку, который ясно предсказывает совершающиеся события… и объявляет свой замысел — и ослеплять, и просвещать, и мешает темные места с ясными, подтверждающимися.

345 (727). Parum est ut…[96] Призвание язычников. (Ис. LII, 15.)

346 (729). Предсказания.

Предсказано, что в свой срок Мессия придет заключить Новый Завет, который заставит забыть исход из Египта — Иер. XXIII, 5 — Ис. XLIII, 16 — и поместит закон свой не вовне, но в сердце, и страх свой, бывший снаружи, в самую глубь сердца…

Кто не видит во всем этом закона христианского?

347 (735). Пророчества.

Что иудеи отвергли И. Х. и будут за это отвержены Богом; что лоза возлюбленная будет давать лишь кислый виноград; что избранный народ будет неверным, неблагодарным и упрямым.

---

[96] Сноски: 96
См. прим. 2 с. 235.

Populum non credentem et contradicentem[97].

Что Бог поразит их слепотой, и они будут в ясный полдень шарить руками, как слепцы.

Что перед Ним придет предтеча.

348 (718). Вечное царствование дома Давидова, 2 Пар., по всем пророчествам и с клятвой. И не исполнилось на земле.

XXV. Особые иносказания

349 (652). Особые иносказания

Два закона, две скрижали закона, два храма, два пленения.

350 (623). (Иафет начинает родословную.)[98]

Иосиф перекрещивает руки и отдает предпочтение младшему.

---

[97] Сноски: 97

[Я простирал руки Мои] к народу непослушному и упорному (Рим. 10, 21).

[98] Сноски: 98

Описка Паскаля: из сыновей Ноя родословная Христа восходит не к Иафету, а к Симу.

XXVI. Христианская мораль

351 (537). Удивительная вещь христианство: оно требует от человека признать свою низость и даже мерзость — и требует от него желания уподобиться Богу. Без такого противовеса это вознесение духа делало бы его нестерпимо тщеславным, а это уничижение внушало бы нестерпимое презрение к себе.

352 (526). Из сознания своего ничтожества рождается отчаяние. Из гордыни рождается самодовольство.

Боговоплощение показывает человеку меру его ничтожества через величие средства, необходимого для его излечения.

353 (529). Ни уничижение, делающее нас неспособными к добру, ни святость, очищенная от зла.

354 (524). Нет учения, более сообразного человеку, чем это, которое открывает его двойную способность — принимать благодать и утрачивать ее из-за двойной опасности, постоянно его преследующей: отчаяния или гордыни.

355 (524). Из всего, что есть на земле, Он берет

себе только страдание, но не наслаждение. Он любит Своих ближних, но Его любовь не заключается в этих границах и распространяется и на Его врагов, а затем и на врагов Божиих.

356 (539). Какая разница в послушании между солдатом и монахом? Ведь они оба должны слушаться и повиноваться, и в одинаково тяжелых испытаниях; но солдат всегда надеется стать начальником и никогда им не становится, потому что маршалы и даже принцы тоже всего лишь рабы и слуги; но он продолжает надеяться и выбивается из сил для этой цели, тогда как монах дает обет всегда оставаться слугой. Поэтому разница между ними не в вечном рабстве, в котором они неизменно пребывают, а в надежде, которую один питает постоянно, а другой — никогда.

357 (541). Никто не бывает ни так счастлив, как истинный христианин, ни так разумен, ни так добродетелен, ни так любезен.

358 (538). Как мало у христианина гордыни в его чувстве единения с Богом. Как мало у него презрения к себе в чувстве равенства с червем земляным. Как прекрасно он принимает жизнь и смерть, блага и невзгоды.

359 (481). Примеры геройской гибели лакеде-

монян и прочих нас вовсе не трогают, — что они нам дают?

Но пример смерти мучеников нас трогает, ибо они — члены нашего тела. Мы связаны с ними общностью. Их мужество рождает наше не только своим примером, но и потому, что, быть может, их мужеством наше было куплено.

Ничего такого нет в языческих примерах. Мы не связаны с ними. Мы не становимся богаче от того, что кто-то чужой богат; но мы богатеем, если богатеет наш отец или муж.

360 (482). Начало мыслящих членов. Мораль.

Сотворив небо и землю не сознающими блаженства своего бытия, Бог пожелал сотворить такие существа, которые бы его сознавали и составили бы тело из мыслящих членов. Ибо наши члены не сознают блаженства своего соединения, своей удивительной разумности, той заботы, с которой природа распоряжается их силой, взращивает и укрепляет ее. Как были бы они счастливы, если б ощущали это, если б это видели; но тогда они должны были обладать разумением, чтобы это понимать, и доброй волей, чтобы согласиться с волей всеобщего разума. А если, обладая разумением, они употребили бы его на то, чтобы удерживать пищу для себя самих, не

передавая ее другим членам, то оказались бы не только несправедливы, но и несчастны, и скорее ненавидели бы себя, чем любили; их блаженство, равно как и их долг, состоит в том, чтобы подчиняться целокупному разуму, их объемлющему и любящему их больше, чем они сами любят себя.

361 (209). Разве ты не остаешься рабом, когда господин тебя любит и ласкает? Ты на верху блаженства, раб, господин тебя обласкал. Он тебя скоро побьет.

362 (472). Собственная воля никогда не даст удовлетворения, если будет властна надо всем, чего желает; удовлетворение приходит с той минуты, как от нее отказываются. Без нее нельзя быть недовольным; благодаря ей нельзя быть довольным.

363 (914). Они дают волю похоти и заглушают укоры совести, а надо бы поступать наоборот.

364 (249). Возлагать всю надежду на исполнение обрядов — это суеверие; но отказываться их исполнять — это гордыня.

365 (496). Мы по опыту видим огромную разницу между святошей и добрым человеком.

366 (747). Два рода людей в каждой религии.

(Смотрите раздел «Беспрерывность».) Суеверие, похоть.

367 (672). Не придавали значения обрядам.

Когда святой Петр и апостолы размышляют об отмене обрезания, что означает отступить от закона Божия, они сообразуются не со словами пророков, а просто с тем, что Дух Святой нисходит на необрезанных.

Они судят так, что благоволение Божие к тем, кого Он исполняет духом Своим, важнее, чем необходимость соблюдать закон.

Они знали, что у закона нет иной цели, кроме Святого Духа, и коль скоро Он может нисходить на необрезанных, обрезание не обязательно.

368 (474). Члены. Начать с этого.

Чтобы понять, какую любовь мы обязаны питать к самим себе, нужно вообразить тело, состоящее из мыслящих членов, ибо мы — члены целого, и подумать, как каждый член должен себя любить, и т. д.

369 (611). Государство.

У христианского и даже у иудейского государства не было иного властелина, кроме Бога, как замечает Филон Александрийский, «О государстве».

Они сражались только за Бога и уповали более всего на Бога. Города свои они считали принадлежащими Богу и хранили их для Бога. 1 Пар. XIX, 13.

370 (480). Чтобы члены были счастливы, нужно, чтобы они обладали волей и согласовывали ее со всем телом.

371 (473). Вообразим тело, состоящее из мыслящих членов.

372 (483). Быть членом означает получать жизнь, бытие и движение только от духа всего тела. А для тела отдельный член, не видящий тела, к которому он принадлежит, — всего лишь естество гибнущее и умирающее. Он, однако, полагает себя всем целым, и не видя более тела, от которого зависит, полагает, что зависит только от самого себя, и хочет себя самого сделать средоточием и телом. Но поскольку в нем самом не заключено начала жизни, то он лишь теряется и путается в сомнениях о своем естестве, догадываясь, что он — не тело, но все же не видя, что он — член тела. Наконец, когда он познает себя, то словно возвращается к себе самому и любит себя отныне только ради тела. Он жалеет о своих былых заблуждениях.

По природе своей он не мог бы любить другую вещь иначе, как для себя самого и чтобы ее себе подчинить, ибо каждая вещь любит себя более всего.

Но любя тело, он любит себя самого, потому что бытие его только в теле, через тело и для тела. Qui adhaeret deo unus spiritus est[99].

Тело любит руку, и рука, будь у нее воля, должна бы любить себя так же, как ее любит тело; всякая любовь сверх того неправедна.

Adhaerens deo unus spiritus est; человек любит себя, поскольку он — член И. Х.; человек любит И. Х., поскольку Он — тело, в котором человек — член. Все — единое. Один в другом, как три лица Троицы.

373 (476). Нужно любить только Бога и ненавидеть только себя.

Если бы нога долго не знала, что принадлежит к телу и что есть тело, от которого она зависит, если бы она знала и любила только себя и вдруг узнала, что принадлежит к телу, от которого зависит, — какие сожаления, какое смятение от своей прежней жизни, от того, что она была бесполезна

---

[99] Сноски: 99

Соединяющийся с Господом есть один дух [с Господом] (1 Кор. 6, 17).

для тела, которое вдохнуло в нее жизнь, которое уничтожило бы ее, если б ее отбросило и отделило от себя, как она отделялась от него. Как она молила бы ее оставить! И с какой покорностью подчинилась бы она воле, правящей телом, и согласилась бы даже, чтобы ее отрезали, если так надо! Иначе она не могла бы называться членом; ведь всякий член должен быть готов погибнуть за тело — единственное, для чего все существует.

374 (475). Если бы ноги и руки имели свою отдельную волю, они бы устроили для себя порядок не иначе, как подчинив эту отдельную волю главной воле, правящей всем телом. Без этого им уготованы беспорядок и беда; а желая лишь блага для тела, они устраивают благо для себя.

375 (503). Философы освятили пороки, наделяя ими самого Бога; христиане освятили добродетели.

376 (484). Двух законов достаточно, чтобы управлять всем христианским государством лучше, чем с помощью всех политических законов.

XXVII. Заключение

377 (280). Что от познания Бога далеко до любви к Нему.

378 (470). Если б я увидел чудо, говорят они, я бы обратился. Как могут они уверять, что сделали бы то, чего не знают. Они думают, что обращение состоит в поклонении Богу, которое совершается в общении и беседе с Ним, как они себе их представляют. Подлинное же обращение состоит в том, чтобы уничтожиться перед этим Высшим Существом, Которое вы столько раз гневили и Которое в любой час по праву может вас погубить; в том, чтобы признать, что вы ничего не можете без Него и не заслужили от Него ничего, кроме немилости. Оно состоит в знании того, что между вами и Богом — неодолимое противостояние и что мы не можем общаться с Ним без посредника.

379 (825). Чудеса не обращают нас, но приговаривают. Sum. Theol. p. q. 113. a. 10. ad. 2[100].

---

[100] Сноски: 100

Ссылка на «Сумму теологии» Фомы Аквинского: часть I, вопр. 113, параграф 10, ответ на 2 возражение.

380 (284). Не удивляйтесь, что простые люди веруют без рассуждений. Бог дает им любовь к Нему и ненависть к самим себе. Он склоняет их сердца к вере. Нельзя уверовать настоящей верой, если Бог не склонит сердца, а как только Он склонит сердце, приходит вера.

Это то, что хорошо знал Давид. Inclina cor meum Deus in[101], и т. д.

381 (286). Те, кто верят, не читавши Заветов, верят потому, что их внутреннее предрасположение исполнено святости, и то, что они слышат о нашей религии, с ним согласуется. Они догадываются, что сотворены Богом. Они хотят любить только Бога, ненавидеть только себя. Они чувствуют, что у них самих не хватит на это сил, что они не способны идти к Богу и что если Бог не придет к ним, они не способны ни на какое общение с Ним; они слышат, как наша религия говорит, что надо любить только Бога и ненавидеть только себя, но что поскольку все мы греховны и недостойны Бога, Бог сделался человеком, чтобы соединиться с нами. Больше ничего и не нужно, чтобы убедить людей с таким сердечным предрасположением и с таким знанием своего долга

---

[101] Сноски: 101
Приклони сердце мое к [откровениям Твоим] (Пс. 118, 36).

и своей слабости.

382 (287). Познание Бога.

Те, кого мы считаем христианами, хотя и не знают пророчеств и доказательств, но судят об этом не хуже тех, кто такими познаниями обладает. Они судят об этом сердцем, тогда как другие судят разумом. Это потому, что их склоняет к вере сам Господь, и оттого убеждения их тверды и правильны.

(Вы скажете, что такой способ суждения ненадежен и что благодаря ему еретики и неверующие сбиваются с пути истинного.)

(На это можно ответить, что еретики и неверующие говорят то же самое; но я отвечу: у нас есть доказательства того, что Бог поистине склоняет тех, кого любит, к христианской вере, а у неверующих нет никаких доказательств того, что они говорят, поэтому наши утверждения хотя и похожи словесно, но различаются тем, что одно не имеет никаких доказательств, а другое доказано убедительно.)

(eorum qui amant[102] — Бог склоняет сердца тех,

---

[102] Сноски: 102
Тех, кто его любит.

кого любит — Deus inclina corda eorum[103] — кто Его любит — кого Он любит.)

Признаю, что кто-то из таких христиан, верующих без доказательств, быть может, не сумеет убедить неверующего, который найдет что сказать за себя; но те, кому известны доводы нашей религии, докажут с легкостью, что этот верующий действительно исполнен духа Божия, хотя и не может доказать это сам.

Коль скоро Бог сказал через своих пророков (которые поистине пророки), что в царствии И. Х. Он изольет Свой дух на все народы и что сыны, дочери и чада Церкви будут пророчествовать, то несомненно, что дух Божий почиет на этих, а на других — нет.

---

[103] Сноски: 103
Бог склоняет сердца тех...